

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ **REGIONOLOGY**

Том 26, № 4, 2018 (октябрь – декабрь)
Сквозной номер выпуска – 105

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68/1

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

Vol. 26, No. 4, 2018 (October – December)
Continuous issue 105

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2018

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки и группам специальностей:

Социально-экономические и общественные науки

08.00.00 Экономика
22.00.00 Социология
23.00.00 Политология

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main content of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The Journal is included in the **List of the peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of Candidate of Sciences or Doctor of Sciences should be published.**

The names and content of the Journal’s sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the editorial office for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and groups of specialties:

Socio-Economic and Social Sciences

08.00.00 Economics
22.00.00 Sociology
23.00.00 Political Science

Editorial staff’s policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. Journal’s editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors’ and publishers’ work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

The Journal is indexed and archived in Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library of CyberLeninka, in the electronic library system of Lan, in the database of Ulrichsweb Global Serials Directory, German National Library of Economics (ZBW).

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

All the materials of the Regionology journal are available under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вловин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Россия)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Россия)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Россия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры европейских исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Россия)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Россия)

Гришин Виктор Иванович – ректор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор, rector@gea.ru (Москва, Россия)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@ Rambler.ru (Нижний Новгород, Россия)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Россия)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Россия)

Кизима Сергей Анатольевич – заведующий кафедрой международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Россия)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Россия)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Россия)

Немировский Валентин Геннадьевич – старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Россия)

Патрушев Владимир Иванович – профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор социологических наук, профессор, vipatrushev@yandex.ru (Москва, Россия)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Россия)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центральном-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, ai gul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mr uni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Россия)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalae vvp@volgatech.net (Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russia)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russia)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russia)

Igor N. Barygin – Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russia)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russia)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russia)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russia)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russia)

Viktor I. Grishin – Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, rector@rea.ru (Moscow, Russia)

Sergey A. Kizima – Head of Department, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russia)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russia)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russia)

Valentin G. Nemirovskiy – Senior Researcher at the Training and Research Laboratory, Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russia)

Vladimir I. Patrushev – Professor, Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, vipatrushev@yandex.ru (Moscow, Russia)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russia)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgategh.net (Yoshkar-Ola, Russia)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

- М. В. Морошкина.** Пространственное развитие России: региональные диспропорции 638
- И. В. Арженовский.** Факторы взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды 658
- О. В. Гордячкова, Т. И. Печетова.** Качество жизни населения Республики Саха (Якутия): рейтинг муниципальных районов 674

Политическая регионалистика. Этнополитика

- М. В. Назукина.** Маркеры этничности в региональной идентичности республик России 698

Экономическая социология и демография

- С. А. Кожевников.** Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области 718
- А. А. Бесчасная, Н. Н. Покровская.** Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи 742
- А. Г. Филипова, А. В. Высоцкая.** Построение имитационной модели «Социальный потенциал детства в регионе» 764

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Ж. В. Жираткова, Т. Э. Петрова, А. В. Леонтьева.** Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи (социологический анализ) 784
- А. А. Сычев, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова.** Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) 798
- Информация для авторов и читателей** 816
- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 818

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

- M. V. Moroshkina.** Spatial Development of Russia: Regional Disproportions 638
- I. V. Arzhenovskiy.** Factors of Mutual Impact of Innovative Startups and the Regional Environment 658
- O. V. Gordyachkova, T. I. Pechetova.** Quality of Life in the Republic of Sakha (Yakutia): Rating of the Municipal Districts 674

Political Regional Studies. Ethnopolitics

- M. V. Nazukina.** Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics 698

Economic Sociology and Demography

- S. A. Kozhevnikov.** Agglomeration Processes in the European North of Russia: Experience of the Vologda Region 718
- A. A. Beschasnaya, N. N. Pokrovskaya.** Prospects for the Development of Russian Cities in the Context of the Education-Related Migration of Young People 742
- A. G. Filipova, A. V. Vysockaya.** Construction of the Simulation Model of Social Potential of Childhood in a Region 764

Social Structure, Social Institutions and Processes

- Zh. V. Zhiratkova, T. E. Petrova, A. V. Leontyeva.** Promotion of a Healthy Lifestyle among Students (a Sociological Analysis) 784
- A. A. Sychev, E. A. Koval, N. V. Zhadunova.** The Issue of Classification of Hate Speech Against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia) 798
- Information for Authors and Readers of the Journal** 816
- Information for Authors and Readers of the Journal (in English)** 818

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 316.334.52

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657

ISSN 2413-1407 (Online)

Пространственное развитие России: региональные диспропорции

М. В. Морошкина

*Карельский научный центр Российской академии наук
(г. Петрозаводск, Россия),
maribel74@mail.ru*

Введение. Тема межрегиональной дифференциации актуальна в связи с имеющимся в российских регионах увеличением диспропорций, которое оказывает влияние на развитие экономики государства. Основной целью, поставленной в проводимом исследовании, является оценка уровня межрегиональной дифференциации.

Материалы и методы. При проведении исследования применялся индикатор «общей энтропии», в частности индекс Тейла. Методология исследования включает в себя экономико-математические методы обработки данных, пакеты анализа статистических данных и др.

Результаты исследования. В ходе работы поставлены и решены исследовательские задачи: проанализировано развитие российских регионов в период структурных преобразований; определены показатели, позволяющие оценить уровень экономического развития территорий; выбран коэффициент, на основании расчета которого оценивается уровень межрегиональной дифференциации; дана оценка уровня межрегиональной дифференциации. Доказано, что периоды роста экономики характеризуются более быстрыми темпами развития слабых регионов в связи с государственной поддержкой и перераспределением бюджетных средств, смягчающих территориальные различия. В периоды экономического спада для ускорения роста экономики государственная поддержка направляется в регионы, обладающие конкурентными преимуществами и способные изменить отрицательную динамику экономического развития страны.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты могут использоваться при разработке программы развития хозяйственных субъектов и составлении стратегических документов. Межрегиональные различия и неравенство большинства территорий определяют динамику их развития и возможности экономического роста, на которые должна опираться проводимая региональными властями экономическая политика. В условиях конкурентной среды определение и дальнейшее

© Морошкина М. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

использование преимуществ регионов позволяют формировать политику развития региона, помогающую принимать управленческие решения.

Ключевые слова: регион России, уровень региональных различий, валовый региональный продукт на душу населения, индекс Тейла, сопоставимые цены, текущие цены

Благодарности. Исследование выполнено в рамках темы № 0224-2017-0009 «Экономико-математическое моделирование и прогнозирование адаптации региональных социо-эколого-экономических систем к изменениям мировой экономики, изменениям федеральной политики и другим внешним шокам».

Spatial Development of Russia: Regional Disproportions

M. V. Moroshkina

*Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia),
maribel74@mail.ru*

Introduction. The topic of interregional differentiation is relevant due to the existing increase in disproportions in the Russian regions, which has an impact on the development of the state economy. The main objective of the study is to assess the level of interregional differentiation.

Materials and Methods. The study used the indicator of “general entropy”, in particular, the Theil index. The research methodology includes economic and mathematical methods of data processing, statistical data analysis packages, etc.

Results. In the course of the work, the research tasks were set and fulfilled: the development of Russian regions in the period of structural transformations was analyzed; indicators making it possible to assess the level of economic development of territories were provided; a coefficient was chosen, based on the calculation of which the level of interregional differentiation was estimated; the level of interregional differentiation was assessed. It has been proved that the periods of economic growth are characterized by faster rates of development of weak regions due to the state support and redistribution of budgetary funds mitigating territorial differences. During the periods of economic recession, the state support is provided to the regions with competitive advantages, capable of changing the negative dynamics of the country’s economic development in order to accelerate economic growth.

Discussion and Conclusion. The results achieved can be used when designing the program of development of economic entities or drafting strategic documents. Interregional differences and disparities in most territories determine the dynamics of their development and the opportunities for economic growth, on which the economic policy pursued by the regional authorities should be based. In a competitive environment, the identification and further gaining strength from the advantages of the regions make it possible to form the policy of the region’s development which helps to make management decisions.

Keywords: Russian region, level of regional disparities, gross regional product per capita, Theil index, comparable prices, current prices

Acknowledgments. The study was conducted under the theme No. 0224-2017-0009 “Economic-mathematical modeling and forecasting the adaptation of regional socio-ecological-economic systems to changes in the global economy, changes in federal policy and other external shocks”.

Введение. Пространственное развитие Российской Федерации является важным направлением государственной политики, так как территория страны обширна и количество ее субъектов велико. Разнообразие ресурсной базы и условий хозяйственной деятельности, демографических условий определяют особенности развития экономики страны и отдельных ее территорий. Понятие «пространственное развитие» в научных работах трактуется по-разному и изменяется в зависимости от целей исследования. Приведем обобщенное определение термина: пространственное развитие рассматривается как совокупность организационных, нормативных и институциональных процессов, выражающихся в структурных изменениях, направленных на улучшение экономической ситуации в регионе, в частности на повышение благосостояния и качества жизни людей¹.

Регионы Российской Федерации обладают рядом особенностей, которые влияют на уровень их расслоения. Россия – государство с обширной территорией; ее субъекты неодинаково обеспечены экономическими, социальными, трудовыми и другими ресурсами, что приводит к разным условиям функционирования. За последние 20 лет Российская Федерация и ее регионы пережили несколько периодов структурных преобразований, а также ряд экономических кризисов, что тоже по-разному сказалось на региональном развитии: одни регионы быстро адаптируются к новым условиям хозяйственной деятельности, другие медленнее.

Неравномерное развитие российских регионов определяет и дисбаланс в обществе. Причиной диспропорций является не только большая территория, но и разнообразие природных, производственных и трудовых ресурсов, их наличие или отсутствие в пространственном разрезе [1]. Регионы с низким производственным потенциалом (Республика Дагестан, Чеченская Республика и др.) имеют невысокие показатели по большинству экономических и социальных индикаторов. В результате экономика развивается медленно, что становится причиной низкого качества жизни населения. Тюменская область, Москва, Санкт-Петербург – регионы с высоким уровнем экономического развития, что связано с ресурсным потенциалом и обеспеченностью производственными ресурсами или сильно развитой банковской и финансовой инфраструктурой.

Исследования по анализу региональных диспропорций остаются актуальными в связи с тем, что межрегиональная дифференциация прослеживается во многих странах и территориях, большинство из которых заинтересованы в снижении разрыва. В различных субъектах динамика экономического неравенства неодинакова, и разрыв между территориями происходит под влиянием разных факторов [2].

¹ Окрепилов В. В. Пространственная экономика и качество (на примере Северо-Запада России) // Теория и практика пространственного развития: опыт Северо-Запада России и федеральных земель : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 10–13.

Основная цель исследования – анализ уровня межрегиональной дифференциации в региональном разрезе. В результате полученных выводов планируется проанализировать динамику диспропорций и выявить основные причины, влияющие на ее увеличение.

Обзор литературы. Проблема региональных различий на мировом уровне существует давно, и исследования неоднородности развития территорий, как на макроэкономическом, так и наднациональном уровне актуальны и востребованы. Большая часть публикаций по данной тематике посвящена анализу региональной дифференциации по разным показателям. Так, Н. Н. Михеева изучает уровень межрегиональной дифференциации в период становления рыночных институтов². Тенденции регионального развития анализируются в различные промежутки времени на разных субъектах при помощи различных методов и инструментов статистического и эконометрического анализа. Некоторые ученые используют сравнительный анализ региональных различий [3]. Часть исследований посвящена сравнительному анализу региональных неравенств внутри государства, между экономиками, а также динамике процесса регионального расслоения. Асимметрия, или дифференциация, в различных трудах имеет разное толкование в зависимости от целей исследования и в обобщенном варианте представляет собой неравномерное развитие стран, регионов, территорий; включает в себя различные составляющие, которые могут быть выражены экономическими, социальными и другими индикаторами.

Региональная дифференциация и региональное неравенство – тема, которая имеет длительную историю. Впервые вопросы неравномерности территориального развития проанализированы в рамках теории А. Лёша³. Основные направления теории рассматривали региональное размещение производительных сил, направления региональной специализации, ее влияние на уровень экономического развития и активность внешнеэкономической деятельности, выраженную в уровне межрегиональной торговли. Позднее данное направление получило название «пространственная организация» или «теория организации экономического пространства». Процессы распределения и потребления определяются зависимыми от местоположения территории. Подобный аспект указывает на то, что геополитический фактор признается важным и влияет на уровень развития производства и региональное развитие.

Российская Федерация для ученых и исследователей региональных диспропорций представляет особый интерес, который связан с растущей

² Михеева Н. Н. Дифференциация социально-экономического положения регионов России и проблемы политики. М. : РПЭИ, 2000. 60 с.

³ Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 455 с.

межрегиональной дифференциацией [4]. Специфика экономического развития регионов России имеет высокий уровень неоднородности, который просматривается в региональном контексте: экономически развитые регионы существуют наряду с большим количеством депрессивных территорий. В социалистический период наличие межрегиональных различий также имело место, однако разрыв между регионами был не настолько велик. Экономическая политика государственных органов власти основным приоритетом экономического развития определяла выравнивание территории и сближение регионов, которое обеспечивало равенство уровня жизни населения [5]. В период преобразований снижение функции регулирования, связанное с переходом к рыночной системе хозяйственной деятельности, приводит к увеличению межрегиональной дифференциации российских регионов. В период структурных преобразований экономической системы разрыв между богатыми и бедными регионами продолжает увеличиваться. Подобные исследования проводят отечественные ученые⁴. Они не только фиксируют наличие разрыва между регионами, но и определяют его причины.

Многими авторами исследуется сравнительный анализ экономических и социальных показателей, в частности анализируются вопросы сходимости и расходимости. Проблема анализа процессов сближения территорий по уровню регионального развития является актуальной. Работы отечественных и зарубежных ученых затрагивают экономические и социальные показатели, на основании которых анализируются причины, повлиявшие на увеличение межрегиональной дифференциации [6]. Большинство исследований рассматривают показатели и причины роста пространственной концентрации производства за различные периоды. Е. А. Коломак анализирует статистические данные за период 1995–2009 гг. и приходит к следующему выводу: различия между российскими регионами будут увеличиваться, что приведет к росту межрегиональной асимметрии [7].

Существует множество теорий по региональному развитию территорий и экономическому росту, которые анализируют различные проблемы межрегиональной дифференциации. Базовые теории применимы для региональных процессов и рассматривают обобщенные ситуации, которые могут быть изучены в различных экономических системах. В последнее время появляются работы, посвященные выравниванию территорий. Основная роль в таких исследованиях отводится вопросам конвергенции на основании неоклассической модели роста, которая определяет процесс сближения как выравнивание территорий. Гипотеза

⁴ Михеева Н. Н. Дифференциация социально-экономического положения регионов России и проблемы политики. М. : РПЭИ, 2000. 60 с.; Попов В.Л. Регионы: кому на Руси жить хорошо? // Экономические исследования в переходный период. РПЭИ. 1999. Июнь. С. 23–29.

межрегиональной сходимости (Interregional convergence hypothesis), класс теорий, который рассматривает размещение производства и региона в качестве объектов исследования и формируется в неоклассической теории международной торговли⁵.

Размещение или местоположение территории и ее влияние на уровень развития отражено в теориях локации и теориях расположения производства, в рамках которых размещение производственных и промышленных предприятий происходит недалеко от источников сырья и рынков сбыта⁶. В региональной экономике особое значение зависит от местоположения производительных сил, на которое влияет множество факторов: природных и производственных ресурсов, социальных факторов, трудовых ресурсов, человеческого капитала и т. д. [8]. Первые модели размещения производительных сил, которые опирались на географическое расположение производства, основывались на построении «локационного треугольника», вершины которого составляли «сырьевые источники», «рабочая сила – трудовые ресурсы», «рынок сбыта произведенной продукции»⁷. Размещение или местоположение отражено в теориях локации или расположения производства, в которых утверждается, что наиболее рациональное размещение производственных и промышленных предприятий происходит вблизи источников сырья и рынков сбыта произведенной продукции. Экономистами доказано, что чем более развиты рынки, влияющие на развитие производственной деятельности, тем более стабильно развивается производство⁸. В дальнейшем теория местоположения была расширена последователями, которые к рынкам, влияющим на расширение производственной деятельности, прибавили еще и факторы экономического назначения⁹. В процессе развития теоретического и методологического инструментария происходит постепенный переход от теории размещения к теории регионального стандарта, которая рассматривает размещение отдельных предприятий по методике центрального местоположения, используя теорию пространственного анализа. К середине 1960-х гг. появляется система новых работ по теории размещения Э. Гувера и В. Кристаллера, в которых исследуются проблемы концентрации экономического пространства

⁵ Heckscher E. The effect of foreign trade on the distribution of income // *Ekonomisk Tidskrift*. 1919. Pp. 497–512.; Samuelson P. A. International trade and the equalization of factor prices // *Economic Journal*. 1948. Vol. 58. Pp. 84–163

⁶ Weber A. Alfred Weber's theory of the location of industries. Chicago. Ill., The University of Chicago Press. Northeastern University. Snell Library. 1929. 306 p

⁷ Лаунгард В. Практика эффективного размещения предприятий. М. : Книга, 1892. 271 с.

⁸ Weber A. Alfred Weber's theory of the location of industries.

⁹ Greenhut M. Spatial pricing in the US // *West Germany and Japan. Economica*. 1981. Vol. 48. Pp. 79–86; Hoover E. Location theory and the shoe and leather industries. Cambridge, Mass. : Harvard University, 1937; Isard N. Location and Space Economy. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1956.

с позиции системного анализа и взаимодействия экономических агентов вокруг крупных мегаполисов¹⁰. Согласно Э. Гуверу, пространство вокруг крупных промышленных и финансовых центров изменяется и приобретает свойства, способствующие экономическому росту, втягивающие в данный процесс близлежащие территории. Используя концепцию Э. Гувера, Дж. Якобс исследовала «эффект экономии» формирующийся на масштабности процессов потребления в мегаполисах и крупных городах¹¹. Теории пространственного развития и конкуренции между различными территориями, позволили выявить преимущества и недостатки расположения субъектов¹². В рамках отдельных теорий особое значение отводится центральному расположению, которое обеспечивает территории сравнительными преимуществами перед другими субъектами¹³ – географическая теория, которая объясняет количество, размер и местоположение населенных пунктов в городской системе, рассматривая поведение фирм (организаций), пользующихся набором преимуществ географического расположения.

В неоклассической модели экономического роста существуют различные виды теорий и методик, одна из которых – теория конвергенции. Основой данной теории является проверка гипотезы моделей роста в неоклассической теории, которая рассматривается в региональном разрезе по отдельным показателям. Другим видом анализа регионального развития считается теория экспортной базы. В работах Д. Норты рассматриваются экономические системы, в которых региональный промышленный доход определяется путем спроса на производимые товары также за пределами региона¹⁴. Существующие в мировой практике теории экономического роста разделяются на различные направления в зависимости от индикаторов, которые являются основой анализа. Неоклассическая теория экзогенного роста изучает факторы, влияющие на производственный выпуск, описываемые с помощью неоклассической производственной функции.

¹⁰ Hoover E. Location theory and the shoe and leather industries. Cambridge, Mass. : Harvard University, 1937; Christaller W. Central places in Southern Germany. NY : Englewood Cliffs, 1967. 230 p.

¹¹ Jacobs J. The economy of cities. Vintage Press, 1969. 268 p.; Latham W. Needless complexity in the identification of industrial complexes: A reply // Journal of Regional Science. 1977. V. 17. Pp. 459–461.

¹² Devletoglou Nicos E. Threshold and rationality. 1968. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1968.tb00135.x>; Eaton B., Lipsey R. The principle of minimum differentiation reconsidered: Some new developments in the theory of spatial competition review of Economic studies. 1975. Vol. 42, issue 1. Pp. 27–49; Hotelling H. Stability in competition // Economic Journal. 1929. Vol. 39. Pp. 41–57.

¹³ Christaller W. Central places in southern Germany; Greenhut M. Spatial pricing in the US.

¹⁴ North D. C. “Is it worth making sense of Marx?” // Inquiry. 1986. Vol. 29. Pp. 57–64; Tiebout M. A pure theory of local expenditures // The Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64, no. 5. Pp. 416–424.

Анализу процесса дифференциации территорий посвящены работы Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина, определяющие региональные различия на основании построения модели экономического роста. В рамках предложенной модели рассматриваются вопросы схождения или расхождения экономических показателей. Построенная модель и статистический анализ социально-экономических факторов позволяют анализировать региональное неравенство и выявлять региональную асимметрию [9; 10].

Проблемы регионального неравенства исследуются в большом количестве работ, в рамках которых проблема дифференциации рассматривается с позиции анализа экономических показателей, определяющих динамику и уровень территориального развития: валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения, уровень развития промышленности, уровень безработицы, доходы населения, численность занятых, наличие ресурсного потенциала и др. [11].

В работах российских авторов, посвященных вопросам территориального неравенства, существуют некоторые вариации с позиции учета распределения доходов внутри страны (рассматривая в качестве доходов и ВРП, ВРП на душу населения), а также ряд других экономических и социальных показателей [12].

В большинстве работ по региональной экономике российские авторы рассматривают влияние экономических показателей на динамику развития территории. В работе Л. Григорьева, Н. Зубаревич, Ю. Урожаева объектом для исследования послужили показатели ВРП и ряд экологических данных, которые исследуются в совокупности для определения степени неоднородности [13]. Экологическая направленность в работах исследователей по региональной экономике встречается достаточно часто, поэтому анализ зависимости экологических показателей и уровня развития регионов достаточно популярен.

Зарубежные авторы, изучая проблемы территориального роста, предлагают включить в анализ ряд других социальных и экономических показателей, которые влияют на динамику регионального роста. Х. Руйтенбик в рамках своего исследования экологической нагрузки на территорию использует методику оценки неравенства посредством коэффициентов энтропии (коэффициент Джини, индекс Аткинсона) [14]. С. Стаймн и Т. Джексон в своем исследовании использовали расчет коэффициента Джини и индекса Аткинсона, индекса Тейла, которые позволили проанализировать не только экономические показатели и их влияние на уровень развития территории, но и оценку благосостояния населения и качество жизни [15].

Материалы и методы. Статистической базой исследования являются данные Федеральной службы государственной статистики Российской

Федерации¹⁵. Экономические и социальные показатели были получены из сборников Росстата «Регионы России» (1998–2017 гг.). Исследовательская выборка состояла из российских регионов, информация по которым за 1991–2016 гг. представлена в сборниках в полном объеме (исключение составляют Чеченская Республика, Ингушетия, Республика Крым, г. Севастополь). Статистические показатели анализируются в двух направлениях: в текущих ценах 1994–2016 гг., в ценах 1994 г. и за исследовательский период 1990–2016 гг.

В результате решения задач, поставленных в исследовании, создан массив панельных данных по российским регионам по отдельным экономическим и социальным показателям. Сформированный массив объединен в базу данных, которая была запатентована автором¹⁶. На основании полученных показателей проводился анализ динамики регионального развития и оценивалась неравномерность по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах. Исследование проводилось в двух направлениях: анализировалось поведение показателя ВРП на душу населения в текущих ценах, далее, для учета влияния инфляции на динамику межрегиональной дифференциации, – в сопоставимых ценах.

Текущие данные получены из статистического сборника «Регионы России», который позволяет наблюдать динамику изменения различных показателей за исследуемый период (с 1991 по 2015 г.). Для получения значений показателя ВРП на душу населения в сопоставимых ценах была использована методика, представленная в предыдущих исследованиях автора [1]. Расчеты на основании данной методики позволяют получить оценку динамики ВРП в ценах 1994 г.

Основным объектом исследования является уровень экономического развития регионов и его динамика за период с 1991 по 2015 г., оцениваемый по показателю ВРП на душу населения. В исследовании в качестве показателя, определяющего уровень развития экономики региона, взят показатель ВРП на душу населения, так как, по мнению большинства ученых, данный показатель определяет уровень развития регионального потенциала и в итоге позволяет судить об уровне развития территории. В качестве показателя величины региональной дифференциации используется коэффициент Тейла, который представляет собой индикатор, измеряющий уровень социального неравенства региональных показателей¹⁷.

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 : стат. сб. М., 2014. 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32 : стат. сб. М., 2015. 1266 с.

¹⁶ Морожкина М. В. Социально-экономические показатели развития регионов РФ за период 1991–2015 гг. // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) «Программы для ЭВМ. Базы данных. Базы данных, охраняемые авторскими правами». 2017. № 8.

¹⁷ Theil H. Economics and Information Theory North-Holland. 1967. 168 p.

Исследование структуры и динамики межрегионального неравенства может осуществляться различными способами. В рамках большинства методов происходит сведение региональных и экономических показателей к одному или нескольким индикаторам, на основании которых проводится исследование. В качестве такого индикатора при анализе межрегиональной дифференциации в рамках данного исследования, применяется индекс Тейла, который определяется по следующей формуле:

$$Teйл_{\tau} = \sum_{i=1}^N \frac{x_i}{X} * \ln \frac{x_i/X}{p_i/P}, \quad (1)$$

где $x = \sum x_i$ – исследуемый показатель – ВРП на душу населения общее для совокупности; $P = \sum p_i$ – численность населения – общее значение нормирующего признака.

Основное отличие индекса Тейла от других коэффициентов межрегиональной дифференциации заключается в том, что данный коэффициент является относительным показателем. Понятие относительности подразумевает его сопоставимость по времени и по различным группам в рамках исследовательской выборки. При расчете индекса возможна его разложимость на составляющие: внутригрупповая, межгрупповая компонента, которые позволяют рассматривать процесс дифференциации с позиции различных территориальных образований. Исследование регионов России происходит при разделении всей совокупности показателей на несколько групп. Способы могут быть различные: в нашем случае это административно-территориальное деление. Общий индекс Тейла представляет собой сумму индексов Тейла, характеризующих существующие различия в региональном разрезе.

В результате совокупность, разделенная на несколько групп, имеет следующий вид:

$$Teйл = \sum_{i=1}^m a_i Teйл_i + \sum_{i=1}^m a_i \ln \frac{\bar{x}_i}{x}. \quad (2)$$

Разложимость на внутригрупповую и межгрупповую составляющую представляет $Teйл = Teйл_{внутри} + Teйл_{меж}$, где $Teйл_{внутри} = \sum_{i=1}^m a_i Teйл_i$ – индекс Тейла внутри группы, m – количество групп, a – весовое значение.

Расчет индекса Тейла может проводиться как расчет показателя и для отдельно взятой группы, и для массива данных. Например: $Teйл_{i,j} = \sum_{i=1}^k \frac{x_{ij}}{x_i} + \ln \frac{x_{ij}}{x_i}$ – индекс Тейла для отдельной группы в исследовании регионов России, $Teйл_{меж} = \sum_{i=1}^m a_i \ln \frac{\bar{x}_i}{x}$ – индекс Тейла между группами,

который характеризует различия между группами – федеральными округами, где $a_i = \frac{\sum_{j=1}^{k_i} x_{ij}}{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^{k_i} x_{ij}}$ – доля одной группы (i) в общей сумме значений, по которым проводится расчет.

Индекс Тейла обладает определенными свойствами, отличающими его от других показателей межрегиональной дифференциации, определяет уровень дифференциации в общем массиве, дает возможность рассмотреть дифференциацию региональных различий в рамках межгрупповых и внутригрупповых совокупностей.

В социально-экономических исследованиях по региональным диспропорциям используется несколько индексов Тейла. Один из самых часто используемых имеет следующий вид:

$$Тейл = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{x_i}{\bar{x}} \ln \frac{x_i}{\bar{x}}, \quad (3)$$

где N – количество регионов ($n = 80$), $\bar{x}$ – среднее арифметическое значение по исследуемому показателю, $\sum x_i$ – ВРП на душу населения – общее значение признака¹⁸.

Результаты исследования. Индекс Тейла отражает избыток доходного признака богатых регионов и дефицит у бедных субъектов. В качестве доходного признака могут быть рассмотрены различные социально-экономические показатели, которые отражают динамику экономического роста. Показатель коэффициента Тейла может принимать различные значения: нулевое – позволяет определить абсолютное равенство, высокие – говорят о неравенстве в распределении между регионами [16].

На основании формулы 2 рассчитан коэффициент Тейла по российским регионам в период с 1995 по 2015 г. по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах. Результаты проведенных расчетов показаны в таблице 1.

Исследование изменения индекса Тейла по российским регионам показывает отсутствие устойчивой динамики в значениях данного коэффициента в текущих ценах и изменяется в промежутке от 0,234 до 0,53 (рис. 1).

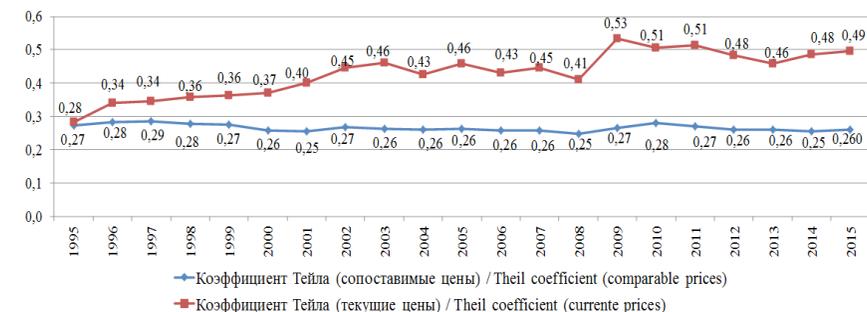
Поведение индекса Тейла в текущих ценах нестабильно, что позволяет догадываться о влиянии другого фактора на уровень дифференциации. Можно предположить, что динамика изменения цен могла оказать влияние на поведение показателя. В сопоставимых ценах индекс Тейла более стабилен и колебания имеют сглаженный характер.

¹⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Р32.

Т а б л и ц а 1. Изменение индекса Тейла, рассчитанного по российским регионам, в текущих и сопоставимых ценах, 1996–2015 гг.¹⁹

Table 1. Changes in the Theil index calculated for Russian regions in current and comparable prices, 1996–2015

Показатель / Indicator	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015
Коэффициент Тейла (сопоставимые цены) / Theil coefficient (comparable prices)	0,28	0,28	0,26	0,27	0,26	0,26	0,25	0,28	0,26	0,25	0,26
Коэффициент Тейла (текущие цены) / Theil coefficient (current prices)	0,34	0,36	0,37	0,45	0,43	0,43	0,41	0,51	0,48	0,48	0,49

Р и с. 1. Динамика индекса Тейла, рассчитанного по российским регионам, в текущих и сопоставимых ценах, 1995–2015 гг.

Fig. 1. Dynamics of the Theil index calculated for the Russian regions in current and comparable prices, 1995–2015

В рамках проведенного анализа рассчитанный коэффициент Тейла в текущих и сопоставимых ценах позволил наблюдать расхождение показателей в динамике. Анализ региональных различий субъектов Российской Федерации, проводившийся на основании расчета индекса Тейла по показателю ВРП на душу населения, выявил увеличение раз-

¹⁹ Таблица составлена автором на основе статистической информации Росстата. Представлены данные за текущий период, четные годы и 2015 г.

рыва между российскими регионами в текущих ценах, однако в сопоставимых ценах наблюдается небольшое сближение. Вероятно, причиной подобного несоответствия является то, что в слаборазвитых регионах уровень цен сравнительно ниже, чем в развитых. В результате этого межрегиональные различия имели сглаженный характер. Динамика индекса Тейла в региональном разрезе в сопоставимых ценах показывает стабильное состояние регионов по данному показателю.

Динамику дифференциации российских регионов с учетом общего уровня цен по индексу Тейла в текущих и сопоставимых ценах позволит рассмотреть показатель разницы индексов Тейла (формула 4):

$$\text{Тейл} = (\text{Тейл}_{\text{текущие\_цены}} - \text{Тейл}_{\text{сопоставимые\_цены}}) \cdot 1000. \quad (4)$$

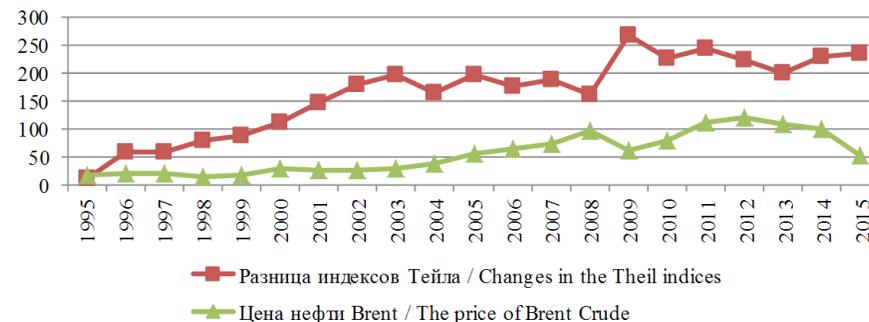
Полученный коэффициент дает возможность оценить влияние ценового фактора.

Экономика России имеет ярко выраженную ресурсную зависимость, при этом фактор наличия и стоимости природных ресурсов играет важную роль в развитии. Зависимость уровня развития экономики от цен на энергоресурсы значительна. Изменение стоимости энергоресурсов влияет на наполняемость бюджетобразующих документов, что сказывается на объемах бюджетных ассигнований в регионы. В свою очередь, это влияет на уровень межрегиональной дифференциации.

В рамках анализа изменения стоимости энергоресурсов рассмотрен процесс изменения дифференциации российских регионов (рис. 2). Анализ соотношения стоимости энергоресурсов и разницы индексов Тейла позволил наблюдать синхронную динамику. Снижение стоимости нефти приводит к росту влияния ценового фактора на уровень дифференциации регионов.

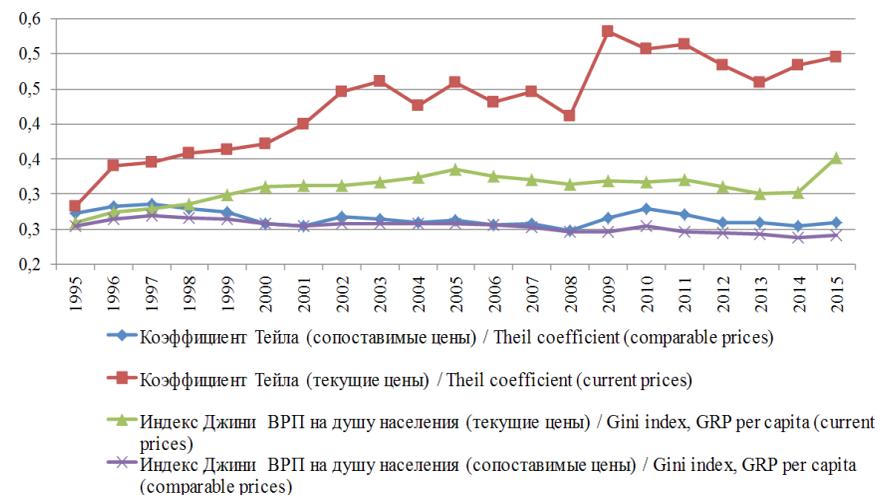
В предыдущих исследованиях [17] были проведены расчеты индекса Джини по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах. Сравнительный анализ поведения коэффициентов Тейла и индекса Джини позволил наблюдать межрегиональную дифференциацию российских регионов в исследуемый период.

Анализ поведения индексов Тейла и Джини в текущих и сопоставимых ценах выявил, что поведение исследуемых коэффициентов в сопоставимых ценах практически совпадает. В текущих ценах индексы Джини и Тейла показывают одинаковую тенденцию увеличения расслоения российских регионов, однако динамика их поведения различна. В текущих ценах индекс Тейла демонстрирует увеличивающуюся дифференциацию российских регионов (рис. 3). Рост дифференциации на основании индекса Джини имеет место, хотя и не так высок, как по индексу Тейла.

Р и с. 2. Динамика межрегиональной дифференциации российских регионов и стоимость энергоресурсов, 1995–2015 гг.

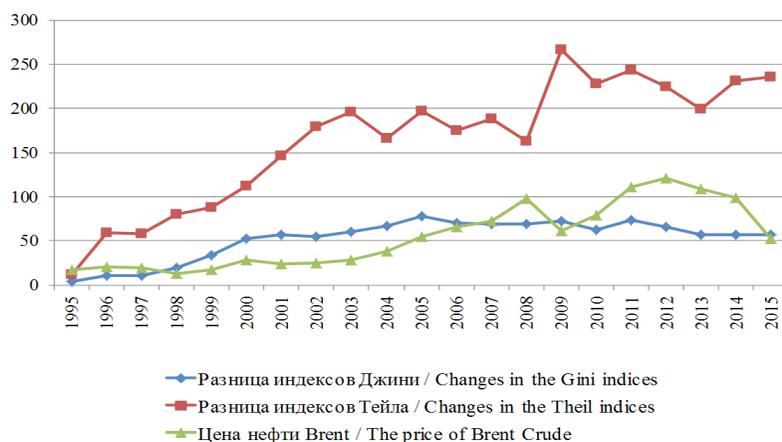
F i g 2. Dynamics of interregional differentiation of Russian regions and the cost of energy resources, 1995–2015

Р и с. 3. Динамика индекса Тейла и Джини, рассчитанная по российским регионам, в текущих и сопоставимых ценах

F i g. 3. Dynamics of the Theil and Gini indices calculated for Russian regions in current and comparable prices

Исследование региональных диспропорций может происходить различными способами. В данном анализе рассматривался индекс Тейла в сравнении с коэффициентом Джини. Одним из факторов, активно влияющих на уровень развития национальной экономики, является фактор наличия и стоимости природных ресурсов. На современном этапе структурных преобразований зависимость уровня развития экономики от цен на энергоресурсы значительна. Российская экономика всегда отличалась сырьевой зависимостью, поэтому влияние данного фактора необходимо учитывать при анализе уровня регионального развития. В рамках данного исследования, сравнивая полученные результаты по разным коэффициентам региональной энтропии, была проанализирована зависимость исследуемых коэффициентов на процесс изменения стоимости природных ресурсов, а именно на стоимость нефти (рис. 4).

Р и с. 4. Динамика дифференциации российских регионов и ее зависимость от стоимости энергоресурсов

F i g. 4. Dynamics of differentiation of Russian regions and its dependence on the cost of energy resources

Сравнение динамики изменения стоимости нефти и коэффициентов дифференциации индекса Тейла и коэффициента Джини показывает, что зависимость между исследуемыми величинами имеет место быть.

Обсуждение и заключение. Исследование неравномерности развития российских регионов проводилось на основе расчета индекса Тейла и коэффициента Джини. Расчет коэффициента Джини по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах выявил рост региональных различий в период с 1998 по 2005 г. Полученные результаты

позволяют говорить о растущей дифференциации российских регионов и устойчивом росте цен в развитых регионах. Показано, что с 2006 г. дифференциация снижается и рост цен в регионах уже не зависит от уровня их развития, что объясняется изменением федеральной политики в условиях высоких цен на нефть и доходов бюджета.

Исследование динамики регионального развития на основании рассчитанного коэффициента Тейла по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах также выявило увеличение региональных различий с 1999 г. в период экономического роста. Индекс Тейла по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах показывает несинхронную динамику. В текущих ценах наблюдается устойчивая тенденция расхождения регионов. Периоды роста экономики характеризуются более быстрыми темпами развития слабых регионов, на основании государственных ассигнований и перераспределения бюджетных средств, выравнивающих территории. В периоды экономического спада государственная поддержка направляется в регионы, обладающие конкурентными преимуществами и способными изменить отрицательную динамику экономического развития страны.

В рамках проведенного исследования выявлено, что уровень социально-экономического развития региона формируется в совокупности ряда факторов, которые влияют на экономический рост. Российская экономика характеризуется неоднородной экономической и хозяйственной структурой, в результате которой прослеживается значительный уровень региональных различий. Территории Российской Федерации отличаются друг от друга по экономическим и социальным показателям, уровню экономического развития, специализации экономики и другим факторам. Сравняя развитие российских регионов, можно рассмотреть диаметрально противоположные по уровню экономического развития регионы: Республику Дагестан, Тюменскую область, Москву и пр. Субъекты отличаются по экономической специализации, динамике экономических и социальных показателей, уровню жизни, экономическим процессам, характерным для территории, и т. д. Одно из наиболее важных отличий, влияющих на уровень регионального развития, – наличие ресурсного потенциала. Ресурсная обеспеченность регионов неодинакова, что оказывает влияние на уровень региональных различий. В рамках вышеизложенного, наиболее высокий элемент индекса Тейла наблюдается в регионах с высоким уровнем экономического роста, таким образом в г. Москве данный элемент не только наиболее высок среди российских регионов, но и увеличивается в течение исследуемого периода. Территории с низкими темпами экономического развития не показывают роста данного индекса, более того в рассматриваемый период наблюдается отрицательная динамика (например в Республике Дагестан). Исследование регионов

по коэффициентам межрегиональной дифференциации определило, что территории, обеспеченные ресурсным потенциалом, характеризуются более высоким уровнем развития.

Проведение подобных исследований, анализа межрегиональных различий представляет практическую пользу и имеет особую значимость для написания стратегических программ развития территории. Результаты, полученные в рамках анализа региональных диспропорций, позволяют проследить динамику регионального роста и выявить наиболее перспективные точки развития территории. Определение и выявление перспективных точек даст возможность использовать потенциал территории для развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Moroshkina M. V. Differentiation of the regions of Russia based on level of economic development // *Studies on Russian Economic Development*. 2016. Vol. 27, issue 4. Pp 441–445. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700716040122>
2. Глушенко К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // *Вопросы статистики*. 2016. № 2. С. 71–80. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/317> (дата обращения: 25.06.2018).
3. Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы: сближение или расслоение? // *Экономика и математические методы*. 2009. Т. 45, № 2. С. 31–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11770517> (дата обращения: 25.06.2018).
4. Гранберг А. Г., Суслов В. И., Суспицын С. А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // *Регион: Экономика и социология*. 2008. № 2. С. 120–150. URL: <http://recis.ru/region/magazine/30/1578> (дата обращения: 25.06.2018).
5. Розанова Л. И., Морошкина М. В., Тишков С. В. Структурные различия в формировании валового продукта в российских регионах // *Тренды и управление*. 2014. № 3. С. 293–301. DOI: <https://doi.org/10.7256/2307-9118.2014.3.12694>
6. Коломак Е. А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспект // *Пространственная экономика*. 2010. № 1. С. 26–35. URL: <http://spatial-economics.com/en/2010-year/304-staty-01-2010> (дата обращения: 25.06.2018).
7. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18787709> (дата обращения: 25.06.2018).
8. Кругман П. Пространство: последний рубеж // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 121–126. URL: <http://spatial-economics.com/en/archive/2005/18-2005-3> (дата обращения: 25.06.2018).
9. Barro R. J., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. 1995. 200 p. URL: <https://mitpress.ubliish.com/ereader/65/?preview#page/23> (дата обращения: 25.06.2018).

10. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence across states and region // *Brooking Papers on Economy Activity*. 1991. No. 1. Pp. 107–158. URL: <https://ideas.repec.org/a/bin/bpeajo/v22y1991i1991-1p107-182.html> (дата обращения: 25.06.2018).
11. Voronchikhina E. N. Features and problems of using gross regional product as an integral indicator of economic development // *Управление устойчивым развитием*. 2018. № 3 (16). С. 5–9. URL: <https://ideas.repec.org/a/bin/bpeajo/v22y1991i1991-1p107-182.html> (дата обращения: 25.08.2018).
12. Нешадин А., Кашин В. Динамика развития валового регионального продукта регионов РФ // *Общество и экономика*. 2013. № 6. С. 157–170. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20132555> (дата обращения: 25.08.2018).
13. Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Хариба региональной политики // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 83–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9925842> (дата обращения: 25.06.2018).
14. Ruitebeek H. Distribution of ecological entitlements: implications for economic security and population movement // *Ecological Economics*. 1996. № 17. Pp. 49–64. DOI: [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(95\)00103-4](https://doi.org/10.1016/0921-8009(95)00103-4)
15. Styme S., Jackson T. Intra-generational equity and sustainable welfare: a time series analyses for the UK and Sweden // *Ecological Economics*. 2000. No. 33. Pp. 219–236. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/fc6b/9429e612be40b68a7d-8f6b02567dff7aa0ee.pdf> (дата обращения: 25.06.2018).
16. Маслихина В. Ю. Межрегиональная дифференциация в России // *Научный журнал КубГАУ*. 2012. № 84 (10). С. 1–12. URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/22.pdf> (дата обращения: 25.06.2018).
17. Морошкина М. В. Территориальная дифференциация доходов с поправкой на инфляцию // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2017. Т. 11, № 2 (42). С. 48–66. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.48-66>

Поступила 27.06.2018; принята к публикации 04.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторе:

Морошкина Марина Валерьевна, научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: O-9248-2015, mari-bel74@mail.ru

Для цитирования:

Морошкина М. В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 4. С. 638–657. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Moroshkina M.V. Differentiation of the regions of Russia based on level of economic development. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; 27(4):441-445. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700716040122>
2. Gluschenko K.P. On the issue of application of the Gini coefficient and other inequality indices. *Voprosy statistiki* = Issues of Statistics. 2016; 2:71-80. Available at: <https://vopstat.elpub.ru/jour/article/view/317> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
3. Lavrovskiy B.L., Shiltsin E.A. [Russian regions: convergence or stratification?]. *Ehkonomika i matematicheskie metody* = Economics and the Mathematical Methods. 2009; 45(2):31-36. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11770517> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
4. Granberg A.G., Suslov V.I., Suspitsin S.A. Economic-mathematical studies of multiregional systems. *Region: Ehkonomika i Sociologiya* = Region: Economics and Sociology. 2008; 2:120-150. Available at: <http://recis.ru/region/magazine/30/1578> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
5. Rozanova L.I., Moroshkina M.V., Tishkov S.V. Structural differences in the formation of the gross product in the Russian regions. *Trendy i upravlenie* = Trends and Management. 2014; 3:293-301. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2307-9118.2014.3.12694>
6. Kolomak E.A. [Interregional disparities in Russia: economic and social aspect]. *Prostranstvennaya ehkonomika* = Spatial Economics. 2010; 1:26-35. Available at: <http://spatial-economics.com/en/2010-year/304-staty-01-2010> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
7. Kolomak E.A. Uneven spatial development in Russia: Explanations of new economic geography. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2013; 2:132-150. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18787709> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
8. Krugman P. Space: The final frontier. *Prostranstvennaya ehkonomika* = Spatial Economics. 2005; 3:121-126. Available at: <http://spatial-economics.com/en/archive/2005/18-2005-3> (accessed 25.06.2018).
9. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic growth. 1995. Available at: <https://mitpress.ubliash.com/ereader/65/?preview#page/23> (accessed 25.06.2018).
10. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence across states and region. *Brooking Papers on Economy Activity*. 1991; 1:107-158. Available at: <https://ideas.repec.org/a/bin/bpeajo/v22y1991i1991-1p107-182.html> (accessed 25.06.2018).
11. Voronchikhina E.N. Features and problems of using gross regional product as an integral indicator of economic development. *Upravlenie ustojchivym razvitiem* = Sustainability Management. 2018; 3(16):5-9. Available at: <https://ideas.repec.org/a/bin/bpeajo/v22y1991i1991-1p107-182.html> (accessed 25.08.2018). (In Russ.)
12. Kashin V., Nechshadin A. Dynamics of gross regional product of the Russian regions. *Obshchestvo i ehkonomika* = Society and Economy. 2013; 6:157-170. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20132555> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)

13. Grigoriev L., Zubarevich N., Urozhayeva Yu. [Scylla and Charybdis of regional policy]. *Voprosy ehkonomiki* = Issues of Economics. 2008; 2:83-98. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9925842> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
14. Ruitenbeek H. Distribution of ecological entitlements: implications for economic security and population movement. *Ecological Economics*. 1996; 17:49-64. DOI: [https://doi.org/10.1016/0921-8009\(95\)00103-4](https://doi.org/10.1016/0921-8009(95)00103-4)
15. Stymne S., Jackson T. Intra-generational equity and sustainable welfare: A time series analyses for the UK and Sweden. *Ecological Economics*. 2000; 33:219-236. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/fc6b/9429e612be40b68a7d8f6b02567dff7aa0ee.pdf> (accessed 25.06.2018).
16. Maslikhina V.Yu. Regional disparities in the Russian Federation. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* = Scientific Journal of KubSAU. 2012; 84(10):1-12. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/22.pdf> (accessed 25.06.2018). (In Russ.)
17. Moroshkina M.V. Territorial differentiation of incomes adjusted for inflation. *Aktualnye problemy ehkonomiki i prava* = Actual Problems of Economics and Law. 2017; 11(2):48-66. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.48-66>

Submitted 27.06.2018; accepted for publication 04.08.2018; published online 28.12.2018.

About the author:

Marina V. Moroshkina, Research Officer, Department of Modeling and Prognostication, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (11 Pushkin-skaya St., Petrozavodsk 185910, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: O-9248-2015, maribel74@mail.ru

For citation:

Moroshkina M.V. Spatial Development of Russia: Regional Disproportions. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):638-657. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Факторы взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды

И. В. Арженовский

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
(г. Нижний Новгород, Россия),
igor.arzhenovskiy@gmail.com

вятия и успешных стартапов. Выбор таких базовых факторов ставится целью настоящей статьи.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования рассматриваются региональные социально-экономические комплексы Республики Мордовия, Нижегородской и Самарской областей. Информационной базой служат региональная первичная и вторичная статистики по теме исследования, законодательные и нормативные акты федерального и регионального уровней. Используются методы системного анализа, экономической статистики, экспертного опроса, экономико-математического и когнитивного моделирования.

Результаты исследования. Составлен первичный и окончательный перечень факторов взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды. Выявлены особенности современных стартапов и их взаимодействия с внешней средой. Установлены причинно-следственные отношения между факторами. Проведен количественный и качественный анализ факторов, их группировка и классификация для последующего моделирования инновационных процессов в регионе.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты служат основой для корреляционно-регрессионного анализа и последующего построения когнитивной модели регионального инновационного процесса, учитывающей особенности рассматриваемых регионов. Верифицированная когнитивная модель позволяет дать прогнозные сценарии влияния инноваций на региональный рост и влияния региональной среды на рост инноваций; провести обоснование, сравнительный анализ и оценку последствий управленческих решений по развитию региональной инфраструктуры поддержки предпринимательства; оценить адаптируемость инновационных стартапов к изменениям факторов внешней и внутренней среды.

© Арженовский И. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: стартап, инновация, региональное развитие, когнитивное моделирование, малый и средний бизнес

Благодарности. Статья подготовлена по материалам научно-исследовательской работы «Экономическое влияние стартапов на региональное развитие» в рамках проекта E4T 544370-TEMPUS-1-2013-1-NL-TEMPUS-JPHES.

Factors of Mutual Impact of Innovative Startups and the Regional Environment

I. V. Arzhenovskiy

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
(Nizhny Novgorod, Russia),
igor.arzhenovskiy@gmail.com

Introduction. The growing dependence of regional economies on innovation determines the importance of regional innovation policy, it being an integral part of regional economic policy. Within its framework, a constant assessment of mutual impact of the factors of regional development and successful startups is necessary. The goal of this study is to identify such basic factors.

Materials and Methods. Regional socio-economic complexes of the Republic of Mordovia, Nizhny Novgorod Region and Samara Region are considered as the research object. Regional primary and secondary statistics on the research topic, legislative and regulatory acts of the federal and regional levels form the information basis of the study. The methods of system analysis, economic statistics, expert survey, economic and mathematical modeling as well as cognitive modeling were employed.

Results. The primary and final lists of factors of mutual impact of innovative startups and the regional environment have been compiled. The features of modern startups and their interaction with the external environment have been exposed. The cause-and-effect relations between the factors have been identified. A quantitative and qualitative analysis of the factors, their grouping and classification for the subsequent modeling of innovative processes in the region has been performed.

Discussion and Conclusion. The results obtained serve as the basis for correlation and regression analysis and the subsequent provision of a cognitive model of the regional innovation process that takes into account the peculiarities of the regions under consideration. The verified cognitive model makes it possible to construct prognostic scenarios of the impact of innovations on the regional growth and the influence of the regional environment on the growth of innovations, to conduct a justification, a comparative analysis and an assessment of the consequences of management decisions on development of the regional infrastructure to support entrepreneurship as well as to evaluate the adaptability of innovative startups to changes in external and internal environment factors.

Keywords: startup, innovation, regional development, cognitive modeling, small and medium business

Acknowledgments. The article is based on the materials of the scientific research work “The economic impact of start-ups on the regional development” within the framework of the project E4T 544370-TEMPUS-1-2013-1-NL-TEMPUS-JPHES.

Введение. Переход на инновационную модель развития в масштабах российской экономики является очевидной и безальтернативной стратегической перспективой. Ей уделяется много внимания на федеральном уровне. Не менее значимой данная проблема становится и на региональном уровне. Региональная инновационная политика призвана реализовывать конкурентные преимущества регионов в конкретных наукоемких отраслях, эффективно использовать все виды регионального социально-экономического потенциала, преодолевать территориальные диспаритеты. В противном случае невнимание к инновационной активности и экономике знаний, пренебрежение новыми технологиями тормозят экономический рост и развитие.

Общей тенденцией региональных экономик является их растущая зависимость от инициатив и инноваций сектора малого и среднего бизнеса. С другой стороны, для инновационного климата определяющее значение имеет региональная среда. Соответственно, для стимулирования создания и распространения инноваций проводится региональная инновационная политика как составная часть региональной экономической политики. В ее рамках необходимы регулярные наблюдения, обследования инновационной активности малого и среднего бизнеса. Важным аспектом этой деятельности мы считаем выявление и постоянную оценку взаимного влияния базовых факторов регионального развития и успешных стартапов. Выбор таких базовых факторов ставится целью настоящей статьи. Решаемые задачи:

- выделение наиболее существенных факторов (первичного перечня);
- установление причинно-следственных отношений между факторами;
- количественный и качественный анализ факторов;
- группировка и классификация факторов для последующего моделирования инновационных процессов в регионе;
- определение окончательного перечня факторов.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения в процессе взаимодействия инновационных стартапов и социально-экономической среды регионов. Теоретическая значимость работы заключается в совершенствовании и продвижении методики фундаментальных исследований процессов функционирования и развития региональных социально-экономических систем. Практическая значимость работы состоит в применении полученных результатов в дальнейшем для корреляционно-регрессионного анализа и построения матрицы когнитивного моделирования по рассматриваемым и другим регионам.

Обзор литературы. Имеется обширная литература по теме исследования. Укажем лишь на некоторые источники. Факторы инновационного развития субъектов России регулярно оцениваются в «Рейтинге инно-

вационного развития субъектов Российской Федерации»¹. Роль малого и среднего предпринимательства в экономике РФ, факторы развития малого и среднего предпринимательства в текущих экономических условиях, а также основные направления государственной поддержки малого и среднего предпринимательства на ближайшую и среднесрочную перспективу рассмотрены в докладе «О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»². Интерес для ученых представляют концептуальные основы моделирования структуры регионального делового пространства³, инновационная активность малых и средних предприятий региона⁴, условия развития предпринимательства, уровень предпринимательской активности, предпринимательские устремления⁵.

Отдельные аспекты инновационного развития регионов, например, патенты, офшоринг или инновационное консультирование, рассматриваются не только отечественными [1], но и зарубежными учеными [2–4]. Большое внимание уделяется анализу факторов финансирования и цен на недвижимость [5]; в более широком контексте экономического роста исследуются индикаторы инноваций⁶ [6]. С другой стороны, оправдан интерес авторов к внедрению инноваций на уровне предприятия [7–9] и отрасли [10; 11].

Факторы, влияющие на стартапы, следует отличать от факторов размещения⁷, а также факторов инновационного потенциала территории [12; 13] и внешних эффектов [14]. Некоторые исследователи выдвигают на передний план политические и административные факторы [15; 16]. На наш взгляд, их следует учесть в рамках системного междисциплинарного подхода.

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 4 / под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ. 2016. 248 с.

² О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Доклад АСИ. М., 2015. 80 с.

³ Сценарии региональной модернизации в современной России. Практикум когнитивного моделирования / под ред. А. В. Дахина. Н. Новгород : Изд-во НИУ РАНХиГС, 2014. 124 с.

⁴ Арженовский И. В. Инновационная активность малых и средних предприятий региона // Малый и средний бизнес в поле региональной деловой активности: анализ процессов, институтов и структур социальной самоорганизации / под ред. А. В. Дахина. Н. Новгород : Изд-во ВВАГС, 2011. С. 77–82; Арженовский И. В. Влияние бизнес-инкубаторов на устойчивое региональное развитие // Великие реки – 2016: Труды междунар. науч.-промышл. форума. Т. 2. Н. Новгород : ННГАСУ, 2016. С. 512–514.

⁵ Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017». URL: http://smb.gov.ru/files/images/gem_russia_2016-2017.pdf (дата обращения: 24.04.2018).

⁶ Performance measurement in economic development. Development of performance measurement systems for local and regional economic development organization. EDAC. Matthew Fischer and Associates Inc. Ontario, 2011. 33 p.

⁷ Важность и характеристики факторов размещения предприятий в регионах университетов-партнеров / Т. С. Алексеева [и др.]. Н. Новгород : ННГАСУ, 2018. 70 с.; Hudec O., Lavcak M. The late turn-out of the Slovak star-up factories: locational and institutional factors. 55th Congress of the European Regional Science Association: “World Renaissance: Changing roles for people and places”, 25–28 August 2015, Lisbon, Portugal. URL: <http://hdl.handle.net/10419/124788> (дата обращения: 12.04.2018).

Зарубежные исследователи также активно публикуют работы, посвященные избежанию неопределенности и прогнозированию успешных стартапов [17], связи инновационных стартапов с вузами [18], факторам продвижения инновационной политики в международных и социальных сетях [19; 20], факторам креативной городской и региональной среды в сетевом аспекте [21; 22].

В то же время существующие исследования и публикации не в полной мере соответствуют нашей цели. Во-первых, необходим инструментарий, адаптированный для трех конкретных российских регионов – Нижегородской области, Республики Мордовия, Самарской области. Во-вторых, сфера малого и среднего бизнеса в нашем исследовании сужается до стартапов и далее до инновационных стартапов. В третьих, важны не просто релевантные факторы, а факторы, подходящие для дальнейшего моделирования.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования рассматриваются региональные социально-экономические комплексы трех субъектов РФ – Республики Мордовия, Нижегородской и Самарской областей. Под региональным социально-экономическим комплексом понимается вся совокупность имеющихся на территории хозяйствующих субъектов, органов власти и управления, общественных организаций, домашних хозяйств, природной среды и ресурсов, отличающихся устойчивыми экономическими, организационными и социальными взаимосвязями.

Информационной базой служат региональная первичная и вторичная статистики по теме исследования, законодательные и нормативные акты федерального и регионального уровней.

Используются методы системного анализа, экономической статистики, экспертного опроса, экономико-математического и когнитивного моделирования. Прежде всего для решения задач исследования на всех его стадиях применяется системный подход, т. е. комплексное изучение стартапов и региональной среды. Данный подход дополняется другими методами: экспертных оценок – для выявления факторов взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды; экономической статистики – для первичного и финального отбора факторов, а также выявления динамики характеризующих их показателей; сравнительного анализа – для качественной оценки факторов в различных регионах; корреляционно-регрессионного анализа – для установления наличия и формы взаимосвязей факторов; экономико-математического и когнитивного моделирования – для последующего моделирования вероятных сценариев социально-экономического развития регионов в зависимости от характера активности их стартапов; построения алгоритмов решений – для мониторинга инновационной активности бизнеса в рассмотренных и иных регионах.

Результаты исследования. На первом этапе проводился опрос экспертов из трех заявленных регионов. Всего опрошены 43 эксперта, в том числе 19 – из Нижегородской области, 13 – из Мордовии, 11 – из Самарской области. Почти половина из них представляли финансово-экономическую сферу, 21 % – компьютерные науки, 11 – социологию, по 5 % – политологию и логистику, остальные – прочие отрасли. 56 % экспертов знакомы с технологией когнитивного моделирования, 65 % – с системным подходом в исследовании стартапов.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Если рассматривать влияние бизнес стартапа на социально-экономическое состояние региона как сложную нелинейную систему, то какие элементы Вы считаете наиболее значимыми (от 0 до 1 в порядке возрастания)?». Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1. Экспертная оценка факторов влияния стартапа на социально-экономическое состояние региона

Table 1. Expert evaluation of the factors of a startup's impact on the socio-economic status of the region

Фактор / Factor	Мода (наиболее часто встречающаяся оценка) / Mode (most common estimate)			
	Саранск / Saransk	Самара / Samara	Нижний Новгород / Nizhny Novgorod	Общая модальная оценка / Total modal estimate
1	2	3	4	5
1. Команда стартапа / Startup team	0,9	1,0	0,9	1,0
2. Идея стартапа / Startup idea	0,9	1,0	0,7	1,0
3. Технология для стартапа / Startup technology	0,6	0,9	0,5	0,7
4. Финансы для стартапа / Startup finance	0,8	1,0	0,6	0,9
5. Дисфункция команды стартапа / Dysfunction of the startup team	0,5	0,8	0,4	0,9
6. Стартап-проект / Startup project	0,7	0,9	0,6	0,9
7. Банки-партнеры / Partner banks	0,6	0,7	0,6	0,6
8. Теневые финансы / Shadow finance	0,2	0,3	0,6	0,3

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5
9. Отрасль-партнер / Partner sector	0,6	0,2	0,4	0,6
10. Исполнительная власть / Executive power	0,6	0,2	0,6	0,6
11. Судебная власть / Judicial power	0,2	0,2	0,3	0,2
12. Законодательная власть / Legislative power	0,4	0,2	0,5	0,5
13. Бюджет / Budget	0,7	1,0	0,7	0,7
14.1. Устойчивый проект / Sustainable project	0,8	1,0	0,7	0,8
14.2. Проект-однодневка / Short-lived project	0,3	0,3	0,2	0,3
15. Доля рынка в регионе / Market share in the region	0,4	0,5	0,6	0,5
16. Рабочие места в регионе / Jobs in the region	0,6	0,5	0,5	0,5
17. Социальный эффект проекта / Social effect of the project	0,3	0,5	0,5	0,5
18. Экономический эффект проекта / Economic effect of the project	0,5	0,3	0,8	0,7
19. МСБ региона / Small and medium business in the region	0,8	0,6	0,5	0,5
20. Коррупция / Corruption	0,2	0,2	0,6	0,5
21. Криминал / Criminality	0,2	0,2	0,4	0,4
22. Кумовство / Nepotism	0,3	0,1	0,5	0,7
23. Активное сообщество (население) / Active community (population)	0,6	0,5	0,7	0,7
24. Депрессивное сообщество (население) / Depressive community (population)	0,3	0,5	0,3	0,3

Эксперты посчитали наименее значимыми (оценка 0,1–0,3) судебную власть и депрессивное сообщество, умеренными (0,3–0,5) – теневые

финансы, криминал, стартапы-однодневки. Остальные факторы, по их мнению, оказывают сильное влияние (оценка 0,5–1). Кроме того, в качестве дополнительных факторов влияния названы нацеленность стартапа на международные рынки, благоприятная городская среда / комфортная социальная среда проживания, инновационная активность населения, рынок инновационных продуктов и некоторые другие.

На втором этапе круг экспертов расширился за счет ученых и представителей инновационных стартапов в регионах. Главными организациями стали: в Нижегородской области – Нижегородский центр социально-экономической экспертизы, в Республике Мордовия – Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, в Самарской области – Самарский государственный технический университет.

Дискутировались и анализировались с привлечением имеющихся статистических данных различные аспекты социально-экономической деятельности регионов и инновационного бизнеса (законодательные основы развития бизнеса, региональные особенности инновационного процесса, условия и показатели инновационной деятельности, взаимоотношения в треугольнике «институты развития – университеты – бизнес», лучшие практики в сфере инноваций, особенности финансирования инновационных проектов и т. д.).

В результате выявлены следующие особенности современных стартапов и их взаимодействия с внешней средой.

1. Административные меры регулирования социально-экономического развития регионов доминируют над механизмами конкурентного, рыночного саморегулирования.

2. Партнерские отношения региональной власти и инновационного бизнеса являются более эффективными, если отвечают состоянию и качеству спроса со стороны науки, образования, бизнеса, и менее эффективными, если отражают преимущественно административно-политические установки институтов государства.

3. Коррупция, административные барьеры, мошенничество приводят к снижению устойчивых стартапов, к появлению и росту количества стартапов-однодневок, имитирующих бизнес-активность, а на деле использующих льготные ресурсы для корыстных целей.

4. Прямыми индикаторами влияния стартапов на региональное развитие могут выступать: налоговые поступления в региональный бюджет, количество вновь созданных рабочих мест, трудоустройство отдаленно значимых групп населения (например, молодежи), объем произведенных инновационных товаров и услуг, количество патентов.

5. Косвенными индикаторами влияния стартапов на региональное развитие могут выступать:

– повышение уровня жизни населения региона (рост ВРП на душу населения, средняя зарплата в регионе, среднедушевые доходы в ре-

гионе, комфортная среда обитания, продолжительность жизни, индекс человеческого развития HDI);

- повышение эффективности региональной экономики (использование ресурсов, средние издержки, производительность труда);

- улучшение структуры региональной экономики (за счет роста инновационных секторов и производств с высокой долей добавленной стоимости, снижения энергоемкости);

- повышение конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности региона (за счет роста соответствующих рейтингов, гибкости экономики, технического прогресса);

- обеспечение стабильного существования и развития среднего класса;
- качество человеческого капитала в регионе (за счет квалификации трудовых ресурсов).

6. Отрицательное влияние на инновационный бизнес оказывают финансовые риски, субъективизм и непрозрачность в принятии управленческих решений, отсутствие опыта ведения бизнеса, отсутствие стандартов оценки инноваций, несогласованность со стратегией развития территории.

7. Внешняя среда имеет обратное влияние на инновационные стартапы. Так, информатизация способствует росту инновационной активности субъектов инновационного развития региона. Глобализация повышает открытость региона, уровень внешней конкуренции, что способствует росту инновационной активности. В то же время возрастает угроза информационной безопасности, преступности, терроризма, «утечки мозгов», что негативно влияет на инновационную активность субъектов инновационного развития.

На основе аналитических и статистических данных, экспертных оценок определены 23 ключевых фактора, показывающих влияние стартапов на региональное развитие и обратное влияние (табл. 2).

Как можно заметить, финальный перечень содержит с точки зрения отдельных стартапов как внутренние (команда, уровень управления, финансирование и др.), так и внешние (бюджет, качество жизни, информатизация и др.) факторы. Количественные факторы определяются по статистическим данным, качественные – путем экспертных оценок.

Корреляция между ключевыми факторами может быть положительной и отрицательной. Примерами первой являются F4. Государственные инвестиции и F23. Государственный заказ или F9. Инновационная активность населения и F10. Инновационное предпринимательство, примерами второй – F15. Информатизация региона и F17. Коррупция.

При этом в функциональном аспекте факторы могут относиться к целевым (пример – качество жизни), управляемым (административные барьеры), факторам подачи исходного импульса изменений в системе (команда) и факторам – приемникам импульса (дисфункция).

Т а б л и ц а 2. Описание системы факторов развития стартапов в регионе
T a b l e 2. Description of the system of startup development factors in the region

Фактор / Factor	Содержательная интерпретация / Substantive interpretation
1	2
F1. Развитие стартапов / Development of startups	Количество стартапов с эволюционной траекторией развития / The number of startups with an evolutionary development path
F2. Инкубаторы деловой культуры / Business culture incubators	Инфраструктура формирования проектной деловой культуры в коммерческом и социально ориентированном бизнесе, в некоммерческом секторе / Infrastructure of project business culture formation in commercial and socially oriented business, in the non-profit sector
F3. Частные инвестиции / Private investment	Объем частных инвестиций / Volume of private investment
F4. Государственные инвестиции / State investment	Объем государственных инвестиций / Volume of state investment
F5. Качество нормативно-правовой базы / Quality of legal framework	Соответствие нормативно-правовой базы условиям эффективного развития стартапов / Compliance of the legal framework with the conditions for effective development of startups
F6. Профессионализм команды / Team professionalism	Соответствие компетенций членов команды технологии стартапа / Compliance of the team members' competencies with the startup technology
F7. Развитие предпринимательства / Entrepreneurship development	Рост числа занятых, зарплаты, оборота в малом и среднем бизнесе / Growth in the number of employees, wages, turnover in small and medium business
F8. Взаимодействие науки, бизнеса, власти / Interaction between science, business and the authorities	Сопровождение стартапов, в том числе обучающие семинары, тренинги; государственно-частное партнерство, в том числе с участием вузов и НИИ / Support of startups including training seminars, trainings; public-private partnership, including that with the participation of universities and research institutes
F9. Инновационная активность населения / Innovation activity of population	Количество законодательских инициатив граждан, НКО в сфере бизнеса; конкурсы, гранты по инициативе граждан / The number of legislative initiatives of citizens and NGOs in the field of business; contests and grants initiated by citizens
F10. Инновационное предпринимательство / Innovative entrepreneurship	Объем инновационных товаров, услуг, работ, выполненных субъектами малого и среднего бизнеса / Volume of innovative goods, services and works performed by small and medium businesses
F11. Социально-экономическое состояние региона / Socio-economic situation in the region	Уровень доходов населения, производительности труда, доходов и расходов бюджета / Income level of the population, rates of labor productivity, budget revenues and expenditures

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
F12. Качество жизни населения региона / Quality of life in the region	Ожидаемая продолжительность жизни, удовлетворение потребностей населения, индекс человеческого развития / Life expectancy, meeting the needs of the population, human development index
F13. Инновационный спрос / Innovative demand	Региональный спрос на инновационные продукты, услуги и технологии / Regional demand for innovative products, services and technologies
F14. Инновационная политика региона / Innovative policy of the region	Эффективность государственных программ поддержки инновационной деятельности. Число патентов в регионе / Effectiveness of state programs to support innovative activity. Number of patents in the region
F15. Информатизация региона / Informatization of the region	Внедрение ИКТ во все сферы жизнедеятельности общества, преодоление информационного неравенства, удовлетворение информационных потребностей населения / Introducing ICT in all spheres of social life, overcoming digital divide, meeting the information requirements of the population
F16. Административные барьеры / Administrative barriers	Несо согласованность органов исполнительной, законодательной, судебной власти / Inconsistency of the executive, legislative and judicial authorities
F17. Коррупция / Corruption	Использование властных полномочий и прав в целях достижения личной выгоды / Use of authority powers and rights for personal gain
F18. Мошенничество / Fraud	Нецелевое использование инвестиций в стартапах, нарушения законодательства / Inappropriate use of investments in startups, violation of the law
F19. Стартап-однодневка / Short-lived startups	Нежизнеспособные стартапы, существующие только при наличии льгот, государственной поддержки, лоббирования / Non-viable startups that exist only due to benefits, state support and lobbying
F20. Дисфункция / Dysfunction	Сбой в системе функционирования стартапов / Failures in the startup operation system
F21. Демографический профиль / Demographic profile	Доля населения пенсионного возраста, трудоспособного возраста, молодежи; воспроизводство населения / Proportion of the retirement-age, working-age population and the youth; reproduction of population
F22. Технологический уклад / Technological setup	Технологический профиль региона, доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в ВВП / Technological profile of the region, share of high-tech and science intensive products in the GRP
F23. Государственный заказ / Government order	Финансирование и закупки из федерального и регионального бюджета / Funding and procurement from the federal and regional budgets

Обсуждение и заключение. Составленный первичный и окончательный перечень факторов взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды соответствует социально-экономическому состоянию и потребностям трех российских регионов. Он служит основой для корреляционно-регрессионного анализа и последующего построения

когнитивной модели регионального инновационного процесса, учитывающей особенности рассматриваемых регионов.

Технология когнитивного моделирования предусматривает моделирование сценариев процесса взаимного влияния стартапов и региональной среды. Также возможно прогнозирование динамики отдельных факторов данного процесса с горизонтом до 9 лет. Верифицированная когнитивная модель позволяет:

- дать прогнозные сценарии влияния инноваций на региональный рост и влияния региональной среды на рост инноваций;
- провести обоснование, сравнительный анализ и оценку последствий управленческих решений по развитию региональной инфраструктуры поддержки предпринимательства;
- оценить адаптируемость инновационных стартапов к изменениям факторов внешней и внутренней среды.

На наш взгляд, целесообразно продолжить регулярные наблюдения и обследования инновационной активности бизнеса в рассмотренных регионах. Кроме того, данные методические подходы могут быть перенесены и воспроизведены в других субъектах РФ. В долгосрочном плане необходимо последовательно и целенаправленно выстраивать региональные коммуникации основных заинтересованных групп (стейкхолдеров) инновационного процесса. Тренинги и профессиональная подготовка стейкхолдеров существенно ускоряют процесс. Данные меры будут способствовать модернизации региональных экономик на основе эффективного использования их инновационного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сердобинцев Д. В. Основные направления инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья // Регионоведение. 2017. Т. 25, № 4. С. 554–572. URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/2017_4/serdobincev.pdf (дата обращения: 25.04.2018).
2. Promotoren in regionalen Innovationssystemen – Drei Fallbeispiele aus Nordwestdeutschland / O. Klein [et al.] // Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning. 2016. Vol. 74, issue 5. Pp. 405–419. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-016-0416-5>
3. Kreutzer F. Made by Germany – Eine mikroökonomische Analyse der makroökonomischen Effekte von Offshoring aufkleineund mittelständische Unternehmen in Deutschland // Mönchengladbacher Schriften zur wirtschaftswissenschaftlichen Praxis. 2016. Pp. 232–266. URL: <http://flipbook.stuenings.de/hs-niederrhein/moenchengladbacher-schriften-zur-wirtschaftswissenschaftlichen-praxis-band-31/#p=1> (дата обращения: 15.04.2018).
4. Merino F. Offshoring, outsourcing and the economic geography of Europe // Papers in Regional Science. 2017. Vol. 96, issue 2. Pp. 299–323. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12207>

5. Berggren B., Fili A., Wilhelmsson M. The effect of house prices on business start-ups: A review and analysis using Swedish regional data // *Region*. 2017. Vol 4, no. 1. Pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.18335/region.v4i1.95>
6. Канева М. А., Унтура Г. А. Взаимосвязь НИОКР, перетоков знаний и динамики экономического роста регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 1 (93). С. 78–100. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170104>
7. Инновационное развитие в интерьере реиндустриализации регионального пространства России / И. Ю. Корель [и др.] // *Регион: экономика и социология*. 2018. № 1 (97). С. 167–190. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20180108>
8. Титов В. В., Напреева С. К. Оптимизация планирования инновационного процесса от разработки новой продукции до ее реализации // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 4 (96). С. 285–306. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170413>
9. Халимова С. Р. Оценка взаимосвязи инновационного развития крупных компаний и эффективности их деятельности // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 2 (94). С. 210–228. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170210>
10. Инновационное развитие регионов России: отраслевой разрез (на примере Нижегородской области) / С. Н. Митяков [и др.] // *Инновации*. 2018. № 2. С. 47–54. URL: <http://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2018/innovacii-n2-2018/innovacionnoe-razvitie-regionov-rossii-otraslevoj-razrez-na-primere-nizhegorodskoj-oblasti> (дата обращения 12.04.2018).
11. Юсупова А., Халимова С. Характеристики, особенности развития, региональные и отраслевые детерминанты высокотехнологичного бизнеса в России // *Вопросы экономики*. 2017. № 12. С. 142–154. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n12_2017.html#an9 (дата обращения: 25.04.2018).
12. Kopper J., Jaeger J. Akademische Existenzgründungen in der Internetbranche – welchen Einfluss haben Hochschule und Region auf die Standortwahl? // *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 201. Vol. 7, issue 2. Pp. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-016-0439-y>
13. Москалева Е. Г. Инновационный потенциал как фактор опережающего развития региона // *Регионология*. 2017. Т. 25, № 4. С. 534–553. URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/2017_4/moskaleva.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
14. Carreira C., Lopes L. Regional knowledge spillovers: a firm-based analysis of non-linear effects // *Regional Studies*. 2017. Vol. 52, issue 7. Pp. 948–958. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360484>
15. Дахин А. В., Данилова О. С., Денисов В. Н. Региональная политика модернизации: административное пространство, факторы, сценарии // *Регионология*. 2013. № 4. С. 28–41. URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2013_4.pdf (дата обращения: 15.04.2018).
16. Diller C. Die Dritte und die Vierte Gewalt in Raumplanungsprozessen // *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 2018. Vol. 76, issue 3. Pp. 179–192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-018-0516-5>
17. Tomy S., Pardede E. From uncertainties to successful start ups: A data analytic approach to predict success in technological entrepreneurship // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, issue 3. Pp. 602–625. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10030602>

18. Fritsch M., Aamoucke R. Fields of knowledge in higher education institutions, and innovative start-ups: An empirical investigation // *Papers in Regional Science*. 2017. Vol. 96, issue S1. Pp. S1–S27. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12175>
19. Geise F. Zur Bedeutung von Crowdsourcing basierter Innovationspolitik durch Social-Media-Anwendungen // *Mönchengladbacher Schriften zur wirtschaftswissenschaftlichen Praxis*. 2014. Vol. 26. Pp. 145–162. URL: <http://www.shaker.de/de/content/catalogue/index.asp?lang=de&ID=8&ISBN=978-3-8440-3186-7&search=yes> (дата обращения: 20.04.2018).
20. Calignano G., Hassink R. Increasing innovativeness of SMEs in peripheral areas through international networks? The case of Southern Italy // *Region*. 2016. Vol. 3, no. 1. Pp. 25–42. DOI: <https://doi.org/10.18335/region.v3i1.93>
21. Netzwerkstrukturen kreativ-urbaner Milieus in mittleren Großstädten / K. Bingle [et al.] // *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 2017. Vol. 75, issue 5. Pp. 455–469. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-017-0489-9>
22. Huggins R., Prokop D. Network structure and regional innovation: A study of university-industry ties // *Urban Studies*. 2017; Vol. 54, issue 4. Pp. 931–952. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098016630521>

Поступила 14.05.2018; принята к публикации 03.07.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторе:

Арженовский Игорь Валентинович, профессор кафедры экономики, финансов и статистики ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4710-4902>, Researcher ID: H-7906-2018, igor.arzhenovskiy@gmail.com

Для цитирования:

Арженовский И. В. Факторы взаимного влияния инновационных стартапов и региональной среды // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 4. С. 658–673. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.658-673>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Serdobintsev D.V. Main directions of innovative and investment ievolpment of the Volga Regions. *Regionologiya = Regionology*. 2017; 25(4):554-572. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/2017_4/serdobincev.pdf (accessed 25.04.2018). (In Russ.)
2. Klein O., Gronemeyer C.M., Maschinski S. et al. Promotoren in regionalen Innovationssystemen – Drei Fallbeispiele aus Nordwestdeutschland. *Raumforschung und Raumordnung*. 2016; 74(5):405-419. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-016-0416-5>
3. Kreuzer F. Made by Germany – Eine mikroökonomische Analyse der makroökonomischen Effekte von Offshoring aufkleineund mittelständische Unternehmen

in Deutschland. *Mönchengladbacher Schriften zur wirtschaftswissenschaftlichen Praxis*. 2016; 31:232-266. Available at: <http://flipbook.stuenings.de/hs-niederrhein/moenchengladbacher-schriften-zur-wirtschaftswissenschaftlichen-praxis-band-31/#p=1> (accessed 15.04.2018).

4. Merino F. Offshoring, outsourcing and the economic geography of Europe. *Papers in Regional Science*. 2017; 96(2):299-323. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12207>

5. Berggren B., Fili A., Wilhelmsson M. The effect of house prices on business start-ups: A review and analysis using Swedish regional data. *Region*. 2017; 4(1):1-16. DOI: <https://doi.org/10.18335/region.v4i1.95>

6. Kaneva M.A., Untura G.A. The relationship between R&D, knowledge spillovers and dynamics of economic growth of the Russian regions. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2017; 93(1):78-100. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170104>

7. Korel I.Yu., Pavlyuk E.A., Korel L.V., Kafidova N.E. Innovative development in the interior of reindustrialization of the regional space of Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2018; 97(1):167-190. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20180108>

8. Titov V.V., Napreeva S.K. Optimizing planning of innovative process from new product development to distribution. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2017; 96(4):285-306. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170413>

9. Khalimova S.R. Estimating relation between innovative development of large companies and their efficiency. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2017. 94(2):210-228. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20170210>

10. Mityakov S.N., Maksimov Yu.M., Mityakova O.I., Murashova N.A. [Innovative development of the regions of Russia: sectoral section (the case study of the Nizhny Novgorod Region)]. *Innovatsii = Innovations*. 2018; 2:47-54. Available at: <http://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2018/innovacii-n2-2018/innovacionnoe-razvitiye-regionov-rossii-otraslevoj-razrez-na-primere-nizhegorodskoj-oblasti> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)

11. Yusupova A., Khalimova S. Characteristics, features of development, regional and sectoral determinants of high-tech business in Russia. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*. 2017; 12:142-154. Available at: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n12_2017.html#an9 (accessed 25.04.2018). (In Russ.)

12. Kopper J., Jaeger J. Akademische Existenzgründungen in der Internetbranche – welchen Einfluss haben Hochschule und Region auf die Standortwahl? *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 2017; 75(2):109-123. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-016-0439-y>

13. Moskaleva E.G. Innovative potential as a factor for advanced development of a region. *Regionologiya = Regionology*. 2017; 25(4):534-553. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/2017_4/moskaleva.pdf (accessed 15.03.2018). (In Russ.)

14. Carreira C., Lopes L. Regional knowledge spillovers: a firm-based analysis of non-linear effects. *Regional Studies*. 2017; 52(7):948-958. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2017.1360484>

15. Dakhin A.V., Danilova O.S., Denisov V.N. Regional modernisation policy: Administrative space, factors, scenarios. *Regionologiya = Regionology*. 2013; 4:28-41. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2013_4.pdf (accessed 15.04.2018). (In Russ.)

16. Diller C. Die Dritte und die Vierte Gewalt in Raumplanungsprozessen. *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 2018. 76(3):179-192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-018-0516-5>

17. Tomy S., Pardede E. From uncertainties to successful start ups: A data analytic approach to predict success in technological entrepreneurship. *Sustainability*. 2018; 10(3):602-625. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10030602>

18. Fritsch M., Aamoucke R. Fields of knowledge in higher education institutions, and innovative start-ups: An empirical investigation. *Papers in Regional Science*. 2017; 96(S1):S1-S27. DOI: <https://doi.org/10.1111/pirs.12175>

19. Geise F. Zur Bedeutung von Crowdsourcing basierter Innovationspolitik durch Social-Media-Anwendungen. *Mönchengladbacher Schriften zur wirtschaftswissenschaftlichen Praxis*. 2014; 26:145-162. Available at: <http://www.shaker.de/de/content/catalogue/index.asp?lang=de&ID=8&ISBN=978-3-8440-3186-7&search=yes> (accessed 20.04.2018).

20. Calignano G., Hassink R. Increasing innovativeness of SMEs in peripheral areas through international networks? The case of Southern Italy. *Region*. 2016; 3(1):25-42. DOI: <https://doi.org/10.18335/region.v3i1.93>

21. Bingel K., Lessmann G., Nussbaum J., Wotha B. Netzwerkstrukturen kreativ-urbaner Milieus in mittleren Grossstädten. *Raumforschung und Raumordnung – Spatial Research and Planning*. 2017; 75(5):455-469. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13147-017-0489-9>

22. Huggins R., Prokop D. Network structure and regional innovation: A study of university–industry ties. *Urban Studies*. 2017; 54(4):931-952. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098016630521>

Submitted 14.05.2018; accepted for publication 03.07.2018; published online 28.12.2018.

About the author:

Igor V. Arzhenovskiy, Professor, Department of Economics, Finance and Statistics, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (65 Ilyinskaya St., Nizhny Novgorod 603950, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4710-4902>, Researcher ID: H-7906-2018, igor.arzhenovskiy@gmail.com

For citation:

Arzhenovskiy I.V. Factors of Mutual Impact of Innovative Startups and the Regional Environment. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26(4):658-673. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.658-673>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Качество жизни населения Республики Саха (Якутия): рейтинг муниципальных районов

О. В. Гордячкова*

Т. И. Печетова

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова» (г. Якутск, Россия),
* gordyachkova@rambler.ru

Введение. Для России актуальной остается проблема дифференциации регионов по качеству жизни населения. В значительной степени она проявляется в самих регионах и обусловлена объективным фактором географического положения. Целью настоящего исследования является рейтинговая оценка качества жизни населения самого большого по территории субъекта Российской Федерации – Республики Саха (Якутия).

Материалы и методы. Информационной базой исследования стали открытые данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), рейтинги журнала «Профиль» и «РИА Рейтинг». Для оценки качества жизни населения муниципальных районов республики был применен рейтинговый метод суммы мест.

Результаты исследования. По результатам ранжирования муниципальных районов Республики Саха (Якутия) определены лидеры (столица и промышленно развитые районы) и аутсайдеры (районы Арктической зоны Якутии). Выявлен значительный разрыв в уровнях качества жизни населения республики, несмотря на предпринимаемые усилия региональных властей. Проведенное исследование показало отсутствие какой-либо официальной или общепринятой системы оценки качества жизни населения. Более того, нет единого представления об индикаторах, комплексно характеризующих качество жизни населения.

© Гордячкова О. В., Печетова Т. И., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Подтвержден тезис о том, что развитие промышленности и связанное с этим освоение территории и формирование инфраструктуры способствует повышению качества жизни населения. С другой стороны, промышленное развитие и усиление процессов урбанизации обостряет проблему безопасности жителей и делает актуальными вопросы, связанные с обеспечением качественным жильем в экстремальных климатических условиях. Результаты рейтинга могут использоваться руководством республики и властями муниципальных районов для разработки и реализации решений по управлению качеством жизни населения.

Ключевые слова: качество жизни населения, рейтинговый подход, Республика Саха (Якутия), муниципальный район, «РИА рейтинг», рейтинг журнала «Профиль», объективный и субъективный показатели

Благодарности. Авторы выражают благодарность С. А. Сукнёвой – доктору экономических наук, заведующему лабораторией экономики народонаселения и демографии НИИ региональной экономики Севера, профессору Северо-Восточного университета им. М. К. Аммосова, за консультационную помощь при проведении исследования.

Quality of Life in the Republic of Sakha (Yakutia): Rating of the Municipal Districts

O. V. Gordyachkova*, T. I. Pechetova

Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia),
* gordyachkova@rambler.ru

Introduction. In Russia, the issue of disparity in the quality of life between the regions remains urgent. To a large extent, it is manifested in the regions themselves, and is due to an objective factor of geographical location. The purpose of this study is to give a rating assessment of the quality of life in the largest constituent entity of the Russian Federation, the Republic of Sakha (Yakutia).

Materials and Methods. The information base of the study includes open data from the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia), and the ratings by Profile magazine and RIA Rating agency. To assess the quality of life in the municipal districts of the Republic of Sakha (Yakutia), the sum-of-the-places rating method was adopted.

Results. According to the ranking of the municipal districts of the Republic of Sakha (Yakutia), the leaders (the capital and industrially developed regions) and outsiders (areas in the Arctic zone of Yakutia) were identified. It has been revealed that despite the efforts undertaken by the regional authorities, there is a significant gap in the quality of life in the Republic of Sakha (Yakutia). The study has shown that there is no official or generally accepted system for assessing the quality of life. Moreover, there is no common understanding of indicators that comprehensively characterize the quality of life.

Discussion and Conclusion. The study has confirmed the thesis that industrial development in association with development of the territory and formation of the infrastructure help improve the quality of life. On the other hand, industrial development and increased urbanization exacerbate the problem of safety of residents and make relevant the issues related to the provision of quality housing in extreme

climatic conditions. The results of the rating can be used by the government of the Republic of Sakha (Yakutia) and the municipal authorities in order to provide solutions for managing the quality of life.

Keywords: quality of life, rating approach, Republic of Sakha (Yakutia), municipal district, RIA Rating, rating by Profile magazine, objective and subjective indicators

Acknowledgments. The authors express their profound gratitude to Svetlana A. Sukneva, Dr. Sci. (Economics), Head of the Laboratory of Population and Demography (Institute of Regional Economics of the North), Professor at Ammosov North-Eastern Federal University, for advisory assistance during the course of the study.

Введение. Качество жизни населения является одним из ключевых приоритетов развития современного общества, определяющим эффективность деятельности органов власти и результативность функционирования экономической системы. В настоящее время перед Российской Федерацией достаточно остро стоит проблема сглаживания диспропорций в уровнях социально-экономического развития регионов. Точно также эта проблема определяется и для самих регионов, когда различия в качестве жизни населения проявляются между городами и сельскими поселениями, промышленными и сельскохозяйственными районами. В особенности это касается тех регионов, которые географически удалены от центра и имеют значительные размеры территории, что выражается в малонаселенности и слабом развитии инфраструктуры.

Регионам важно создать простую и наглядную систему показателей качества жизни для мониторинга текущей ситуации на местах. Это обусловлено следующими причинами:

- необходимость оценки эффективности разработанных и реализованных программ социально-экономического развития муниципальных образований с позиции конечных потребителей, т. е. граждан, там проживающих;
- отсутствие официальных методик оценки качества жизни населения;
- возможность более четкого определения направлений совершенствования региональной социально-экономической политики.

Для Республики Саха (Якутия) проблема повышения качества жизни является весьма актуальной, учитывая огромные размеры территории, небольшую численность населения, размещенную крайне неравномерно, низкую плотность населения (0,3 чел./км²), а также самые экстремальные климатические условия. Кроме того, повышение качества жизни населения признано одной из главных целей разработанной Государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308, так как этот показатель становится необходимым условием обеспечения потребности в трудовых ресурсах и закрепления населения на Дальнем Востоке России.

В связи с этим целью настоящего исследования является рейтинговая оценка качества жизни населения самого большого по территории субъекта РФ – Республики Саха (Якутия). По нашему мнению, формирование рейтинга на основе открытых и объективных показателей служит наиболее доступным и достаточно объективным методом оценки качества жизни населения применительно к уровню муниципальных образований.

Обзор литературы. Проблема качества жизни – одна из важнейших в современной экономической науке; ее исследованию посвящены работы многих российских и зарубежных ученых.

Важность исследования качества жизни наиболее полно была обоснована в докладе Международной комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса под руководством Дж. Стиглица, А. Сена и Ж.-П. Фитусси в 2009 г., в соответствии с которым предлагалось применять показатель качества жизни населения для оценки экономического роста вместо валового внутреннего продукта¹.

В международной практике выработано несколько методологических подходов к определению качества жизни населения, среди которых можно выделить подход Программы развития ООН, основанный на расчете индекса развития человеческого потенциала, подход Комиссии ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни, делающий акцент, помимо стандартных показателей, на гендерное равенство, а также подход американской некоммерческой организации «Комитет по демографическому кризису», проводящей оценку качества жизни населения в крупных городах и поэтому включившей в индикаторы уровень уличного шума и загрязнения воздуха [1].

В Российской Федерации комплексными исследованиями качества жизни населения (теоретическим и практическим аспектами проблемы) занимается Всероссийский центр уровня жизни. Так, в работах Центра под руководством В. Н. Бобкова анализируются категории «качество жизни», «уровень жизни», «уровень и качество жизни», определяются основные компоненты качества жизни и методологические подходы к его оценке. Большое внимание уделено оценке качества жизни населения в России с применением международных социальных стандартов для международных сопоставлений (индекс развития человеческого потенциала, среднедушевой уровень валового внутреннего продукта, индекс Джини). Также значимыми являются исследования проблем межрегионального неравенства в уровне жизни населения [2–4].

Созвучна исследованиям Всероссийского центра уровня жизни работа В. И. Катаевой и Т. В. Фомичевой, постулирующая взаимосвязь

¹ Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 216 с.

между показателями «качество жизни» и «ожидаемая продолжительность жизни» и основывающаяся на анализе Индекса развития человеческого потенциала как системы оценки качества жизни [5].

И. А. Филоковым выделяются два подхода при исследовании качества жизни населения – оптимистический и пессимистический [6]. В работе Ю. Н. Талалушкиной систематизированы подходы к изучению качества жизни, в том числе социально-экономический подход, наиболее распространенный в настоящее время. Автором большое внимание уделено вопросу объективных и субъективных факторов, влияющих на качество жизни населения [7].

С. П. Спиридоновым исследованы и обобщены существующие объективные, субъективные и интегральные индикаторы качества жизни населения, а также сделан вывод о необходимости оценки ситуации всех сфер жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом [1].

К. В. Фофановой обосновывается необходимость применения наряду с существующими методами оценки качества жизни населения международного индекса счастья, который складывается из «показателей, отражающих достижения стран и регионов с точки зрения их способности обеспечить своим жителям счастливую жизнь», а также субъективной оценки удовлетворенности людей своей жизнью [8].

В. В. Ананишнев также исследует счастье как один из показателей качества жизни в России в связи с менталитетом народа, личностными смыслами и жизненными устремлениями, с мировоззрением человека, его судьбой. Автором изучаются возможности практического применения регулирования счастья в современной России [9].

В исследовании Д. Балласа подчеркивается важность географических и социально-экономических факторов, связанных с качеством жизни, благополучием и счастьем, особый упор делается на влияние социального и пространственного неравенства и социальной справедливости [10].

Что касается практического анализа и оценки качества жизни населения в Российской Федерации, то такого рода исследования весьма обширны и разноплановы: они проводятся с экономической, социологической, статистической, медицинской и иных точек зрения, а также разных подходов. Так, Б. М. Генкиным, Д. Н. Десятко, Е. А. Екимовой были проанализированы основные показатели качества жизни на основании структуры потребностей человека и на их основе составлены рейтинги стран. Авторами предложена методика сравнительной оценки качества жизни населения страны [11].

Т. В. Харитоновой и И. П. Мастерских проведено исследование качества жизни населения в РФ за период с 2002 по 2008 г. и сделан вывод о наличии положительной динамики качества жизни населения,

которая, по мнению авторов, является результатом стабилизации социальной ситуации в стране².

В различных исследованиях качество жизни оценивается авторами с помощью кластерного анализа [12; 13], с позиций семейной квалиметрии с применением уравнения динамики МакКендрика [14].

В. В. Локосовым, Е. В. Рюминой и В. В. Ульяновым был проведен регрессионный анализ влияния качественных характеристик населения на уровень развития региональной экономики [15]. Р. М. Садыков определяет качество жизни населения как основной фактор достижения социальной безопасности территориальных образований, что доказывается статистическими показателями уровня и качества жизни населения субъектов РФ [16].

Говоря о применении рейтингов для оценки качества жизни населения, нельзя не отметить работу И. А. Гурбан, в которой на основе анализа положения субъектов Уральского федерального округа в различных рейтингах, в том числе рейтингах качества жизни населения, обоснован вывод, что в современных условиях рейтинг становится элементом реального механизма управления, поскольку государство и другие экономические агенты ориентируются на него в процессе принятия решений³.

А. А. Соколов и О. С. Руднева делают упор на существующий факт повышения уровня урбанизации в нашей стране и формируют рейтинг 35 крупных городов России с численностью населения более 500 тыс. чел. по качеству жизни населения в зависимости от комфортности условий проживания, развития инфраструктуры и социальных институтов [17].

Вообще процесс урбанизации и связанная с этим проблема качества жизни населения в городах является очень обсуждаемой не только в России, но и за рубежом. Ученые исследуют взаимосвязи между качеством жизни, растительным покровом и плотностью населения в городской среде [18]; оценивают качество жизни населения в городах Европы через взаимосвязь уровня удовлетворенности и уровня безопасности в городах [19]; анализируют комплексное применение различных методик оценки качества жизни населения в городах [20]; рассматривают субъективные оценки качества жизни населения и уровень благосостояния в переходных экономиках, основанных на социальном доверии [21]. Отдельные разработки показывают преимущественно низкие корреляции между

² Харитонов Т. В., Мастерских И. П. Исследование качества жизни населения в Российской Федерации // Практический маркетинг. 2009. № 6. URL: <http://www.cfin.ru/press/practical/2009-06/01.shtml> (дата обращения: 06.03.2018).

³ Гурбан И. А. Формирование рейтингов как элемент механизма управления качеством жизни населения региона // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. С. 86–91. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23691414_10631387.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

объективными характеристиками и субъективными оценками качества жизни в городах [22].

Аналізу качества жизни населения Дальнего Востока России в целом и Республики Саха (Якутия) в частности посвящены некоторые публикации отечественных ученых. Так, работа Е. Г. Маклашовой исследует оценку качества жизни населения арктических районов Якутии с применением социального метода. Согласно полученным данным, главными индикаторами оценки социального развития выступают досуг, медицина и образование. Автором выявлены различия в собственной оценке качества жизни населения, сделанной посредством анкетирования представителей различных этнических групп [23].

В монографии А. Н. Мырсева, А. А. Попова, С. В. Федоровой комплексно исследуются вопросы качества жизни населения Крайнего Севера и Арктической зоны Якутии с позиции теории социального капитала⁴.

А. Н. Набережная на основе анализа качества жизни населения Дальневосточного федерального округа показывает влияние социально-демографических факторов развития Республики Саха (Якутия) на уровень жизни населения. Автором определены факторы, формирующие уровень и качество жизни населения региона; отмечена высокая доля самоубийств населения в трудоспособном возрасте [24].

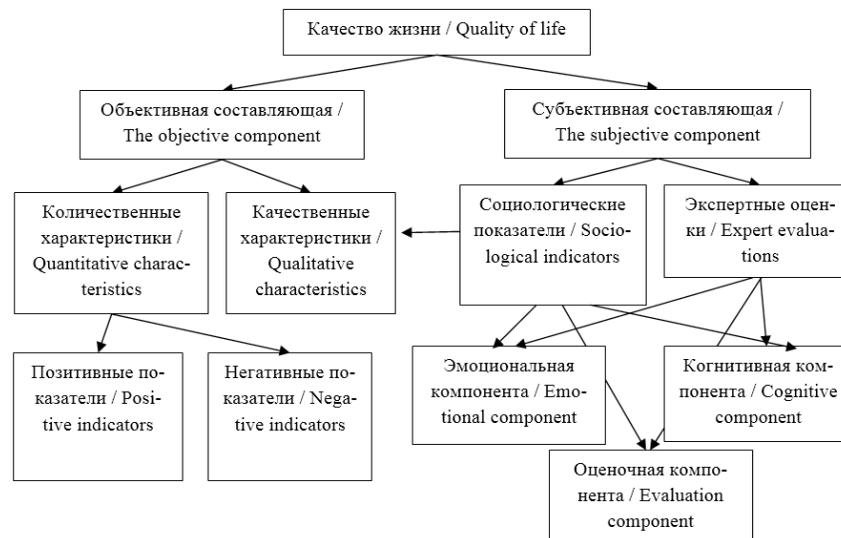
Анализ представленных исследований показал, что в каждой конкретной ситуации категория «качество жизни населения» наполняется несколько отличающимся содержанием. В большинстве случаев под качеством жизни понимается совокупность показателей, характеризующих уровень благосостояния людей, определяемый на основе потребления материальных, нематериальных и общественных благ.

Для исследований, посвященных качеству жизни населения, характерно использование количественных и качественных показателей, имеющих как объективную, так и субъективную оценку (рис. 1). Объективные показатели представляют собой статистические данные, отражающие уровень личного дохода, динамику и структуру текущего потребления, уровень сбережений, обеспеченность товарами длительного пользования, потребление социально значимых услуг, уровень развития инфраструктуры, экологические индикаторы и т. д. Субъективные показатели, как правило, не включаются в рейтинги в силу отсутствия возможностей для количественной оценки.

Таким образом, несмотря на значительное число исследований, посвященных качеству жизни населения, недостаточное внимание уделено как рейтинговому методу, так и оценке качества жизни населения на

⁴ Мыреев А. Н., Попов А. А., Федорова С. В. Качество жизни населения в условиях трансформации экономики: теория, проблемы, практика (на примере районов Крайнего Севера и Арктической зоны) : моногр. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2015. 584 с.

уровне муниципальных образований. Для России вопрос оценки качества жизни обязательно должен исследоваться в региональном разрезе, учитывая географическую протяженность, климатические особенности, крайнюю неравномерность распределения населения по территории и стратификацию населения по уровню доходов.

Р и с. 1. Структура понятия качества жизни [7]

F i g. 1. Structure of the concept of quality of life

Материалы и методы. При проведении исследования были использованы труды отечественных ученых, публикации в периодической печати, относящиеся к теме исследования. Информационной базой послужили открытые данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), а также результаты рейтинга качества жизни населения «РИА Рейтинг» и рейтинг журнала «Профиль».

Для проведения исследования был применен рейтинговый метод как востребованный инструмент оценки качества жизни населения в настоящее время.

На основании анализа приведенных публикаций и указанных рейтингов для оценки качества жизни населения муниципальных районов республики были отобраны 15 критериев, отражающих доходы, занятость,

здоровье и уровень образования населения, жилищные условия, уровень развития экономики и социальной инфраструктуры, а также комфортность и безопасность проживания.

Отбор критериев проводился с учетом анализа современных научных публикаций и возможности получения статистических данных из открытых источников.

Последовательность формирования рейтинга включала сбор и систематизацию данных за 2016 г. по муниципальным районам. Затем по каждому показателю определялся ранг муниципального района (его место в общем списке от 1 до 35). Для получения итогового интегрального показателя ранги суммировались без весовых коэффициентов.

Результаты исследования. Критерии для формирования рейтинга были отобраны на основе анализа наиболее известных рейтингов регионов России по качеству жизни населения: рейтинга, составляемого агентством «РИА Рейтинг» и рейтинга делового еженедельника «Профиль».

«РИА рейтинг» основывается на анализе 72 показателей, объединенных в 11 групп и характеризующих различные аспекты условий проживания в регионе, начиная с уровня экономического развития и объема доходов населения, заканчивая обеспеченностью населения различными видами услуг и климатическими условиями в регионе проживания⁵.

Рейтинг качества жизни населения журнала «Профиль» представлен как составная часть общего рейтинга российских регионов и сформирован на основе 11 показателей⁶.

В таблице 1 представлен сравнительный анализ индикаторов, используемых при составлении данных рейтингов.

Несмотря на различное количество показателей, используемых при составлении рейтинга, они во многом схожи. Общими являются оценка уровня среднедушевых доходов населения, уровень занятости, жилищные условия и безопасность проживания (количество преступлений). Основные различия сосредоточены в области оценки уровня потребления и развития инфраструктуры. Рейтинг журнала «Профиль» сконцентрирован на уровне потребления товаров и услуг (автомобили, персональные компьютеры, мобильные телефоны, алкоголь и табак, развлечения и различные виды отдыха).

⁵ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf (дата обращения: 15.02.2017); Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: <http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html> (дата обращения: 15.02.2018).

⁶ «Замороженная» страна. Третье ежегодное исследование российских регионов показывает, что колоссальная дифференциация между субъектами РФ воспроизводится вновь и вновь // Профиль. 2017. 18 декабря. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/122912-zamorozhennaya-strana> (дата обращения: 29.12.2017).

Т а б л и ц а 1. Индикаторы, применяемые при составлении рейтингов качества жизни населения

Table 1. Indicators used when compiling ratings of the quality of life

Показатели, используемые журналом «Профиль» / Indicators used by Profile magazine	Показатели, используемые рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» / Indicators used by RIA Rating agency
1	2
1.1. <i>Среднедушевые денежные доходы населения / Average per capita monetary income of the population*</i> ; 1.2. <i>Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения субъекта) / Population with monetary income below the subsistence minimum (% of total population of the region);</i> 1.3. <i>Прирост финансовых активов (в % от общего объема денежных доходов) / Increase in financial assets (% of total monetary income)</i>	1. <i>Уровень доходов населения (в частности доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) / Income level of the population (in particular, the share of the population with incomes below the subsistence minimum)</i>
2. <i>Уровень занятости населения / Employment rate</i>	2. <i>Занятость населения и рынок труда / Employment and labor market</i>
3. <i>Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя / Average area of residential premises per one resident</i>	3. <i>Жилищные условия населения, в том числе общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя / Housing conditions of the population, including average area of residential premises per one resident</i>
4. <i>Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения / Number of registered crimes per 100,000 people of the population</i>	4. <i>Безопасность проживания, в том числе число преступлений на 10 000 чел. населения / Safety of residence, including the number of crimes per 10,000 people of the population</i>
5. <i>Персональные компьютеры (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Personal computers (based on a sample survey of household budgets)</i>	5. <i>Демографическая ситуация / Demographic situation</i>
6. <i>Мобильные телефоны (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Mobile phones (based on a sample survey of household budgets)</i>	6. <i>Экологические и климатические условия / Ecological and climatic conditions</i>

* Курсивом выделены совпадающие индикаторы / Matching indicators are italicized.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
7. Организация отдыха и культурные мероприятия, в % к потребительским расходам домашних хозяйств (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Recreation and cultural activities, in % of household consumption expenditures (based on a sample survey of household budgets)	7. Здоровье населения и уровень образования / Public health and level of education
8. Число собственных легковых автомобилей на 1 000 чел. населения / Number of own cars per 1,000 people of the population	8. Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры / Provision of social infrastructure facilities
9. Алкогольные напитки и табачные изделия, в % к потребительским расходам домашних хозяйств (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Alcoholic beverages and tobacco products, in % of household consumption expenditures (based on a sample survey of household budgets)	9. Уровень развития малого бизнеса / Level of small business development
	10. Освоенность территории, развитие транспортной инфраструктуры / Development of the territory and transport infrastructure
	11. Уровень экономического развития / Level of economic development

«РИА рейтинг» – на развитии объектов транспортной, социальной инфраструктуры, экологической и демографической ситуации, уровне развития малого бизнеса. Кроме того, у первого существует отдельный рейтинг по уровню экономического развития.

В рейтинге журнала «Профиль» 2017 г. Республика Саха (Якутия) заняла 33 место, хотя годом ранее была 12-ой⁷. В «РИА рейтинге» 2016 и 2017 гг. Якутия была 71-й⁸.

Исследование рейтинга журнала «Профиль» позволило сделать вывод о ключевых факторах, повлиявших на невысокое положение Якутии, которыми являются:

- низкие среднедушевые денежные доходы населения;
- малая в сравнении со среднероссийским уровнем общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя;

⁷ «Замороженная» страна.

⁸ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016.; Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017.

– количество собственных легковых автомобилей в расчете на 1 000 чел. населения;

– численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

В «РИА рейтинге» Республика Саха (Якутия) имеет низкие позиции по показателям «объем вкладов физических лиц в банках», «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума», «доля ветхого и аварийного жилья в общем жилищном фонде». Также низкие позиции наблюдаются и по ряду показателей, объединенных в группу «безопасность проживания».

Важными причинами столь невысоких показателей являются: огромная территория Республики Саха (более 3 млн км²), что порождает проблему освоенности, низкая плотность населения (около 0,3 чел./км²) и самые экстремальные климатические условия.

В связи с этим возникает необходимость оценки качества жизни населения республики более детально, в разрезе муниципальных районов.

Административно Республика Саха (Якутия) состоит из 34 муниципальных районов и 2 городских округов: Якутска и Жатай. Данные муниципальные образования значительно разнятся по площади (от 34 км² в Жатае до 318 тыс. км² в Оленекском эвенкийском национальном районе (улусе)), а также по уровню социально-экономического развития.

В рейтинг были включены 35 муниципальных районов Республики Саха (Якутия), за исключением г. о. Жатай. Особенность его расположения в непосредственной близости к столице республики и объединенная с Якутском инфраструктура, а также отсутствие большинства данных обусловили исключение данного муниципалитета из рейтинга.

Для формирования рейтинга муниципальных районов Республики Саха (Якутия) по качеству жизни населения были выбраны 15 показателей с учетом следующих условий:

- анализ современных научных публикаций;
- исследование представленных выше рейтингов;
- возможность получения статистических данных из открытых источников.

Отобранные показатели были систематизированы по группам (табл. 2).

В первую очередь были выбраны общепринятые показатели, используемые для составления рейтингов по уровню жизни населения (например, среднедушевые доходы населения, доля безработного населения, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, число зарегистрированных преступлений на 10 000 чел. населения, число организаций культурно-досугового типа).

Таблица 2. Группировка показателей для формирования рейтинга
Table 2. Grouping of indicators for ranking

Группа показателей / Group of indicators	Показатели / Indicators
Доходы и занятость населения / Income and employment of the population	– среднедушевые доходы населения, руб. в месяц / average per capita monetary income of the population, per month, roubles; – доля безработных среди экономически активного населения / unemployment rate among the economically active population
Социальная инфраструктура / Social infrastructure	– число объектов бытового обслуживания населения, оказывающих услуги, ед. / number of public facilities providing services, units; – число организаций культурно-досугового типа, ед. / number of cultural and leisure organizations, units
Экономическое развитие / Economic development	– объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 чел., руб. / investment in fixed capital (without budgetary funds) per person, roubles; – оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб. / turnover of retail trade per capita, thousand roubles
Здоровье населения и уровень образования / Public health and education level	– заболеваемость на 1 000 чел. населения, случаев / morbidity per 1,000 people of the population, cases; – доля населения, имеющая высшее образование / share of the population with higher education
Освоенность территории / Development of the territory	– плотность населения, чел./км ² / population density, persons per km ² ; – плотность автомобильных дорог, километров дорог с твердым покрытием в расчете на 1 000 км территории / density of roads, kilometers of paved roads per 1,000 km of the territory
Комфортность и безопасность проживания / Comfort and safety of living	– число зарегистрированных преступлений на 10 000 чел. населения, случаев / number of registered crimes per 10,000 people of the population, cases; – средняя месячная температура воздуха в зимний период, °С / average monthly air temperature in winter, °С

Некоторые показатели, используемые в общенациональных рейтингах, были исключены из-за отсутствия официальных статистических данных по муниципальным районам республики. В частности, по таким показателям, как «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума», «наличие бытовой и цифровой техники», статистические данные имеются только в целом по республике.

Учитывая тот факт, что климатические условия проживания оказывают значительное влияние на качество жизни, представляется целесообразным использовать показатель «среднемесячная температура воздуха в зимний период. Максимально низкое в Якутии значение температуры – -72 °С, что является абсолютным температурным рекордом для Северного полушария. Однако на территории республики климатические условия не одинаковы, поэтому было решено использовать этот показатель.

Показатель плотности автомобильных дорог (в расчете на 1 000 км территории) также считаем необходимым. Площадь республики равна 3 083 523 км²; поселения расположены в ней на значительном удалении друг от друга, поэтому показатель протяженности дорог в данном случае не совсем отражает реальный сопоставимый уровень развития дорожной сети.

Важен и показатель доли семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году, так как проблема качества жилищного фонда в настоящее время продолжает существовать в Республике Саха (Якутия). Удельный вес ветхого и аварийного жилья в общей площади всего жилищного фонда республики составляет 16,5 %, что является самым большим показателем в Дальневосточном федеральном округе⁹. Таким образом, избранный показатель отражает динамику процесса улучшения жилищных условий, что соотносится с задачами рейтинга.

Показатель оборота розничной торговли на душу населения также имеет большое значение при составлении рейтинга уровня жизни населения в Республике Саха (Якутия). Если, например, в г. Якутске нет трудностей с разнообразием и доступностью продуктов питания и предметов первой необходимости, то для многих северных районов это серьезная проблема, так как продукты и все необходимое завозится летом в период навигации и реализуется затем в розничной сети в течение года.

Число объектов бытового обслуживания населения также является важным показателем, поскольку, к сожалению, не все жители республики

⁹ Новая федеральная программа переселения граждан из аварийного жилья пройдет апробацию в Якутии [Электронный ресурс]. URL: <http://news.ykt.ru/article/66040> (дата обращения: 15.02.2018).

живут в полностью благоустроенных домах (об этом свидетельствуют результаты рейтинга, представленные ниже). В связи с этим объекты бытового обслуживания, в первую очередь общественные бани, парикмахерские, химчистки, предприятия, занимающиеся ремонтом жилья, изготовлением и ремонтом мебели, индивидуальным пошивом и ремонтом обуви, одежды, просто необходимы для нормальной жизнедеятельности.

Нами также был использован показатель «объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 чел.». Данный показатель отражает уровень затрат на новое строительство, расширение и реконструкцию, в том числе и объектов жизнедеятельности, и свидетельствует об улучшении качества жизни в муниципальном районе.

Для составления рейтинга был применен следующий алгоритм расчета: по каждому показателю определялось место муниципального района в общем списке, т. е. его ранг. Для получения итогового ранга и соответственно определения места района ранги по каждому показателю суммировались.

По результатам рейтинга места распределились следующим образом (см. табл. 3).

В первую очередь необходимо проанализировать ранги показателей муниципальных образований, которые заняли первые места (с 1 по 5). Почти все значения показателей г. Якутска входят в 10 лидеров, а по «плотности населения», «доле безработных среди экономически активного населения», «обороту розничной торговли на душу населения», «числу объектов бытового обслуживания населения», «доле населения, имеющей высшее образование» город находится на первом месте. Низкие позиции г. Якутска выявлены по следующим показателям: «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя» (32 место), «доля семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году» (24 место), «число зарегистрированных преступлений на 10 000 чел. населения» (22 место). Все низкие значения показателей связаны с плотностью населения, которая в Якутске составляет 91,365 чел./м².

На 2 месте в рейтинге расположен Нерюнгринский район, который по большей части показателей имеет высокий ранг. Худший результат наблюдается лишь по показателю «доля семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году», где Нерюнгринский район занял последнее 35 место.

Третий в рейтинге Ленский район также по преимущественному количеству показателей находится в пределах первой и второй десятки, за исключением показателей «число зарегистрированных преступлений на 10 000 чел. населения» (28 место) и «доля семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году» (24 место).

Т а б л и ц а 3. Рейтинг муниципальных районов Якутии по качеству жизни населения

Table 3. Ranking of the municipal districts of Yakutia according to the quality of life of the population

Муниципальный район / Municipal district	Место / Ranking	Муниципальный район / Municipal district	Место / Ranking	Муниципальный район / Municipal district	Место / Ranking
1	2	3	4	5	6
г. о. Якутск / Yakutsk city district	1	Сунтарский / Suntarsky district	13	Амгинский / Amginsky district	25
Нерюнгринский / Neryungrinsky district	2	Хангаласский / Khangalassky district	14	Нижнеколымский / Nizhnekolymsky district	26
Ленский / Lensky district	3	Усть-Янский / Ust-Yansky district	15	Кобяйский / Kobyaisky district	27
Алданский / Aldansky district	4	Верхнеколымский / Verkhnekolymsky district	16	Верхоянский / Verkhoyansky district	28
Мегино-Кангаласский / Megino-Kangalassky district	5	Томпонский / Tomponsky district	17	Среднеколымский / Srednekolymsky district	29
Мирнинский / Mirninsky district	6	Вилуйский / Vilyuisky district	18	Анабарский / Anabarsky district	30
Чурапчинский / Churapchinsky district	7	Горный / Gorniy district	19	Жиганский / Zhigansky district	31
Усть-Майский / Ust-Maysky district	8	Намский / Namsky district	20	Момский / Momsky district	32
Усть-Алданский / Ust-Aldansky district	9	Оймяконский / Oymyakonsky district	21	Аллайховский / Allaikhovskiy district	33

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6
Таттинский / Tattinsky district	10	Абыйский / Abyisky district	22	Оленекский / Oleneksky district	34
Нюрбинский / Nyurbinsky district	11	Верхневиллойский / Verkhnevilyuysky district	23	Эвено-Бытантайский / Eveno-Bytantaysky district	35
Олекминский / Olekminsky district	12	Булунский / Bulunsky district	24		

Схожая ситуация наблюдается у Алданского района, который занял низкие места в значениях показателей «число зарегистрированных преступлений на 10 000 чел. населения» (29 место), «число организаций культурно-досугового типа» (27 место). При этом у района ни один из показателей не находится на первом месте, что не дало ему возможности подняться выше.

Мегино-Кангаласский район, расположенный на 5 месте, не стабилен по местонахождению показателей, поскольку имеет как высокие («плотность населения», «плотность автомобильных дорог в расчете на 1 000 км», «число организаций культурно-досугового типа», «число объектов бытового обслуживания населения, оказывающих услуги»), так и низкие позиции. По показателю «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя» Мегино-Кангаласский район занял первое место, что позволило ему оказаться одним из лидеров рейтинга.

Особое внимание было уделено Хангаласскому и Намскому районам (14 и 20 места соответственно), которые находятся в непосредственной близости с г. Якутском, но не попали в группу лидеров рейтинга. Хангаласский район имеет средние результаты почти по всем показателям, которые находятся в третьем десятке, а по показателям «плотность населения», «плотность автомобильных дорог в расчете на 1 000 км» – в первой десятке. Однако важно понимать, что для получения первых мест в рейтинге необходим высокий ранг, как это было выявлено у районов-лидеров.

Намский район находится на первом месте по показателю «плотность автомобильных дорог в расчете на 1 000 км» со значением 365,38. При этом по большинству показателей высоких мест не наблюдается: «среднедушевые доходы населения» (35 место), «средняя месячная тем-

пература воздуха в зимний период» (32 место), «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя» (28 место).

Лидерами рейтинга являются в первую очередь промышленно развитые муниципальные районы, на территории которых функционируют крупные предприятия, что определяет высокую плотность населения, высокий уровень среднедушевых доходов и низкую долю безработных. Высокие доходы формируют платежеспособный спрос, следовательно, для регионов-лидеров характерно наличие большого числа организаций культурно-досугового типа и значительный оборот розничной торговли. Именно крупное промышленное производство обеспечивает рост инвестиций в основной капитал.

Десять муниципальных районов, находящихся в конце рейтинга, относятся к группе арктических районов. Для них характерны небольшая численность населения, низкий уровень развития инфраструктуры и обеспеченности социально-культурными условиями.

Обсуждение и заключение. Оценка качества жизни населения на региональном уровне является весьма актуальным направлением исследований, учитывая значительную дифференциацию субъектов Российской Федерации по основным показателям социально-экономического развития. Наиболее известны рейтинги российских регионов по качеству жизни, формируемые агентством РИА и журналом «Эксперт». В настоящем исследовании впервые представлен рейтинг муниципальных районов по качеству жизни населения самого крупного региона – Республики Саха (Якутия). Цель исследования – рейтинговая оценка муниципальных районов Якутии по качеству жизни населения с помощью открытых данных и системы объективных показателей – достигнута. Результаты рейтинга свидетельствуют о значительно более низком качестве жизни в муниципальных районах Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и подтверждают тезис о том, что качество жизни неразрывно связано с уровнем промышленного, инфраструктурного развития, а также с процессами урбанизации.

Формирование рейтинга помогает определить конкретные показатели, по которым тот или иной муниципальный район имеет худшие позиции. Это позволит использовать полученные результаты для корректировки программ социально-экономического развития муниципалитетов и разработки действенных мер для выравнивания уровня жизни населения Республики Саха (Якутия). Данные критерии также могут быть применены для формирования рейтингов муниципальных образований в регионах Дальнего Востока и Арктической зоны России. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в расширении перечня критериев оценки и проведении данного исследования в динамике с целью выявления направлений повышения качества жизни населения на уровне муниципальных образований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Спиридонов С. П. Индикаторы качества жизни и методологии их формирования // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2010. № 10-12 (31). С. 208–223. URL: <http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2010/04/31.pdf> (дата обращения: 01.07.2018).
2. Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. 2012. № 2. С. 170–178. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2012/June_2012/ERJune2012_170_178.pdf (дата обращения: 28.05.2018).
3. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник ВГУ. Сер.: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-04.pdf> (дата обращения: 28.05.2018).
4. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика / В. Н. Боков [и др.] // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1 (203) С. 50–64. DOI: https://doi.org/10.12737/article_58eca25b7b0a47.04217125
5. Катаева В. И., Фомичева Т. В. Качество жизни в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 66–70. DOI: https://doi.org/10.12737/article_595cd52fa091d3.33590973
6. Филоков И. А. Генезис научных идей о качестве жизни населения: отечественные и зарубежные подходы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (11). С. 50–59. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on7309 (дата обращения: 28.07.2018).
7. Талалушкина Ю. Н. Социально-экономический подход к изучению качества жизни населения региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2015. № 4 (44). URL: <https://eee-region.ru/article/4402/> (дата обращения: 26.04.2018).
8. Фофанова К. В. Методологические вопросы измерения качества жизни региона // Регионология. 2016. № 4 (97). С. 127–139. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2016_4.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
9. Ананишнев В. В. Счастье как один из показателей качества жизни в России // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 106–110. URL: http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2017/3/UG_3_2017.pdf (дата обращения: 29.07.2018).
10. Ballas D. What makes a “happy city”? // Cities. 2013. No. 32. Pp. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.04.009>
11. Генкин Б. М., Десятко Д. Н., Екимова Е. А. Теория и методика сравнительной оценки качества жизни населения страны // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4 (202). С. 31–42. URL: <http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2016/4/genkin.PDF> (дата обращения: 08.02.2018).
12. Мигранова Л. А., Ульянов В. В. Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах // Народонаселение. 2017. № 3. С. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-9>

13. Ротарь Т. С. Многомерная классификация регионов Российской Федерации по основным показателям, формирующим качество жизни населения // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет). 2012. № 6. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=16478> (дата обращения: 26.12.2017).
14. Черкашин А. К., Лещенко Я. А., Боева А. В. Динамические и квалиметрические модели оценки качества жизни семьи // Народонаселение. 2015. № 3. С. 61–76. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2015-3> (дата обращения: 23.07.2018).
15. Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Качество населения: связь с экономическим развитием региона // Народонаселение. 2016. № 4. С. 68–76. URL: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2016-4> (дата обращения: 23.07.2018).
16. Садыков Р. М. Уровень и качество жизни населения как фактор обеспечения социальной безопасности территориальных образований // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (1). С. 201–205. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35504> (дата обращения: 23.07.2018).
17. Соколов А. А., Руднева О. С. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по уровню комфортности проживания // Народонаселение. 2017. № 3. С. 130–143. DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-10>
18. Spatial interrelationships of quality of life with land use/land cover, demography and urbanization / S. S. Bhatti [et al.] // Social indicators research. 2017. Vol. 132, no. 3. Pp. 1193–1216. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1336-z>
19. Węziak-Białowolska D. Quality of life in cities – Empirical evidence in comparative European perspective // Cities. 2016. Vol. 58. Pp. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.016>
20. Quality of city life multiple criteria analysis / A. Kaklauskas [et al.] // Cities. 2018. Vol. 72. Pp. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.08.002>
21. Bartolini S., Mikucka M., Sarracino F. Money, trust and happiness in transition countries: evidence from time series // Social indicators research. 2017. Vol 130, issue 1. Pp. 87–106. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1130-3>
22. Wirth T., Grêt-Regamey A., Stauffacher M. Mediating effects between objective and subjective indicators of urban quality of life: testing specific models for safety and access // Social indicators research. 2015. Vol. 122, issue 1. Pp. 189–210. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0682-y>
23. Маклашова Е. Г. Качество жизни населения как индикатор этносоциальных процессов (на материалах Якутской Арктики) // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 14–20. URL: <http://siv74.ru/index.php/arkhiv-nomerov> (дата обращения: 20.05.2018).
24. Набережная А. Н. Оценка влияния социально-демографических факторов на уровень жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 169–174. URL: http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2017/2/UG_2_2017.pdf (дата обращения: 25.07.2018).

Поступила 12.07.2018; принята к публикации 06.09.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Гордячкова Ольга Витальевна, старший преподаватель кафедры экономики и финансов ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова» (677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-0906>, gordyachkova@rambler.ru

Печетова Татьяна Ивановна, студент IV курса направления «Экономика» ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова» (677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8599-3405>, tatyana_pechetova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Гордячкова Ольга Витальевна – научное руководство; критический анализ и доработка текста.

Печетова Татьяна Ивановна – сбор статистических данных, их систематизация и анализ; подготовка начального варианта текста.

Для цитирования:

Гордячкова О. В., Печетова Т. И. Качество жизни населения Республики Саха (Якутия): рейтинг муниципальных районов // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 674–697. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.674-697>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Spiridonov S.P. Life quality indicators and methodology of their development. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo* = Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2010; 10-12(31):209-223. Available at: <http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2010/04/31.pdf> (accessed 01.07.2018). (In Russ.)
2. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2012; 2:170-178. Available at: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2012/June_2012/ERJune2012_170_178.pdf (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
3. Bobkov V.N. [Methodological approach of the All-Russian Center of Living Standards to the study and assessment of the quality of life and standard of living of the population]. *Vestnik VGU. Seriya: Ehkonomika i upravlenie* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2009; 2:26-36. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-04.pdf> (accessed 28.05.2018). (In Russ.)
4. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Zlenko E.G., Odintsova E.V. Comparative characteristics of indicators of living standards and quality of life in Russian regions: Sub-

jects, federal districts, the Arctic regions. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2017; 1(203):50-64. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.12737/article_58eca25b7b0a47.04217125

5. Kataeva V.I., Fomicheva T.V. Quality of Life in the Regions of Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2017; 3(205):66-70. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.12737/article_595cd52fa091d3.33590973

6. Filyukov I.A. [Genesis of scientific ideas about the quality of life of the population: Russian and foreign approaches]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. = University proceeding. Volga region. Social Sciences. 2009; 3(11):50-59. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on7309 (accessed 28.07.2018). (In Russ.)

7. Talalushkina Yu.N. A socio-economic approach to the study of life quality in the region. *Regionalnaya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal* = Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal. 2015; 4(44). Available at: <https://eee-region.ru/article/4402/> (accessed 26.04.2018). (In Russ.)

8. Fofanova K.V. Methodological issues of measuring quality of life in a region. *Regionologiya* = Regionology. 2016; 4(97):127-139. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2016_4.pdf (accessed 15.05.2018). (In Russ.)

9. Ananishnev V.V. Happiness as one of the indicators of the quality of life in Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living standards of the population in the regions of Russia. 2017; 3(205):106-110. Available at: http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2017/3/UG_3_2017.pdf (accessed 29.07.2018). (In Russ.)

10. Ballas D. What makes a “happy city”? *Cities*. 2013; 32:39-50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.04.009>

11. Genkin B.M., Desyatko D.N., Ekimova E.A. Theory and methodology of comparative evaluating the population’s quality of life. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2016; 4:31-42. Available at: <http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2016/4/genkin.pdf> (accessed 08.02.2018). (In Russ.)

12. Migranova L.A., Ulyanov V.V. Methodical approaches to estimation of the quality of life of population in regions. *Narodonaselenie* = Population. 2017; 3:116-129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-9>

13. Rotar T.S. Multidimensional classification of regions of the Russian Federation by key indicators of life quality. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii (Bajkalskij gosudarstvennyj universitet)* = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University). 2012; 6. Available at: <http://brj-bguen.ru/reader/article.aspx?id=16478> (accessed 26.12.2017). (In Russ.)

14. Cherkashin A.K., Leshchenko Ya.A., Boeva A.V. Dynamic and qualimetric models of estimating quality of life of family. *Narodonaselenie* = Population. 2015; 3:61-76. Available at: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2015-3> (accessed 23.07.2018). (In Russ.)

15. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Quality of population: connection with economic development of regions. *Narodonaselenie* = Population. 2016; 4:68-76. Available at: <http://www.isesp-ras.ru/numbers/2016-4> (accessed 23.07.2018). (In Russ.)

16. Sadykov R.M. The level and quality of life as a factor in ensuring social security of territorial entities. *Fundamentalnye issledovaniya* = Fundamental Research. 2014; 11(1):201-205. Available at: <http://fundamental-research.ru/en/article/view?id=35504> (accessed 23.07.2018). (In Russ.)

17. Sokolov A.A., Rudneva O.S. Rating of the biggest and big cities of Russia by the level of accommodation comfort. *Narodonaselenie* = Population. 2017; 3:130-143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-10>

18. Bhatti S.S., Tripathi N.K., Nagai M., Nitivattananon V. Spatial interrelationships of quality of life with land use/land cover, demography and urbanization. *Social indicators research*. 2017; 132(3):1193-1216. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1336-z>

19. Węziak-Białowolska D. Quality of life in cities – Empirical evidence in comparative European perspective. *Cities*. 2016; 58:87-96. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.016>

20. Kaklauskas A., Zavadskas E.K., Radzeviciene A., Ubarte I., Podvezko A., Podvezko V., Kuzminske A., Banaitis A., Binkyte A., Bucinskas V. Quality of city life multiple criteria analysis. *Cities*. 2018; 72:82-93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2017.08.002>

21. Bartolini S., Mikucka M., Sarracino F. Money, trust and happiness in transition countries: evidence from time series. *Social indicators research*. 2017; 130(1):87-106. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1130-3>

22. Wirth T., Grêt-Regamey A., Stauffacher M. Mediating effects between objective and subjective indicators of urban quality of life: testing specific models for safety and access. *Social indicators research*. 2015; 122(1):189-210. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0682-y>

23. Maklashova E.G. The quality of life as an indicator of ethno-social processes (on materials of Arctic Yakutia). *Sotsium i vlast* = Socium and power. 2015; 3(53):14-20. Available at: <http://siv74.ru/index.php/arkhiv-nomerov> (accessed 20.05.2018). (In Russ.)

24. Naberezhnaya A.N. Research of the impact of sociodemographic factors on living standard of the population in a region. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* = Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2017; 2(204):169-174. Available at: http://www.vcugjournal.ru/images/docs/2017/2/UG_2_2017.pdf (accessed 25.07.2018). (In Russ.)

Submitted 12.07.2018; accepted for publication 06.09.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Olga V. Gordyachkova, Senior Lecturer, Department of Economics and Finance, Ammosov North-Eastern Federal University (58 Belinskogo St., Yakutsk 677000, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-0906>, gordyachkova@rambler.ru

Tatiana I. Pechetova, 4-th year student, Department of Economics and Finance, Ammosov North-Eastern Federal University (58 Belinskogo St., Yakutsk 677000, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8599-3405>, tatyana_pechetova@mail.ru

Contribution of the authors:

Olga V. Gordyachkova – academic supervision; critical analysis and revision of the text of the article.

Tatiana I. Pechetova – collection, systematization and analysis of statistical data; writing the initial version of the text of the article.

For citation:

Gordyachkova O.V., Pechetova T.I. Quality of Life in the Republic of Sakha (Yakutia): Rating of the Municipal Districts. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):674-697. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.674-697>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Маркеры этничности в региональной идентичности республик России

М. В. Назукина

ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»

(г. Пермь, Россия),
nazukina@mail.ru

Введение. Этнический компонент является одним из важнейших оснований регионализации политического пространства и конструирования региона. Актуальность исследования связана с тем, что в практическом плане оно должно определить возможности и условия консолидации территориальных сообществ в рамках тех или иных идентификационных систем. Цель статьи – выделение маркеров присутствия этничности в идентичности республик Российской Федерации как показателя соотношения этнической и региональной идентичностей.

Материалы и методы. Источниками анализа послужили презентационные материалы и визитные карточки республик РФ, конституции и нормативные акты о региональной символической, языковой политике и программы, регулирующие межнациональные отношения, стратегии развития республик. Использовались дискурс-анализ и метод глубинных экспертных интервью.

Результаты исследования. Выявлены базовые идентификаты региона, в которые вписывается этничность. Доказано, что этничность может рассматриваться как ресурс развития территории в качестве уникальности регионального сообщества. Ресурс этничности связан с позиционированием на основе идеи, что статус республик как национально-территориальных единиц отличается от статуса других регионов и, как следствие, способен приносить некие преимущества.

Обсуждение и заключение. Этнический компонент является важным ресурсом позиционирования региональной уникальности сообщества, в том числе через культивирование идеи стабильности, многосоставности и мира в республиках. Выделенные маркеры могут быть использованы в качестве индикаторов присутствия этничности в региональной идентичности при проведении сравнительных исследований. Практический эффект связан с возможностями их использования при проведении политики идентичности в регионах и гармонизации множественных идентичностей.

Ключевые слова: республика, этничность, региональная идентичность, политика идентичности, региональный символ, языковая политика, позиционирование региона

© Назукина М. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics

M. V. Nazukina

Perm Federal Research Center,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia),

nazukina@mail.ru

Introduction. The ethnic component is one of the most important foundations for regionalization of the political space and construction of the region. The relevance of the study is due to the fact that it should determine the possibilities and conditions for consolidation of territorial communities within certain identification systems. The purpose of the research is to identify the markers showing the presence of ethnicity in the identity of the republics of the Russian Federation as an indicator of correlation between the ethnic and regional identities.

Materials and Methods. The study employed such sources of analysis as presentation materials and business cards of the republics of the Russian Federation, constitutions and regulations on regional symbols, language policies and programs managing interethnic relations as well as the development strategies of the republics. Discourse analysis and the method of in-depth expert interviews were also used.

Results. The study has revealed the basic identifiers of a region that comprise ethnicity. It has proved that ethnicity can be considered a resource for development of a territory as a unique feature of the regional community. The resource of ethnicity is associated with the positioning based on the idea that the status of the republics as ethno-territorial units differs from the status of other regions and therefore is capable of bringing certain benefits.

Discussion and Conclusion. The ethnic component is an important resource for positioning regional uniqueness of the community, including through cultivation of the idea of stability, diversity and peace in the republics. The identified markers can be used as indicators of the presence of ethnicity in the regional identity when conducting comparative studies. The practical effect is associated with the possibilities of using them when following the identity policy in the regions and that of harmonization of multiple identities.

Keywords: republic, ethnicity, regional identity, identity policy, regional symbol, language policy, positioning of a region

Введение. Региональная идентичность конструируется через символическое оформление целостности и одновременно отделения от других территорий в рамках дискурсивных социальных практик¹. Этнический компонент является одним из важнейших оснований регионализации политического пространства и конструирования региона. Это может отражаться в выраженности этнической идентификации в ряду прочих оснований идентичности у жителей, формировании устойчивого доминирующего регионального образа и его уникальности в рамках этнического

¹ Назукина М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: Гармония, 2018. 196 с.

компонента и др. Кроме того, этнические особенности могут сознательно акцентироваться в рамках политики идентичности, позиционирования и брендинга особенностей региона на базе этничности. Следовательно, этничность находит проявление (институционализируется) в региональной политической жизни, однако степень значимости этнической специфики может различаться для разных регионов.

Проблема взаимосвязи этнической и территориальной идентичностей имеет актуальное значение для гармонизации множественной идентичности и нейтрализации межэтнических конфликтов. Особо важна она для таких регионов, в которых этнические различия населения оказывают влияние на интерпретацию социальной реальности и приводят к формированию предпочтений для титульной этнической группы, проживающей на данной территории. Такого рода регионы являются этническими региональными автономиями (ЭРА), т. е. административно-территориальными единицами «первого субнационального (регионального) уровня, которые конституируются на этнической основе и в рамках приоритета национального государства обладают достаточно высокой степенью политического самоуправления»². В современном мире насчитывается 140 ЭРА³, из которых пятая часть приходится на Россию. Целью данной статьи является предложение определенного набора маркеров выраженности этнического компонента в региональной идентичности российских республик.

В настоящее время исследования региональной идентичности и политизации этничности сложились в отдельное направление [1], которое активно развивается при поддержке научного сообщества. Однако тематика комплексного анализа проявлений этничности в региональной идентичности недостаточно исследована в политической науке.

Актуальность проблемы видится в том, что исследования этничности ведутся в основном в плане анализа этнокультурных особенностей и межнациональных отношений в разных регионах, тогда как в стороне остается проблема комплексного анализа этничности как элемента политики идентичности, укореняющегося и становящегося неотъемлемой частью политического курса национальных республик РФ. Настоящий анализ подразумевает рассмотрение основополагающих аспектов включения этнического в политический курс, выделение индикаторов (маркеров) выраженности этничности в региональной идентичности.

² Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 10.

³ Атлас этнических региональных автономий. URL: http://identityworld.ru/shop/atlas_era (дата обращения: 05.06.2018).

Обзор литературы. В основу исследования положено конструктивистское понимание идентичности, фокусирующееся на «самости», которая формируется на основе чувства принадлежности к определенной группе («что есть мы?») и отделения этой группы от других групп («кто другие?») [2]. Среди работ, посвященных анализу различных аспектов практик создания и поддержания региональной идентичности, в том числе деятельности региональных акторов по ее изобретению, стоит особо выделить исследования М. Китинга [3], П. Бурдые [4], А. Пааси [5], А. Ачрайи [6], К. Твиггер-Росс [7] и других ученых. Известными российскими специалистами по проблематике региональной идентичности являются Р. Ф. Туровский⁴ [8], Л. В. Смирнягин⁵, Д. Н. Замятин⁶, Н. Ю. Замятина [9; 10], В. Л. Каганский⁷, М. П. Крылов⁸ [11], О. Б. Подвинцев⁹ и др.

Проявления этнического компонента в региональной идентичности обычно рассматриваются исследователями в рамках проблемы соотношения национально-гражданской, территориальной и этнической идентичностей в региональном пространстве (см., например, разработки Е. И. Долгаевой [12], Е. Г. Маклашовой [13]). В числе популярного направления стоит выделить исследование позиционирования республик на базе этничности¹⁰ [14]. В таких работах поднимаются важные проблемы имиджевой политики республик, направленной на создание регионального этнокультурного бренда.

Однако недостаточно исследованным является аспект взаимосвязи территориальной и этнической идентичности. Л. М. Дробужева, отмечая актуальность проблемы совместимости национально-государственной и этнической идентичности, в своих работах на основе анализа социоло-

⁴ Туровский Р. Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России. СПб., 2003. С. 139–173.

⁵ Смирнягин Л. В. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 35–48.

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003. 331 с.

⁷ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

⁸ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.

⁹ Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Региональная идентичность в Российской Федерации: преодолевая имперское наследие // Политическая идентичность и политика идентичности – «Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке» / отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 258–283.

¹⁰ Филиппов В. Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // Казанский федералист. 2002. № 1. URL: http://www.kazanfed.ru/dokladi/jornal/kazfed_1.pdf (дата обращения: 05.06.2018); Валуйев В. Н. Ресурсы этничности в позиционировании региона в мире: Республика Татарстан. URL: http://www.kazanfed.ru/papers/1/#_ftn3 (дата обращения: 05.06.2018).

гических данных доказывает, что они могут освещаться как в положительном ключе, становясь ресурсом развития, так и в негативной модели, разделяя сообщество через образ «врага» и порождая конфликты¹¹.

Вопрос о соотношении региональной и этнической идентичности рассматривает О. В. Цветкова. Автор отмечает, что в разграничении политического пространства России важное значение имеет этническая идентичность, так как многие субъекты РФ (особенно республики) устанавливают границы своего пространства по этническому принципу [15, с. 68]. Е. И. Филиппова, описывая связь между этничностью и территорией, отмечает, что для советской школы этнографии было принято выделять «этнические территории», которые привязывались за определенной этнической группой в силу «исторического права» последней. Это позволяет этнической группе считать данную землю «родной». Другой ракурс определения взаимосвязи характерен для французской традиции и связан с конструированием идентичности на основе историко-географических критериев. Именно территориальное оформление позволяет сохранять единство сообщества и непрерывность существования территории, на основе чего и создается культурная однородность¹².

Исследования этнической идентичности обычно фокусируются на принадлежности к этнической группе [16, с. 3]. Так, Л. М. Дробижева дает следующее определение этнической идентичности: это «не только осознание принадлежности к этнической группе, но и эмоционально окрашенный “образ мы” и этнические интересы, в соответствии с которыми осуществляется деятельность»¹³. Таким образом, как отмечает автор, сюда попадают не только представления о характерных чертах группы, но и представления о своем народе, его культуре, территории и т. д. По мнению В. А. Тишкова, этническая идентичность служит формой социальной организации. Центральным моментом порождения этничности, а значит и появления группы (а не просто описанного культурного комплекса), является, по его мнению, категория границы¹⁴. Здесь автор следует Ф. Барту, на взгляд которого, этническая общность как группа строится на одновременной ассоциации и диссоциации, зависит от поддержания границы. При этом граница – это символическая линия,

¹¹ Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 227.

¹² Филиппова Е. И. «Этническая» или «региональная» идентичность? (как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // Французские тетради: диалоги и переводы / отв. ред. Е. И. Филиппова. М., 2008.

¹³ Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2012. С. 130.

¹⁴ Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 115–117.

которая может быть аналитически установлена через определенный набор индикаторов этнической природы группы, на основе которых и происходит соотнесение индивида с ней. Таким образом, речь идет о социальных границах, которые могут иметь и территориальное проявление, например, в ситуации, когда группа занимает эксклюзивную территорию (как в случае с этническими автономиями). Однако взаимосвязь между территорией и этничностью может и не иметь такой корреляции, поскольку главное в сохранении идентичности лежит во взаимодействии с другими, что «выражает и подтверждает идентичности»¹⁵.

Таким образом, определение и уточнение характерных особенностей проявления этничности в региональной идентичности решает также и методологическую задачу по отработке методов исследования соотношения двух типов идентификационных систем (этнической и региональной).

Материалы и методы. Качественный анализ множественной идентичности проводился посредством дискурс-анализа. При обращении к дискурсу анализировались высказывания, обладающие определенной значимостью для конкретного сообщества, а также тексты, где содержащиеся установки позиционируются в дискурсивном поле. Это означало выделение ключевых «узловых точек», через которые этничность проявляется в региональной идентичности [17, с. 112]. Источниками анализа послужили презентационные материалы и визитные карточки республик России, конституции и нормативные акты о региональной символической, стратегии развития республик, законы о языковой политике, региональных праздничных датах и программы, регулирующие межнациональные отношения. Дополнительно использовался метод глубинных экспертных интервью.

Упор на качественные методы был сделан в силу того, что они ориентированы на достижение углубленного понимания социальных явлений: позволяют детально изучить объект в его целостности и непосредственной взаимосвязи с другими явлениями. Полевые исследования в республиках осуществлялись в течение 2015–2017 гг., в ходе которых были проведены экспертные интервью с представителями региональных элит (политики, журналисты, ученые, общественные деятели). В рамках интервью экспертам задавались вопросы об этнополитической ситуации в республике, проблемах и конфликтах в межнациональных отношениях, политизации этничности, языковой политике и распределению властных позиций в регионе, механизмах взаимодействия между органами публичной власти и этническими группами, проблеме представительства этнических групп в органах власти и другие¹⁶.

¹⁵ Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 17.

¹⁶ Работа велась в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00034). URL: http://identityworld.ru/index/atlas_era/0-4 (дата обращения: 05.06.2018).

В ходе беседы затрагивались вопросы об общей уникальности региона, исторических, социокультурных, экономических и прочих особенностях регионального социума. В этом контексте эксперты часто раскрывали характеристики черт регионального менталитета и характера, определяли, как этнический маркер влияет на политико-культурные особенности регионального сообщества, приводили примеры политизации этничности. Далее интервью анализировались на момент определения ключевых оценочных позиций относительно присутствия этнических маркеров в региональной идентичности. Суть данного подхода связана с выделением базовых дискурсивных тем, определяющих особенности республики, а также наличие темы этничности в них.

Результаты исследования. Поскольку главным признаком этнической группы является приписывание идентичности себе и другим, необходимо было определить, как классифицируются базовые этнические категории в качестве значимых для образования этнической группы. На основе этого можно говорить, что этнический компонент вписывается в территориальную идентичность через вкрапление в ее базовые идентификаты. Таковыми в большинстве случаев являются: название региона, символические атрибуты (герб, флаг, гимн), право на особый язык и его инкорпорирование в топонимику территории и названия государственных институтов, а также собственные пантеоны культурных героев, значимые региональные праздничные даты и элементы позиционирования места. Рассмотрим их более подробно.

Название или «имя» региона. Имя или наименование сообщества является основополагающим знаком, выделяющим группу среди прочих. Стратегией закрепления этнического в идентификации регионов стало требование включения в название автономии этнонима или самоназвания народа. Самой распространенной практикой формирования названий республик РФ является акцентирование этнонима группы (Республика Калмыкия, Ненецкий автономный округ и др.). Довольно часто в субъекте отражается специфика языка титульной этнической группы. Так, для многих российских автономий характерно нормативное закрепление двойных названий (Марийская Республика – Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика – Нохчийн Республика).

Иногда название региона является результатом политической или культурной борьбы: оно может приобретаться ввиду требования этнических элит в периоды подъема национальной самосознания. Волна переименований коснулась, к примеру, российские автономии в довоенное время и стала следствием стремления советских этнографов заменить «русские» обозначения на «исконные» названия народов. В качестве примера можно привести переименование Вотской области в Удмуртскую 1 января 1932 г. благодаря продвижению этой идеи

Вотским облисполкомом и деятельности местной национальной интеллигенции. Так было институционализировано название «удмурт» взамен прежней формы «вотьяк»¹⁷.

Стремление закрепить за собой монопольное право на использование этнонима в названии региона провоцирует символическую борьбу. В ситуациях, когда два и более субъекта высказывают претензии на право назваться одним именем, неизбежно возникают конфликты. В этом контексте показательной является недавняя история, отражающая претензии на закрепление за собой права на историческое наследие Алании в одноименном названии. Известный исследователь Северного Кавказа В. А. Шнирельман в главе «Быть аланами» рассматривает историю о самоназвании Северной Осетии и его пересмотре и отмечает, что дискуссия в среде интеллектуалов и конкуренция с соседями, актуализировалась в 1994 г. в ходе обсуждения проекта новой Конституции республики. В итоге в ноябре 1994 г. к названию республики официально было добавлено слово «Алания», что наделяло ее «древней государственной традицией и позволяло претендовать на обширные земли, включая Пригородный район»¹⁸. Атрибуты аланской истории тогда же и были закреплены в символике региона: на гербе Северной Осетии можно видеть аланского золотого барса на фоне серебряных гор. Казалось бы, формализован и закреpig за собой название «Алания», регион должен был институционализировать за собой и право на древнее имя. Однако этого не произошло: соседние субъекты (Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Южная Осетия) продолжают предъявлять претензии на имя «Алания».

Южная Осетия, будучи непризнанным государством, 9 апреля 2017 г. одновременно с президентскими выборами провела референдум о переименовании республики в Государство Алания. Жителям региона предлагалось ответить на вопрос: «Согласны ли Вы с внесением изменения в часть 1 статьи 1 Конституции Республики Южная Осетия, изложив ее в следующей редакции: “1. Республика Южная Осетия – Государство Алания – суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения народа Республики Южная Осетия. Названия Республика Южная Осетия и Государство Алания равнозначны”?»». По данным ЦИК республики, за переименование проголосовали 80 % избирателей¹⁹. Практически параллельно этому в марте 2017 г. на сайте Change.org была опубликована петиция «Съезду ингушского народа. Аланам: чеченцам, ингушам, карачаевцам, балкарцам» с требо-

¹⁷ Сухорукова О. А. Этническая история России. Учеб. пособие. Ч. I. М., 2015.

¹⁸ Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С. 274.

¹⁹ Битва за Магас. Осетины и ингуши борются за право называться аланами // Кавказский Узел. 14.04.2017. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/298633/> (дата обращения: 05.06.2018).

ванием «переименовать нынешнюю Республику Ингушетия в Республику Алания». В ответ во Владикавказе прошел митинг против того, чтобы Аланией называлась Ингушетия. Таким образом, конкуренцию за имя можно рассматривать как символическое проявление борьбы за историческое наследие, а также в контексте общей линии осетино-ингушского конфликта.

Символика, герои регионов и этничность. Этнический компонент инкорпорируется в символические атрибуты региона через их фиксацию в региональных гербах, флагах и гимнах. Тем самым этничность объективируется в визуальных метках особости, проявляясь материально.

В научной литературе существуют разные подходы к сущности этнической символики. С точки зрения Э. Смита, символы рассматриваются как ядро культуры народа, позволяющие сохранять и передавать свою особенность поколениям. Э. Хобсбаум рассматривает символику через понятие «изобретенная традиция». Под ней он понимает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение»²⁰. Среди символов национальной идентичности наибольшее значение отводится государственному флагу, гимну и гербу. С помощью них страна заявляет о себе и своей суверенности.

Ключевыми проявлениями этнического компонента в региональной символике становятся несколько закономерностей. Во-первых, визуальным «следом» можно считать присутствие языка титульной группы в символах, например, в написании девизов или названия на языке титульной группы. В символике российских республик довольно часто встречается название региона на языке титульной группы наряду с русским (башк. – Башкортостан, удм. – Удмурт Республика, адыг. – Адыгэ Республик и т. д.).

Во-вторых, присутствуют атрибуты исторической идентичности или этнические маркеры, отражающие традиционные орнаменты, героев, виды традиционной деятельности и пр. На государственном гербе Республики Бурятия, например, представлены цвета национального флага (синий, белый, желтый). В верхней части круга изображено золотое соембо – традиционный символ вечной жизни (солнце, луна, очаг). Нижнюю часть круга обрамляет голубая лента *хадак* – символ гостеприимства народа Бурятии, центральная часть которой является основанием герба²¹.

²⁰ The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge, 1983. P. 1.

²¹ Закон о государственном гербе Республики Бурятия от 20.04.1995 // Народный Хурал Республики Бурятия. URL: <http://new.hural-rb.ru/oRB/simvol/gerb> (дата обращения: 30.06.2018).

В-третьих, особое значение отводится гимну региона, который может исполняться на языке титульной группы или иметь многоязычную вариацию. Гимн Республики Тыва «Мен – тыва мен» («Я – тувинец»), принятый в 2011 г., отражает особенности регионального характера. Вот его первый куплет: «Одолев перевал священный, / Поднялся я, тувинец, / Обрел из жизни кочевой лучшую долю я, тувинец. / Я – тувинец, / Сын гор с вечными снегами, / Я – тувинка, / Дочь страны серебряных рек...». Здесь в песенной форме можно видеть, что «тувинцы воспринимают Тыву как центр мироздания, как большой отдельный мир, как целую планету»²².

В-четвертых, символика часто связывается с культурными героями территории. Например, на гербе Республики Башкортостан изображен памятник Салавату Юлаеву на фоне восходящего солнца и его лучей. Он вписан в круг и обрамлен национальным орнаментом. Ниже расположено соцветие курая – символ мужества народов²³. Региональная символическая политика связана с почитанием народных героев, представителей титульной группы²⁴.

Язык, религия титульной группы и этничность. Наравне с традиционными этническими символами, закрепленными в гимнах, флагах и гербах автономий, важными аспектами, специфицирующими различия территорий, являются религия и язык. Чаще всего именно два этих маркера, усиливая друг друга, определяют уникальность территории. Вместе с тем можно выделить ряд автономий, для которых сильнее оказывается только один из них. Так, для Чеченской Республики характерным идентификатором становится религиозный фактор – суннитский ислам. Образ мусульманского региона активно поддерживается и продвигается региональными элитами (в г. Грозном построена крупнейшая в Европе соборная мечеть им. Ахмата Кадырова «Сердце Чечни», а основные региональные праздники вписаны в религиозный календарь). Интересным примером значимости религии является Республика Калмыкия. Для калмыков важной специфицирующей особенностью является буддизм: Калмыкия – единственный регион в Европе, населенный буддистами.

²² Даргын-олл Ч. Песня «Мен – тыва мен». Найти все тувинское // Центр Азии. 16-22.08.2003. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/33/1708-pesnya-men-tiva-men.-naytivysetuvinskoe.html> (дата обращения: 05.06.2018).

²³ Государственные символы Республики Башкортостан // Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан. URL: [http://www.gsrb.ru/ru/symbols/](http://www.gsrb.ru/ru/symbols/http://www.gsrb.ru/ru/symbols/) (дата обращения: 05.06.2018).

²⁴ Наименованию часто подвергаются различные объекты социальной и коммерческой инфраструктуры: фирмы, школы, библиотеки, университеты и т. д. В 2015 г. Сыктывкарскому государственному университету было присвоено имя «великого сына народа» Питирима Сорокина. См.: Сыктывкарскому государственному университету присвоено имя Питирима Сорокина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.syktu.ru/news/13586/> (дата обращения: 05.06.2018).

Здесь живут 320 тыс. чел. – в основном это потомки золотоордынцев, которые решили не возвращаться на родину после отступления монгольских ханов из Руси²⁵; буддизм, а не язык, является доминирующим идентификатором этнической идентичности калмыков²⁶. К. Илюмжинов, будучи президентом республики, даже построил в Калмыкии самый крупный в Европе буддийский храм, а Далай-лама принимал участие в его освящении, тем самым закрепив за ним статус центра европейского буддизма²⁷. Родным калмыцким языком владеют менее 44 % калмыков, в общении доминирует русский язык. Калмыкия – русскоязычный регион. Это объединяющий, контрконфликтотенный фактор²⁸.

Во многих республиках активно поддерживаются традиционные верования коренных народов. Например, традиционной религией алтайцев считается шаманизм. В начале XX в. на Горном Алтае начала возникать новая религиозная идеология «белая вера» – бурханизм. В его основе лежали элементы исторических мифов алтайского народа. На основании изучения имеющихся исторических материалов ученые пришли к выводу, что «белая вера» – *ак дьанг* (*ак буркан жнг*) представляет собой религиозную систему, органично включающую в себя традиции центрально-азиатского буддизма, древнетюркские «тенгрианские» и шаманские обряды и культы²⁹. По мнению некоторых экспертов, «белая вера – фактор раздробления алтайцев»³⁰. В целом сосуществование различных религий оценивается позитивно: «стабильность удается сохранить за счет особых отношений, которые здесь сложились исторически. Пересеклись все три мировые религии, которые вынуждены были жить бок о бок, уживаться»³¹.

В большинстве случаев именно язык является маркером идентичности. Это справедливо по отношению к российским этническим регионам, для которых государственные языки титульных народов – это важные символы идентичности сообществ. В число значимых региональных праздников включены дни языков коренных народов республик (16 апреля – Всемирный день эрзянского и мокшанского языков, 25 апреля – День чеченского языка, 15 мая – День осетинского языка и литературы и т. д.).

²⁵ Калмыцкий царь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20060921/230028.html> (дата обращения: 05.06.2018).

²⁶ Полевые материалы автора. Республика Калмыкия, г. Элиста. 28.10.2015.

²⁷ Храм, который построил Илюмжинов [Электронный ресурс]. URL: <http://kirsan.today/novosti/item/248-khram-kotoryj-postroil-ilyumzhinov.html> (дата обращения: 05.06.2018).

²⁸ Полевые материалы автора. Республика Калмыкия, г. Элиста. 28.10.2015.

²⁹ Алженакова Л. «Белая вера» – ак дьанг, или Память о моих предках // Уймонские вести. 2014. 3 июля. URL: http://uimonvesti.ru/about/news_post/belaya-vera-ak-dang-ili-pamyat-o-moih-predkah (дата обращения: 02.02.2017).

³⁰ Полевые материалы автора. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 27.08.2015

³¹ Полевые материалы автора. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 26.08.2015.

Во всех российских республиках, за исключением Карелии³², язык (языки) титульной группы имеет государственный статус и используется наравне с русским. Изучение национального языка включается в образовательные программы. В одних регионах оно имеет обязательный характер, в других осуществляется факультативно.

Языковая политика часто становится точкой конфликта в республиках³³. В Татарстане изучение в школе в обязательном порядке всеми детьми татарского языка было негативно воспринято частью населения республики. В 2011 г. недовольство вылилось в акции протеста³⁴. Аналогичная ситуация складывается в Республике Коми: «во всех имеющих государственную аккредитацию общеобразовательных организациях изучение коми и русского языков как государственных языков Республики Коми является обязательным в соответствии с законодательством»³⁵. Данная политика также вызывает недовольство у многих жителей региона³⁶.

Требование обязательного знания родного для титульной группы языка рассматривается как необходимое условие сохранения региональной специфики и идентичности титульного этноса. Во многих республиках, где данная норма отсутствует, лидеры интеллигенции ратуют за ее установление. Так, идея об обязательном изучении бурятского языка была почти реализована, однако Депутаты Хурала Бурятии подавляющим большинством утвердили поправки в республиканский закон «Об образовании», которые не предусматривают формулировки об обязательном изучении бурятского языка в школах республики³⁷. По мнению экспертов, это было странным решением, если учесть, что подавляющее большинство депутатов – буряты³⁸.

На заседании Совета по делам национальностей при Президенте РФ летом 2017 г. В. В. Путин заявил о недопустимости принудительного изучения языков народов России³⁹, что означало пересмотр обязательного изучения языка в сторону факультативных практик. Соответственно, стоит ожидать усиления языковой политики в республике в большей степени как элемента брендовой атрибутики.

³² В соответствии с Конституцией Республики Карелия государственным в регионе является русский язык.

³³ Полевые материалы автора. Республика Татарстан, г. Казань. 28.09.2017.

³⁴ Языковые проблемы в Татарстане [Электронный ресурс]. URL: <http://zlobnoe.info/yazykovye-problemy-v-tatarstane/> (дата обращения: 04.06.2018).

³⁵ Закон Республики Коми «Об образовании» (в ред. Закона РК от 27.06.2013 № 69-ПЗ).

³⁶ Полевые материалы автора. Республика Коми, г. Сыктывкар. 16.11.2015.

³⁷ Изучение бурятского языка в Бурятии не будет обязательным [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infpol.ru/news/politics/58454-izuchenie-buryatskogo-yazyka-v-buryatii-nebudet-obyazatelnyy/> (дата обращения: 03.03.2017).

³⁸ Полевые материалы автора. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ. 24.11.2015.

³⁹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109> (режим доступа: 05.06.2018).

Топонимика территории, названия государственных институтов и этничность. Этничность может проявляться в институциональном дизайне, в том числе названиях политических институтов, существующих региональных политических партий и региональных национальных движений.

В России неоднократно поднимался вопрос об унификации названий парламентов российских регионов, но безрезультатно. На сегодняшний день в названиях законодательных органов республик больше всего «Государственных Собраний» и «Государственных Советов». Этнический компонент напрямую содержится в следующих названиях: Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея, Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай, Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан, Народный Хурал Республики Бурятия, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия, Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва.

Поскольку в России запрещено создание политических партий по национальному или религиозному признаку, этнические маркеры можно встретить в названиях общественных движений и культурных автономий ЭРА. Например, в Республике Алтай действуют два альтернативных и конфликтующих друг с другом курултая: официальный Курултай алтайского народа и «Алтай калыктын Курултайы» (название является переводом Курултая алтайского народа на алтайский язык (Парламент)⁴⁰). Наиболее влиятельным в Республике Коми является межрегиональное общественное движение «Коми войтыр», в Карачаево-Черкессии – Совет старейшин черкесского народа и молодежное «Адыгэ хасэ». Названий и примеров подобных организаций можно приводить еще много, для нас же важен, в первую очередь, именно факт присутствия в них этничности.

Топонимика является одним из факторов этнической памяти. Этничность впитывается в нее вместе с иными культурными кодами, маркирующими культурное пространство современного российского города (Парламент)⁴¹. Происходит это через использование языка в названиях, традиционных цветов и орнаментов.

История автономии и особая ментальность. Этничность проявляется в нарративах, например, историях ЭРА. При осмыслении особенности региональной общности, отличающей ее от других, присутствует этничность. Она воспринимается в качестве маркера общности среди членов сообщества в дискурсе ЭРА. Например, это культивируется через разнообразные своды моральных правил или кодексы чести народов. Горские

⁴⁰ Полевые материалы автора. Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. 26.08.2015.

⁴¹ Шабаев Ю. П., Жеребцов И. Л. Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар, 2013. С. 6.

народы Северного Кавказа культивируют в них такие ценности, как воинская честь, почитание старших и др. В основе духовно-нравственной культуры адыгов и кабардинцев лежит система моральных ценностей под общим названием Адыгэ хабзэ (Парламент)⁴². Считается, что исторически сложился чеченский «кодекс чести» «Къонахалла», описывающий качества и традиции чеченского народа. Эксперты отмечают особый культурный план автохтонного населения Северной Осетии, которое «более открытое и воспринимает другого хорошо»⁴³. Подобные же документы есть в Туве («Кодекс чести мужчины Тувы»⁴⁴, «Свод заповедей матерей Тувы»⁴⁵), в Якутии (Сизэр туома) и других регионах.

Этничность может присутствовать в *праздничных памятных исторических датах автономии*, например, обязательное наличие даты получения автономии в календаре важных дат сообщества (день республики). Этническая специфика акцентируется в законах, поздравительных дискурсах и речах по случаю этих дат.

Закон Республики Татарстан от 19 февраля 1992 г. № 1448-ХП «О праздничных днях и памятных датах Республики Татарстан» устанавливает следующие региональные праздники: День родного языка – 26 апреля, День Республики Татарстан – 30 августа, Курбан-байрам, День Конституции Республики Татарстан – 6 ноября, русский народный праздник «Каравон», татарский народный праздник «Сабантуй». Особо стоит отметить доминирование в календаре национальных и конфессиональных праздников. В последующих редакциях закона к региональным праздникам были добавлены Ураза-байрам и День официального принятия Ислама Волжской Булгарией – 21 мая⁴⁶. По подсчетам историков, именно 21 мая 922 г. в Волжскую Булгарию, находившуюся на территории среднего Поволжья, прибыло арабское посольство для закрепления статуса исламской страны⁴⁷.

Присутствие этнического дискурса в праздничном календаре может включать культивирование культурных героев, а также имиджевые успехи ЭРА. Очень показательно в этой связи установление Дня бабушки,

⁴² Адыгэ хабзэ (кабард.-черк.) – свод неписаных правил и законов, включает в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом.

⁴³ Полевые материалы автора. Республика Северная Осетия, г. Владикавказ. 29.09.2015.
⁴⁴ Кодекс чести мужчины Тувы // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/press/kodeks-chesti.php> (дата обращения: 05.06.2018).

⁴⁵ Свод заповедей матерей Тувы // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/press/svod-zapovedey.php> (дата обращения: 05.06.2018).

⁴⁶ Праздничные и памятные дни // Аппарат Президента Республики Татарстан. URL: <http://tatarstan.ru/about/holidays.htm> (дата обращения: 04.06.2017).

⁴⁷ День ислама: как на территории современной России появилась новая религия // АИФ. 2014. 21 мая. URL: <http://www.kazan.aif.ru/culture/1172913> (дата обращения: 04.06.2017).

который отмечается ежегодно 26 мая в Удмуртской Республике. Данный праздник создан в честь успеха «Бурановских бабушек» на конкурсе песни «Евровидение 2012» (коллектив занял 2 место на музыкальном конкурсе в мае 2012 г. в г. Баку). Согласно Указу Президента Республики Удмуртия, День бабушки в регионе установлен в целях сохранения семейных традиций, повышения социальной значимости старшего поколения»⁴⁸. В этом же ряду стоит учреждение 8 сентября 2016 г. Дня белых журавлей в Республике Дагестан – праздника в честь известного дагестанского поэта Расула Гамзатова и одновременно «памяти павших на полях сражений»⁴⁹.

Позиционирование республики на основе этничности. Этнический компонент становится важным основанием для конструирования уникальности региона и лежит в основе интересных имиджевых проектов. Исключением не является и оформление претензий на столицу на основе этнокультурной компоненты. Среди регионов России, в которых проживают финно-угорские народы, при создании позитивного имиджа территории этот факт в наибольшей степени используется в республиках и автономных округах. При этом тема столичности оказывается актуализированной в республиках Коми и Мордовии⁵⁰. Не смотря на то, что победу в негласном соревновании за право быть центром финно-угорского мира одержал, по мнению экспертов, Саранск, на политическом уровне используется этнический маркер в позиционировании Республики Коми («Центр финно-угорского движения», «здесь прошел первый конгресс»⁵¹).

Обсуждение и заключение. Этнические маркеры являются важными идентификатами, определяющими специфику республик. Во-первых, они фиксируют срез особенностей сообщества, который может быть описан в объективированных категориях, они более понятны людям и воспринимаются как «свои» в силу ощущаемого присутствия в региональной жизни. Маркеры этничности, таким образом, связаны с культурно-психологическим ядром ценностей регионального социума, определяют сложившиеся ментальные особенности, традиции и обычаи жителей. Во-вторых, этнические маркеры региональной идентичности могут

⁴⁸ Указ Президента УР № 139 от 25.07.2012 «О Дне бабушки» // Гарант – Законодательство. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/udmurtia/412641/#ixzz4htFaPdQF> (дата обращения: 05.06.2018).

⁴⁹ Указ Главы Республики Дагестан № 276 от 08.09.2016 «О Дне белых журавлей» // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441708883> (дата обращения: 05.06.2018).

⁵⁰ Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Столицы и границы финно-угорского мира современной России в имиджевой политике регионов // Тезисы Всероссийской научной конференции «Пространственное развитие России: проблемы, вызовы, стратегии». 11–12 октября 2012 г., Саранск. 2012. С. 277–284.

⁵¹ Полевые материалы автора. Республика Коми, г. Сыктывкар. 16.11.2015.

приносить символические дивиденды: привлекают туристов, помогают выстраивать межрегиональные связи, способны вписать регион в более широкий макрорегиональный субъект (финно-угорский мир, например).

На основе выделенных проявлений этничности (название региона, символические атрибуты (герб, флаг, гимн), право на особый язык и его инкорпорирование в топонимику территории и названия государственных институтов, а также собственные пантеоны культурных героев, значимые региональные праздничные даты и элементы позиционирования места) можно судить о степени выраженности этнического компонента во внутреннем региональном дискурсе и в практиках позиционирования региона. Это может послужить основой для поиска закономерностей в соотношении этнического и территориального оснований идентификации регионов.

Можно констатировать, что во всех республиках РФ титульный этнос и связанные с ним феномены становятся важнейшими атрибутами региональной идентичности. Однако их функциональная роль и вариации их трактовок отличаются. В некоторых республиках наблюдается тренд в сторону утилитарной инструментальности, который означает фокус в сторону лишь формального присутствия этничности в идентичности региона (например, Республика Карелия). В таком случае этнические особенности населения становятся одним из компонентов общей уникальности региона наряду с географией, историей, культурой и др. В этом смысле прослеживается зависимость от соотношения этнических групп в составе населения: чем выше доля титульного этноса, тем выше степень значения этнических маркеров идентичности республики.

Однако важно понимать, что этнические маркеры могут становиться и точкой конфликта, разделяющей региональное сообщество. Политизация языка и религии титульной группы является основополагающей темой идентификационных конфликтов в республиках РФ. Поэтому стоит особо отметить роль этнического компонента как важного ресурса позиционирования региональной уникальности сообщества, в том числе через культивирование идеи стабильности, многосоставности и мира в регионе. Основные смыслы, транслируемые сообществом, фиксируются в республиканских программах по гармонизации межнациональных отношений и направлены на расширение межнационального диалога, поддержание мира и укрепление национального единства. В этом курсе на грамотное управление «осознанием многообразия» лежит важное условие укрепления целостности страны и общероссийской гражданской идентичности.

Практическая значимость данного исследования связана с анализом особенностей управления межэтническими отношениями и проведением политики идентичности в территориальном разрезе. Материалы исследо-

вания могут быть использованы на уровне деятельности федеральных, региональных и местных органов власти при выработке управленческих решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9082677> (дата обращения: 08.06.2018).
2. Назукина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // *Регионология*. 2011. № 4. С. 12–18. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/809> (дата обращения: 08.06.2018).
3. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // *Логос*. 2002. № 6. С. 67–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27679628> (дата обращения: 08.06.2018).
4. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 45–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17958419> (дата обращения: 08.06.2018).
5. Paasi A. Region and place: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, issue 4. Pp. 475–485. DOI: <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>
6. Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order // *The Pacific Review*. 2005. Vol. 18, issue 1. Pp. 95–118. DOI: <https://doi.org/10.1080/09512740500047199>
7. Twigger-Ross C. L., Uzzell D. Place and identity processes // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. Vol. 16, issue 3. Pp. 205–220. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
8. Туровский Р. Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // *Логос*. 2005. № 2. С. 124–171. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/05.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).
9. Замятина Н. Ю. Города, районы и страны в политическом рельефе российских регионов // *Политические исследования*. 2006. № 2. С. 122–138. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.10>
10. Замятина Н. Ю. Стратегии создания образов субъектов Российской Федерации и региональная идеология («почвеннический» контекст) // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6. С. 94–108. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18489303/> (дата обращения: 08.06.2018).
11. Крылов М. П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // *Логос*. 2005. № 1. С. 275–289. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/11.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).
12. Долгаева Е. И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтничного региона // *Регио-*

нология. 2018. Т. 26. № 1. С. 123–140. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.102.026.201801.123-140>

13. Маклашова Е. Г., Астахова И. С. Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ // *Дискурс Пи*. 2014. № 2-3. С. 73–78. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=201&Itemid=75 (дата обращения: 08.06.2018).

14. Богатова О. А., Чиркова О. Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // *Регионология*. 2013. № 3. С. 68–75. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1145> (дата обращения: 05.06.2018).

15. Цветкова О. В. Региональная и этническая идентичность как фактор разграничения политического пространства // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 1. С. 68–73. URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_humanities_2017_001&year=2017 (дата обращения: 08.06.2018).

16. French S., Coleman B., DiLorenzo M. Linking racial identity, ethnic identity, and racial-ethnic socialization: A tale of three race-ethnicities // *Identity*. 2013. Vol. 13, issue 1. С. 1–45. DOI: <https://doi.org/10.1080/15283488.2012.747438>

17. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. Second Edition. London, New York, 2001. 198 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/200026738_Hegemony_and_Socialist_Strategy_Towards_A_Radical_Democratic_Politics (дата обращения: 08.06.2018).

Поступила 26.06.2018; принята к публикации 02.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторе:

Назукина Мария Викторовна, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а), доцент кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15), кандидат политических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0190-0513>, Researcher ID: L-8246-2016, nazukina@mail.ru

Для цитирования:

Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 4. С. 698–717. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Brubaker R., Cooper F. [Beyond “identity”]. *Ab imperio*. 2002; 3:61-115. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9082677> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
2. Nazukina M.V. Structural levels of regional identity in modern Russia. *Regionologiya = Regionology*. 2011; 4:12-18. Available at: <http://regionsar.ru/node/809> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
3. Keating M. [New regionalism in Western Europe]. *Logos = Logos*. 2002; 6:67-116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27679628> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
4. Bourdieu P. [Identity and representation: Elements for a critical reflection on the idea of region]. *Ab imperio*. 2002; 3:45-61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17958419> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
5. Paasi A. Region and place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*. 2003; 27(4):475-485. DOI: <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>
6. Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in South-east Asia’s regional order. *The Pacific Review*. 2005; 18(1):95-118. DOI: <https://doi.org/10.1080/09512740500047199>
7. Twigger-Ross C.L., Uzzell D. Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*. 1996; 16(3):205-220. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.1996.0017>
8. Turovsky R.F. [The burden of space as a political problem of Russia]. *Logos = Logos*. 2005; 2:124-171. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/05.pdf> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
9. Zamyatina N.Yu. Cities, areas and countries in the political relief of Russian regions (With the materials of RF subjects’ official sites used). *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2006; 2:122-138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.10>
10. Zamyatina N.Yu. [Strategies for creating images of the constituent entities of the Russian Federation and regional ideology (“nationalist” context)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost = Social Sciences and Contemporary World*. 2006; 6:94-108. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/18489303/> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
11. Krylov M.P. [Russia’s regional identity as the focus of the socio-cultural situation (the case study of European Russia)]. *Logos = Logos*. 2005; 1:275-289. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/11.pdf> (accessed 08.06.2018). (In Russ.)
12. Dolgaeva E.I. Interpretation of the factors of the all-Russian national and civil identity by the inhabitants of a multiethnic region. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26:123-140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.102.026.201801.123-140>
13. Maklashova E.G., Astakhova I.S. Ethnicity and identity: Features of formation in conditions of ethnic Russian republic. *Diskurs Pi = Discourse-P*. 2014; 2:73-78. Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=201&Itemid=75 (accessed 08.06.2018). (In Russ.)

14. Bogatova O.A., Chirkova O.N. Formation of the Republic of Mordovia ethno-cultural image in the regional branding. *Regionologiya = Regionology*. 2013; 3:68-75. Available at: <https://regionsar.ru/node/1145> (accessed 05.06.2018). (In Russ.)

15. Tsvetkova O.V. Regional and ethnic identity as a factor of differentiation of the political space. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*. 2017; 1:68-73. Available at: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_humanities_2017_001&year=2017 (accessed 08.06.2018). (In Russ.)

16. French S., Coleman B., DiLorenzo M. Linking racial identity, ethnic identity, and racial-ethnic socialization: A tale of three race-ethnicities. *Identity*; 2013; 13(1):1-45. DOI: <https://doi.org/10.1080/15283488.2012.747438>

17. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. Second Edition / E. Laclau, C. Mouffe. London, New York, 2001. 198 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/200026738_Hegemony_and_Socialist_Strategy_Towards_A_Radical_Democratic_Politics (accessed 08.06.2018).

Submitted 26.06.2018; accepted for publication 02.08.2018; published online 28.12.2018.

About the author:

Mariya V. Nazukina, Research Officer, Department for Research of Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (13a Lenin St., Perm 614990, Russia), Associate Professor, Department of Political Sciences, Perm State University (15 Bukirev St., Perm 614900, Russia), Ph. D. (Political Science), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0190-0513>, Researcher ID: L-8246-2016, nazukina@mail.ru

For citation:

Nazukina M.V. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia’s Republics. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26(4):698-717. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

**Агломерационные процессы на Европейском
Севере России: опыт Вологодской области****С. А. Кожевников***ФГБУН «Вологодский научный центр
Российской академии наук»
(г. Вологда, Россия),
kozhevnikov_sa@bk.ru*

Введение. Процессы урбанизации являются общемировой тенденцией и приводят к формированию и дальнейшему развитию агломераций как новых форм эффективной организации городских и сельских территорий, связанных друг с другом устойчивыми связями. Спецификой современного этапа является развитие агломерационных процессов на территориях, ядром которых выступают крупные и средние города. Однако особенности протекания интеграционных процессов в таких агломерациях изучены недостаточно, что обусловило актуальность представленной работы. Цель статьи – проанализировать особенности развития агломераций в регионах Европейского Севера России, ядром которых выступают крупные города, и обосновать комплекс мероприятий по управлению данными процессами.

Материалы и методы. Объектом исследования послужила формирующаяся моноцентрическая Вологодская агломерация. Для исследования особенностей, проблем и перспектив ее формирования были проведены анализ ключевых тенденций и закономерностей развития данных территорий, социологические исследования среди жителей и глав муниципалитетов относительно особенностей, проблем и перспектив формирования интеграционных связей.

Результаты исследования. Доказано, что Вологодская агломерация относится к категории моноцентрических, наименее развитых и формирующихся, однако она удовлетворяет всем критериям делимитации агломераций. Выявлено наличие тесных производственных, кооперационных, культурных, рекреационных и иных связей внутриагломерационных территорий. Подтверждена гипотеза, что сила агломерационных процессов напрямую зависит от размера ядра; крупные и средние города не имеют такого потенциала агломерирования, как города-миллионники. Обоснован комплекс мероприятий по управлению данными агломерационными процессами.

© Кожевников С. А., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Агломерационные процессы в Вологодской области хоть и объективны, но выявленные связи только развиваются. Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке стратегии и программы развития Вологодской агломерации.

Ключевые слова: город, городская агломерация, социально-экономическое развитие, местное самоуправление, муниципалитет, социологический опрос, Россия

**Agglomeration Processes in the European North
of Russia: Experience of the Vologda Region****S. A. Kozhevnikov***Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russia),
kozhevnikov_sa@bk.ru*

Introduction. The processes of urbanization are a global trend and lead to the formation and further development of agglomerations as new forms of effective organization of urban and rural areas connected with each other by long-standing links. The specifics of the modern stage are the development of agglomeration processes in the territories the cores of which are large and medium-sized cities. However, the features of the integration processes in such agglomerations have not been studied fully, which makes this study relevant. The purpose of the paper is to analyze the peculiarities of the development of agglomerations in the regions of the European North of Russia, the cores of which are large cities, and to make the case for a range of activities for managing these processes.

Materials and Methods. The object of the research was the emerging monocentric Vologda agglomeration. To study the features, problems and prospects of its formation, an analysis of key trends and patterns of the development of these territories was performed; sociological research was conducted among residents and the heads of municipalities regarding the features, problems and prospects for the formation of integration links.

Results. It has been proved that the Vologda agglomeration belongs to the category of monocentric, least developed and emerging ones, but it meets all the criteria for delimitation of agglomerations. The presence of close industrial, cooperative, cultural, recreational and other links of intra-agglomeration territories was revealed. The hypothesis has been confirmed that the strength of agglomeration processes directly depends on the size of the core; large and medium-sized cities do not have such agglomeration potential as million-plus cities. A range of activities for the management of these agglomeration processes has been substantiated.

Discussion and Conclusion. Although the agglomeration processes in the Vologda Region are objective, the identified links are still developing. Further research may focus on the development of the strategy and program for the development of the Vologda agglomeration.

Keywords: city, urban agglomeration, socio-economic development, local government, municipality, sociological survey, Russia

Введение. Одной из ключевых тенденций территориального развития и эволюции форм расселения в течение последних десятилетий является возникновение и дальнейшее развитие новых форм, сформировавшихся в процессе сближения и роста нескольких поселений (городских и сельских). Данные образования в научной литературе и практике называют агломерациями.

Особенностью агломерации считается влияние ядра и ее опорных территорий друг на друга на принципах взаимовыгодного сотрудничества и кооперации. Так, существующий потенциал ядра напрямую проецируется на близлежащие к нему поселения, а поселения обеспечивают крупный город различными ресурсами, что создает благоприятные условия для дальнейшего его устойчивого развития¹ [1–3].

Зарубежная практика свидетельствует о наличии значительных эффектов для территории от развития агломераций. Согласно результатам исследования Международной сети компаний PwC, проведенного в 2017 г., экономический рост в агломерациях происходит на 0,3 п. п. быстрее, чем в целом по стране. При этом в агломерациях доходы домохозяйств за период с 2001 по 2016 г. выросли на 4,7 тыс. долл. США больше, чем в среднем доходы домохозяйств по стране². Ядра в большинстве случаев показывали еще лучшую динамику, нежели агломерации в целом.

Агломерации более привлекательны для жителей, так как создают больше рабочих мест. Прирост населения в них происходит на 0,5 п. п. быстрее, чем в целом по странам. С точки зрения условий труда агломерации тоже более привлекательны, что выражается в более высоком приросте занятых на 1 000 чел. (больше на 20 занятых). Рынок труда здесь более сбалансирован.

К 2030 г. доля крупнейших агломераций в мировом ВВП, по прогнозным оценкам PwC, увеличится с 38 до 43 %. Среднегодовой темп роста будет на 1 п. п. опережать среднемировую (3,7 против 2,9 %)³.

Российская практика также свидетельствует о наличии конкурентных преимуществ данных территорий. В частности, Московская агломерация опережает Россию по 11 из 13 показателям (только агломерация г. Пекина имеет более высокие показатели – 12 из 13), в том числе:

¹ Волчкова И. В., Минаев Н. Н. Теория и практика управления развитием агломераций : моногр. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 234 с.; Волчкова И. В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России : моногр. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. 92 с.

² Эффект масштаба. Первый глобальный рейтинг агломераций [Электронный ресурс] // PwC Россия. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/agglomerations.html> (дата обращения: 29.03.2018).

³ Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 1: Работают ли городские активы на городское развитие? // Фонд «Институт экономики города». М., 2017. 13 с.

приросту ВВП (на 1,4 п. п.), населения (1,2 п. п.) и миграции (8 мигрантов на 1 тыс. чел.)⁴.

В связи с этим «создание благоприятных условий для развития городских агломераций и высокоурбанизированных территорий как полюсов ускоренного социально-экономического развития» закреплено в качестве одного из основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г.⁵ В 2018 г. планируется принятие Концепции Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г., где также значительная роль будет отведена городским агломерациям.

Важной остается проблема исследования предпосылок формирования агломераций, определение природы и силы связей данных территорий, ядром которых являются крупные (250–500 тыс. чел. населения) и большие (100–250 тыс. чел.) города, поскольку в данных образованиях происходят несколько иные интеграционные процессы, чем в крупнейших (свыше 500 тыс. чел.)⁶ городах и городах-миллионниках (свыше 1 млн чел.) [4; 5]. В научной литературе и на практике данная проблематика в настоящее время изучена неполно, что обуславливает актуальность данной статьи⁷.

Цель статьи – проанализировать особенности агломерационных процессов в регионах Европейского Севера России и обосновать комплекс мероприятий по управлению развитием городских агломераций, ядром которых являются крупные города.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие задачи: изучены теоретико-методологические аспекты функционирования и оценки уровня развития городских агломераций; проведено исследование агломерационных процессов, протекающих на Европейском Севере России и в Вологодской области; на основе анализа статистических данных, материалов социологических опросов были выявлены ключевые особенности интеграционных процессов, протекающих в Вологодской агломерации, и научно обоснован комплекс мероприятий по управлению развитием данными процессами.

Обзор литературы. Зарубежная и отечественная практики свидетельствуют о том, что активное взаимодействие городов с прилегающими территориями в радиусе 50–60 км, а также их организационная, эконо-

⁴ Эффект масштаба.

⁵ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70309020/> (дата обращения: 10.07.2018).

⁶ В соответствии с официальной классификацией, принятой в настоящее время в России. См.: СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений (утв. Приказом Минстроя России № 1034/пр от 30 декабря 2016 г.).

⁷ Елшина А. А. Городские агломерации: теоретические проблемы и анализ зарубежного опыта // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/56419> (дата обращения: 10.07.2018).

мическая и культурная интеграции обеспечивают значительный мультипликативный эффект для развития и самого города. Под воздействием эффекта масштаба формируется более крупный субъект экономических отношений (город и территории вокруг него), появляются новые рынки сбыта продукции хозяйствующих субъектов города, устанавливаются тесные кооперационные связи между предприятиями, позволяющие эффективно использовать трудовые, организационные, финансовые и иные ресурсы, повысить конкурентоспособность бизнеса на внешних рынках, увеличить налоговые и неналоговые поступления в городской бюджет. Также важный момент заключается в возможном проведении единой градостроительной политики, что позволит определить промышленные зоны, зоны рекреации, жилой застройки и сформировать тем самым заказ для предприятий города на участие в строительстве домов и соответствующей инфраструктуры (социальной, инженерной, транспортной) [6; 7].

Преимуществами формирования и развития агломераций для муниципальных органов власти становятся более эффективное решение всех вопросов и проблем местного значения за счет реализации совместных межмуниципальных проектов, объединения усилий, ресурсов, оптимизации бюджетных расходов; для населения – повышение благосостояния, качества и комфортности условий проживания на территории, снижение транспортных, коммуникационных барьеров.

Актуальность данной проблематики привела к возникновению и дальнейшему развитию в зарубежной и отечественной литературе целого пласта исследований. Так, в классических работах В. Кристаллера⁸, Т. Паландера и А. Леша⁹ поднимались и в дальнейшем развивались вопросы, связанные с исследованием проблем городов и городской сети. Наряду с ними исследование поселений, размещения промышленных объектов и градостроительства занимался У. Айзард¹⁰ и его последователи. В конце 1980-х гг. признанный теоретик международной торговли П. Кругман в своей книге «География и торговля» активно исследовал проблематику экономики агломераций¹¹.

При изучении вопросов развития «умных городов» важной научной задачей современного этапа является изучение вопросов объединения информационных технологий, институциональных форм, перераспре-

⁸ Christaller W. Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Jena : Gustav Fischer, 1933. 230 p.

⁹ Lösch A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. Jena : Gustav Fischer, 1940. 48 p.; Palander T. Beiträge zur Standorttheorie. Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1935. 419 p.

¹⁰ Isard W. Introduction to Regional Science. New York : Prentice Hall, 1975. 6 p.; Isard W. Location and Space-Economy: A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade and Urban Structure. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1956. 350 p.

¹¹ Krugman P. The Increasing Returns Revolution in Trade and Geography. Nobel Prize Lecture, Geography and Trade. Cambridge, Mass., MIT Press, 1991. Pp. 335–348. URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2008/krugman-lecture.html (дата обращения: 10.07.2018).

деление политической власти. Таким образом, в новой экономической географии и региональной экономике в настоящее время важное значение уделяется вопросам влияния агломераций и городов на социально-экономическое развитие территории.

В отечественной научной литературе (в частности, в исследованиях Г. М. Лаппо [8], А. М. Лола, У. А. Лола [9], Ю. Л. Пивоварова [10], А. Н. Шевцова [11; 12]) и нормативно-правовых актах сложилось множество определений феномена агломерации. Агломерацию (от лат. *agglomerato* – присоединяю) исследователи обычно рассматривают с точки зрения двух подходов:

– в географическом смысле: как тесное скопление или группу городов и иных населенных мест, которые объединены социальными, производственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями, инфраструктурой, общим использованием смежных территорий и ресурсов;

– в управленческом смысле: как структуру управления, созданную на основе добровольного решения соседних муниципальных образований для эффективного управления совместным развитием, реализации межмуниципальных программ.

Агломерация – это урбанизированная территория, представляющая собой систему расселения, состоящую из не входящего в состав другой агломерации города – центра агломерации с населением, как правило, от 100 и более тыс. чел. и внешней (пригородной) зоны с численностью городского поселения от 10 и более тыс. чел., границы которой определяются регулярными и интенсивными трудовыми, производственными, административно-деловыми, торгово-бытовыми, транспортно-логистическими, рекреационными и другими связями города-центра и населенных пунктов внешней зоны¹². На наш взгляд, этот подход достаточно эффективно и полно характеризует природу агломераций.

При этом фактические (не привязанные к административным) границы агломерации соответствуют изохроне 1,5–2,0 часовой транспортной доступности города-центра.

В настоящее время существуют различные подходы к построению типологии агломераций. Рассмотрим их более подробно.

С точки зрения величины ядра (характеризуется численностью населения города-центра) выделяют 4 типа агломераций. Г. М. Лаппо подразделяет их на:

- 1) крупнейшие – более 1 000 тыс. чел.;
- 2) крупные – 500–1000 тыс. чел.;
- 3) большие – 250–500 тыс. чел.;
- 4) средние – 100–250 тыс. чел. [7].

¹² Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект [Электронный ресурс]. URL: http://карьеры-евразии.pdf/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

Также проводится оценка развития агломераций по уровню сформированности и развитости ее внешней зоны. Для этого учеными Института географии РАН и ЦНИИП градостроительства был предложен и обоснован целый ряд показателей:

а) коэффициент агломеративности – отношение плотности сети городских поселений к среднему кратчайшему расстоянию между ними [5]. Этот показатель свидетельствует о наличии на территории агломерации скопления городских населенных пунктов, что ведет к появлению агломерационных эффектов;

б) индекс агломеративности – отношение численности городского населения внешней зоны к городскому населению всей агломерации (характеризует распределение населения внутри агломерации) [5];

в) коэффициент развитости агломерации (синтетический показатель, указывающий в целом на уровень развитости агломерации и распределение жителей по населенным пунктам внутри нее). Классы развитости агломерации по методике Института географии РАН определяют исходя из значения коэффициента: 1) более 50 – наиболее развитые; 2) от 10 до 50 – сильно развитые; 3) от 5 до 10 – развитые; 4) от 2,5 до 5 – слаборазвитые; 5) менее 2,5 – наименее развитые; 6) агломерации, не отвечающие ни одному из критериев, – потенциальные [13].

По количеству ядер агломерации выделяют моноцентрические (образованные вокруг одного крупного города) и полицентрические (имеющие несколько независимых городов-ядер).

Другой подход к определению границ агломераций предлагает Ю. Л. Пивоваров [10]. Он выделяет зоны влияния всех городов с населением свыше 50 тыс. чел. Для разграничения урбанизированных районов и зон был использован логико-картографический метод. Его основу составляет определение ареалов высокой урбанистической концентрации населения путем нанесения на карту зон влияния (транспортной доступности) городов с населением свыше 50 тыс. жителей. Метод определения зон влияния города (предложен В. А. Шулером) основан на использовании потенциала поля расселения. Величина радиуса зоны влияния рассчитана по формуле, которая установлена эмпирическим путем:

$$R = \sqrt[3]{\frac{H}{4}}, \quad (1)$$

где R – зона влияния города, км; H – численность населения города, чел. [10].

Научный и практический интерес вызывают вопросы, связанные с исследованием проблематики развития городских агломераций, ядром которых являются средние и крупные города. Зарубежная практика сви-

детельствует о том, что данные образования могут играть значительную роль в социально-экономическом развитии территории [14; 15]. Например, во Франции агломерации создаются небольшими городами (с численностью проживающего в них населения в 100 тыс. чел.) для обеспечения комплексного развития их пригородных территорий, активизации строительства, создания новых рабочих мест и повышения качества жизни населения [16]. Аналогичным примером может быть и опыт Канады.

Как отмечают некоторые исследователи, агломерационные процессы могут происходить и на территориях, где численность города-ядра составляет 50 тыс. чел. В частности, использование такого индикатора лютности можно встретить в работах Ю. Л. Пивоварова [10] и П. М. Поляна¹³.

В 1970-х гг. в СССР развивалась идея создания так называемых групповых систем населенных мест, которая основывалась на агломерационных эффектах средних городов¹⁴.

Несмотря на обозначенные исследования, в настоящее время в экономической науке недостаточно полно изучена природа и особенности агломерационных процессов, где ядром являются средние и крупные города (50–300 тыс. чел.), и управление развитием таких агломераций. Исследованию этих вопросов и посвящена данная работа.

Материалы и методы. По состоянию на 2016 г. в России насчитывалось 177 городов в составе крупных городских агломераций (20 агломераций), где проживали 49 млн чел., или 34 % населения страны, и производилось около 40 % ВВП России (33 трлн руб.).

В пятерку крупнейших городских агломераций с годовым валовым городским продуктом более 1 трлн руб. входят:

- 1) Московская (16,50 трлн руб.);
- 2) Санкт-Петербургская (4,20 трлн руб.);
- 3) Нижегородская (1,12 трлн руб.);
- 4) Екатеринбургская (1,12 трлн руб.);
- 5) Самарско-Тольяттинская (1,07 трлн руб.)¹⁵.

Трансформационные процессы, связанные с формированием и развитием городских агломераций, наблюдаются в настоящее время и на Европейском Севере России. Здесь создается сеть городов, которые выступают своего рода опорными каркасами для развития сопредельных с ними территорий, концентрируя в себе значительный производствен-

¹³ Поляна П. М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М., 2014. 788 с.

¹⁴ Смирнов И. П. Средние города Центральной России: особенности развития и роль в организации территории: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Тверь, 2016. 201 с.

¹⁵ Экономика российских городов и городских агломераций.

ный, финансовый, кадровый и иной потенциал. На территории региона в настоящее время выделяют 9 формирующихся городских агломераций: Архангельскую, Вологодскую, Воркутинскую, Котласскую, Мурманскую, Петрозаводскую, Сыктывкарскую, Ухтинскую, Череповецкую.

Весьма значительный практический интерес вызывает исследование агломерационных процессов в Вологодской области. Регион выступает «плацдармом» в развитии Европейского Севера России, поскольку является субъектом, интегрирующим данные территории по линии «Север – Юг».

Изучение тенденций трансформации пространства в области свидетельствует о том, что агломерационные процессы в регионе в настоящее время активизируются. Однако между учеными и практиками все еще не утихают дискуссии относительно субъектного состава этих агломераций. Какова же конфигурация формирующейся агломерации? Можно выделить две принципиально различающиеся точки зрения.

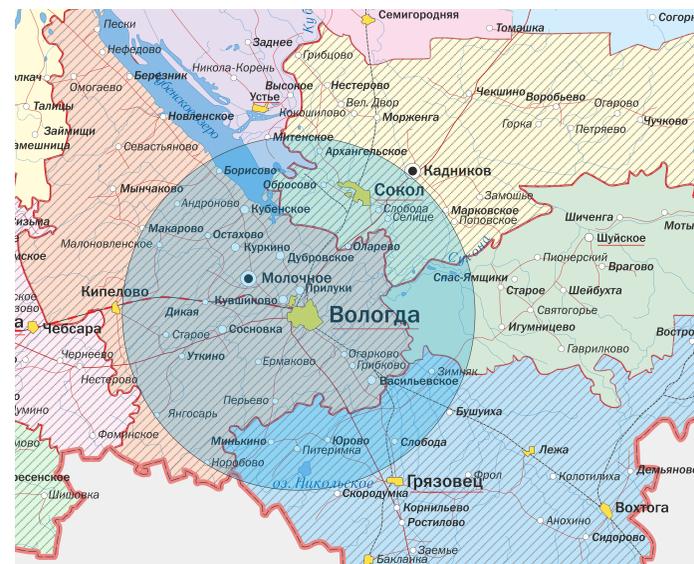
1. Вологодско-Череповецкая агломерация (полицентрическая) (ядро: г. Вологда и г. Череповец; агломерационная зона: Вологодский, Грязовецкий, Сокольский, Череповецкий, Шекснинский, Кадуйский районы) (рис. 1)¹⁶.

Р и с. 1. Вологодско-Череповецкая агломерация (полицентрическая)
F i g. 1. The Vologda-Cherepovets agglomeration (a polycentric agglomeration)

2. Вологодская (моноцентрическая) (ядро: г. Вологда; агломерационная зона: Вологодский, Грязовецкий, Сокольский районы) и Череповецкая (моноцентрическая) агломерации (ядро: г. Череповец; агломерационная зона: Череповецкий, Шекснинский и Кадуйский районы) (рис. 2).

¹⁶ На рисунках 1 и 2 кругами обозначена зона непосредственного влияния крупного города, рассчитанная по формуле 1.

Р и с. 2. Вологодская агломерация (моноцентрическая)
F i g. 2. The Vologda agglomeration (a monocentric agglomeration)

Анализ научной литературы, нормативно-правовых документов, а также проведенное нами исследование свидетельствуют о формировании на территории области 2 самостоятельных моноцентрических агломераций: Вологодской и Череповецкой [9; 17].

Так, известный российский ученый-урбанист А. Лола выделяет на территории России 146 агломераций, в том числе Вологодскую и Череповецкую¹⁷.

В проекте Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанном Министерством экономического развития Российской Федерации в 2016 г., на территории Вологодской области выделено 2 агломерации: Вологодская и Череповецкая.

В Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 г. (утв. Постановлением Правительства Вологодской области от 17.10.2016 г. № 920) одной из задач в рамках реализации приоритета «формирование пространства эффективности» является формирование двух «трехъярусных» агломераций: Вологодской (Вологда, Сокол, Грязовец) и Череповецкой (Череповец, Шексна, Кадуй).

¹⁷ Лола А. М. Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 292 с.

При этом следует отметить, что в своих исследованиях Н. В. Зубаревич [1] и С. С. Артоболевский [3] критически относились к идее регионального правительства середины 2000-х гг. относительно поддержки развития Вологодско-Череповецкой агломерации. Они считали, что для этого не существует объективно протекающих агломерационных процессов на данных территориях и два ядра не имеют устойчивых связей друг с другом.

Для исследования степени развития данных связей используем существующий в науке методический инструментарий оценки агломерационных процессов. Так, в настоящее время в отечественной научной литературе (в частности в исследованиях сотрудников Института географии РАН, Центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству Российской академии архитектуры и строительных наук и др.) были разработаны методические подходы и критерии выделения границ городских агломераций и оценки их развитости. Они были использованы для оценки Вологодской агломерации (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Соответствие Вологодской агломерации критериям, предъявляемым к агломерациям в ряде методик

Table 1. Compliance of the Vologda agglomeration with the criteria for agglomerations adopted by a number of methods

Критерии / Criteria	Методика ИГРАН / The method adopted by Institute of Geography, Russian Academy of Sciences	Методика ЦНИИП-град / The method adopted by Central Research and Design Institute for Urban Planning	Унифицированная методика / The unified method	Вологодская агломерация / The Vologda agglomeration
1	2	3	4	5
1. Численность населения ядра / Core population	Не менее 250 тыс. чел. / At least 250 thousand people	Не менее 100 тыс. чел. / At least 100 thousand people	Не менее 250 тыс. чел. / At least 250 thousand people	320,7 тыс. чел. / 320.7 thousand people
2. Временная доступность от окраин до центра (с учетом средней скорости в 60 км/ч) / Temporal accessibility from the outskirts to the center (taking into account the average speed of 60 km/h)	Не более 1,5 ч / No more than 1.5 hours	Не более 2 ч / No more than 2 hours	Не более 1,5 ч / No more than 1.5 hours	2 ч (Биряковское поселение Сокольского р-на – 121 км) / 2 hours (Biryakovo settlement of the Sokolsky district, 121 km)

Окончание табл. 1. / End of table 1

1	2	3	4	5
3. Количество городских населенных пунктов агломерационной зоны / Number of urban settlements of the agglomeration zone	Не менее 5 / At least 5	Не менее 3 / At least 3	Не менее 4 / At least 4	4 единицы (г. Грязовец, пгт Вохтога, г. Сокол, г. Кадников) / 4 units (the towns of Gryazovets, Sokol and Kadnikov, the urban-type settlement of Vokhtoga)
4. Численность населения городов-спутников / Population of satellite cities	Не менее 50 тыс. чел. / At least 50 thousand people	–	–	56,7 тыс. чел. / 56.7 thousand people
5. Доля населения городских населенных пунктов агломерационной зоны в общей численности городского населения / The share of the population of urban settlements of the agglomeration zone in the total urban population	–	Не менее 10 % / At least 10 %	–	16,3 %
6. Коэффициент развитости агломерации (агломеративности) / Coefficient of development of the agglomeration	Не менее 1 / At least 1	Не менее 0,1 / At least 0.1	Не менее 1 / At least 1	1,5 (тип: наименее развитые агломерации) / 1.5 (type: least developed agglomerations)

Для объективного исследования особенностей, проблем и перспектив формирования Вологодской агломерации целесообразным видится анализ ключевых долгосрочных тенденций социально-экономического развития территорий, выявление общих закономерностей развития данных муниципальных образований. Анализ условий и возможностей формирования Вологодской агломерации должен предполагать исследование не только материалов официальной статистики, но и активное использование при этом эмпирических данных, полученных в ходе социологических опросов. В связи с этим в октябре 2017 г. были проведены социологические исследования (опросы) среди жителей г. Вологды и муниципальных

образований, входящих в состав формируемой Вологодской агломерации (Вологодского, Грязовецкого, Сокольского районов), глав данных муниципалитетов относительно особенностей, проблем и перспектив формирования интеграционных связей.

Объем выборочной совокупности при проведении опроса составил 300 чел. в возрасте 18 лет и старше (по 100 чел. в каждом районе). Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, половозрастной структуры взрослого населения районов.

При проведении опроса жителей г. Вологды объем генеральной совокупности составлял 248 929 чел. Объем выборки – 800 чел. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения г. Вологды (согласно половозрастным показателям статистических сборников). Ошибка выборки по опросу не превышает 4 %.

При проведении опросов глав муниципальных образований анкеты были разосланы главам г. Вологды, Вологодского, Грязовецкого, Сокольского районов, а также главам всех поселений, входящих в данные районы (всего 33 респондента). Аналогичная анкета была разослана также и во все остальные муниципальные образования Вологодской области. Число полученных и заполненных анкет позволяет обеспечить ошибку выборки не более 4–5 %. Главы давали оценки ситуации по итогам прошедшего календарного года (2016 г.). Результаты представлены в процентах от числа ответивших на тот или иной вопрос респондентов.

Результаты исследования. Результаты проведенного нами анализа и расчетов по данному инструментарию свидетельствуют о том, что в настоящее время наблюдается формирование агломерационных связей между г. Вологодой и Вологодским, Грязовецким, Сокольским районами (табл. 1).

Таким образом, проведенные расчеты свидетельствуют, что Вологодская агломерация относится к категории моноцентрических, наименее развитых и формирующихся, однако она удовлетворяет всем обозначенным выше критериям выделения и делимитации агломераций, что фактически свидетельствует о наличии агломерационных эффектов на рассматриваемых территориях.

Агломерационные процессы проявляются также в концентрации населения, производства и экономической активности на данных территориях. Полученные данные свидетельствуют о продолжающейся концентрации населения и производства в двух агломерациях Вологодской области, формирующихся вокруг двух крупных городов – Вологды и Череповца. Так, по итогам 2016 г. в муниципалитетах агломераций проживали 72,9 % населения области, размещалось 96,1 % основных производственных фондов, производилось 93,4 % промышленной и 65,9 % сельскохозяйственной продукции; на них же приходилось 92,5 % объема инвестиций в основной

капитал и 78,8 % оборота розничной торговли. При этом Вологодская агломерация больше специализируется на сельском хозяйстве и торговле, Череповецкая – на промышленном производстве (она же является стабильным лидером по объему привлеченных инвестиций) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Доля территорий Вологодской агломерации в общеобластных значениях ключевых социально-экономических показателей (2002–2016 гг.), %¹⁸

T a b l e 2. The share of the territories of the Vologda agglomeration in the regional values of key socio-economic indicators (2002–2016), %

Показатель / Indicator	2000	2005	2008	2010	2013	2014	2015	2016	2016 г. к 2000 г., +/- / 2016 to 2000, +/-
Численность постоянного сельского населения / Permanent rural population	18,9	19,4	19,1	20,6	21,5	21,5	21,7	21,8	+2,9
Объем промышленной продукции / Volume of industrial output	10,5	11,4	11,2	10,5	11,4	13,6	14,5	14,1	+3,5
Посевная площадь сельскохозяйственных культур / Area sown with crops	24,9	30,5	31,9	33,2	34,0	33,9	35,1	34,4	+9,5
Поголовье крупного рогатого скота / Number of cattle	29,8	36,6	39,7	40,9	41,7	43,2	43,0	42,7	+12,9
Производство мяса / Production of meat	24,8	29,4	31,6	34,6	29,7	27,9	30,1	30,1	+5,3
Туристический поток / Flow of tourists	н/д / n.a.	н/д / n.a.	24,8	24,9	33,2	35,4	33,2	34,9	+10,1 ¹⁹

Одним из фактов, свидетельствующих о наличии агломерационных связей между исследуемыми районами и областным центром, является активное перемещение населения в данных направлениях. Так, согласно опросам, проведенным ФГБУН ВолНИЦ РАН, ежедневно областной центр посещают 31,6 % жителей Вологодского и 10,2 % – Сокольского районов, а один раз в неделю – 22,4 и 13,3 % жителей соответственно. К числу ключевых целей данных поездок относятся закупка в городе продукции для личного потребления (в среднем по районам – 57,3 %),

¹⁸ Составлено по: База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 10.07.2018 г.)

¹⁹ Данные за 2016 г. относительно 2008 г.

посещение родственников (30,0), культурных и спортивных мероприятий (24,0 %). Каждый четвертый житель Вологодского района имеет в областном центре постоянную работу (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Цели посещения г. Вологды жителями районов, % от числа ответивших

T a b l e 3. Reasons for visiting the city of Vologda by the people living in the districts of the Vologda Region, % of the number of respondents

Цель / Purpose	Вологодский район / Vologodsky district	Грязовецкий район / Gryazovetsky district	Сокольский район / Sokolsky district	Среднее по районам / Average for the districts
Осуществляю закупку продукции для личного потребления / I purchase products for personal consumption	65,0	59,0	48,0	57,3
Навещаю родственников, знакомых / I visit relatives, acquaintances	44,0	13,0	33,0	30,0
Посещаю культурные, спортивные мероприятия / I attend cultural, sports events	29,0	21,0	21,0	23,7
Имею здесь постоянную работу / I have a permanent job here	25,0	4,0	4,0	11,0
Посещаю санатории, базы отдыха, туробъекты / I visit health resorts, recreation centers, tourist facilities	7,0	8,0	17,0	10,7
Имею свою дачу, земельный участок, загородный дом, квартиру / I have my own summer cottage, a plot of land, a country house, an apartment	9,0	2,0	2,0	4,3

На наличие связей с районами указывают и жители областного центра. Наиболее тесное взаимодействие Вологды осуществляется с Вологодским районом: в среднем по городу 42 % ответивших имеют здесь дачу, земельный участок, загородный дом; каждый третий житель навещает родственников, около 30 % – направляются туда на рыбалку, охоту и сбор ягод. Каждый пятый житель работает в организациях Вологодского района. Среди целей визита Грязовецкого и Сокольского районов преобладают досуговые мероприятия (рыбалка, охота и т. п.), а также посещение родственников.

Наблюдается желание людей к смене места постоянного жительства в пределах Вологодской агломерации. Так, более низкое качество жизни в районах ведет к тому, что значительная часть населения хочет переехать в областной центр (в Сокольском районе – 22 % опрошенных, в Вологодском районе – 20 %). Основными причинами смены места жительства являются трудоустройство в городе на новую, более высокооплачиваемую работу (100 % ответивших в Сокольском и Грязовецком районах) и повышение доступности получения и качества социальных и бытовых услуг (в Сокольском и Грязовецком районах – 100 %, в Вологодском – 25 %). Для жителей Сокольского района характерно стремление к переезду в связи с желанием улучшить качество жилищных условий (100 % ответивших).

О наличии достаточно развитых связей между территориями Вологодской агломерации свидетельствуют данные проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН опросов глав этих муниципальных образований. Следует отметить, что в среднем доля глав, которые указывают на какие-либо формы межмуниципальных связей, по агломерации больше, чем в среднем по области. При этом взаимодействие данных территорий происходит в формах маятниковой миграции (47,8 %), производственно-экономических связей между предприятиями, организациями из соседних муниципалитетов (34,8), заключенных соглашений с органами местного самоуправления (30,4), организации совместного обслуживания и развития инфраструктуры (17,4 %) и др.

Таким образом, проведенный анализ показал наличие и дальнейшее развитие тесных производственных, кооперационных, культурных, рекреационных и иных связей рассматриваемых территорий в пределах агломерации. Вместе с тем следует отметить, что выявленные здесь связи только развиваются, несмотря на объективные агломерационные процессы. На основе проведенного анализа была доказана гипотеза относительно того, что сила агломерационных процессов напрямую зависит от размера ядра. Крупные и средние города не имеют такого потенциала, как города-миллионники. В связи с этим особенно актуальной будет государственная поддержка развития агломерационных процессов и формирование соответствующей системы управления ими.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного комплексного анализа свидетельствуют о том, что в настоящее время формирующаяся Вологодская агломерация обладает целым рядом сильных сторон, которые будут способствовать ее развитию в средне- и долгосрочной перспективе.

В первую очередь, к их числу можно отнести ее выгодное экономико-географическое положение (расположение на Северо-Западе России на пересечении важнейших транспортных коммуникаций). Вологда, выступающая ядром агломерации, является довольно развитым транспортным узлом и имеет целый ряд предпосылок для превращения

в один из крупнейших на Европейском Севере России логистических центров, который будет заниматься обслуживанием производственных потребностей не только субъектов данного региона, но и Арктической зоны России (табл. 4).

В пределах агломерации сконцентрировалась и активная культурная жизнь области. Этому в значительной мере способствовал статус г. Вологды как административного центра Вологодской области, культурной столицы Русского Севера, «столицы» российского кружева, масла, льна. Данное обстоятельство ведет к росту туристического потока данных территорий.

Мультипликативный эффект на развитие территорий агломерации будет оказывать и относительно диверсифицированная структура экономики города (довольно развита в городе промышленность, строительство, транспорт, туризм и др.). Происходит формирование и дальнейшее развитие на территории различных кластеров (молочного, туристического, деревянного домостроения, IT-кластера).

В г. Вологде имеется достаточно развитая сеть образовательных, научных учреждений и инновационной инфраструктуры. Эти обстоятельства становятся одним из ключевых факторов дальнейшего развития человеческого и социального капитала данных территорий.

Несмотря на преимущества, имеются и слабые стороны развития Вологодской агломерации. В частности, для экономики районов агломерации характерна слабая диверсифицированность, обострившаяся, в том числе, ввиду общего снижения инвестиционной активности на данных территориях²⁰.

Наряду с этим назрела необходимость осознания и взаимоувязки интересов основных стейкхолдеров агломерирования, налаживания полноценного межмуниципального взаимодействия, которое пока находится на стадии формирования. Развитие данного взаимодействия требует также формирования единого взаимоувязанного проекта развития Вологды и прилегающих к ней районов.

Дальнейшему развитию Вологодской агломерации способствует целый ряд факторов внешней природы. Так, в настоящее время вектор в сторону создания и развития крупных городских агломераций признается приоритетным на высших эшелонах власти; происходит формирование нормативно-правового обеспечения функционирования агломерации на территории страны. Ввиду этого перспективным видится участие Вологодской агломерации в федеральных и региональных программах, привлечение финансирования для реализации приоритетных муниципальных проектов.

²⁰ Лейзерович Е. Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.

Т а б л и ц а 4. SWOT-анализ создания и развития Вологодской агломерации
T a b l e 4. SWOT analysis of the creation and development of the Vologda agglomeration

Сильные стороны / Strengths	Слабые стороны / Weaknesses
<ul style="list-style-type: none"> – выгодное экономико-географическое положение / favorable economic and geographical position; – статус города Вологды как административного центра области, культурной столицы Русского Севера, «столицы» российского кружева, масла, льна / the status of the city of Vologda as the administrative center of the Region, the cultural capital of the Russian North, the “capital” of Russian lace, butter, flax; – относительно диверсифицированная структура экономики города / relatively diversified structure of the city’s economy; – сложившиеся активные городские сообщества, высокий уровень развития человеческого капитала / existing active urban communities, a high level of human capital development 	<ul style="list-style-type: none"> – слабая диверсифицированность экономики районов агломерации / weak diversification of the economies of the agglomeration’s districts; – раздробленные стейкхолдеры агломерирования / scattered agglomeration stakeholders; – отсутствие полноценного межмуниципального взаимодействия / lack of full-fledged inter-municipal interaction; – отсутствие единого взаимоувязанного проекта развития Вологды и прилегающих к нему районов / lack of a unified interconnected project for the development of Vologda and the adjacent areas
Возможности / Opportunities	Угрозы / Threats
<ul style="list-style-type: none"> – формирование нормативно-правового обеспечения функционирования агломерации на территории страны / formation of regulatory and legal support for the functioning of the agglomeration in the country; – капитализация существующих брендов территории / capitalization of the existing brands of the territory; – повышение разнообразия предложения товаров и услуг для населения на основе использования эффекта агломерирования / increase in the diversity of supply of goods and services for the population based on the use of the agglomeration effect; – участие в федеральных и региональных программах и проектах по развитию агломерации / participation in federal and regional agglomeration development programs and projects 	<ul style="list-style-type: none"> – зависимость направлений и размера финансового, инвестиционного потока от решений вышестоящих уровней власти / dependence of the directions and size of financial, investment flow on decisions of higher levels of power; – рост цены земли, аренды производственных и жилых помещений, стоимости рабочей силы / increase in the price of land, the rental of industrial and residential premises, the cost of labor; – повышение значения роли агломераций-конкурентов (Череповецкой) / increase in the importance of the competitor agglomerations (the Cherepovets agglomeration); – перегруженность транспортной системы, повышение антропогенного воздействия на окружающую среду / overloading of the transport system, increased human impact on the environment

Одной из ключевых возможностей развития Вологодской агломерации является дальнейшая капитализация существующих брендов территории; повышение разнообразия предложения товаров и услуг для населения на основе использования эффекта агломерирования (прежде всего для жителей районов).

Важнейшей научной и практической задачей при этом становится формирование системы управления данными процессами, разработка Стратегии развития Вологодской агломерации, а также привлечение финансирования на реализацию проектов и мероприятий по дальнейшему ее развитию [18–20]. Проведенный анализ показал, что в настоящее время имеются определенные возможности участия Вологодской агломерации в федеральных и региональных программах и проектах (федеральный проект «Безопасные и качественные дороги», региональный проект «Агломерации Вологодчины», возможная в будущем специальная федеральная программа/подпрограмма «Развитие городских агломераций в РФ»)²¹.

Соответственно, для начала целенаправленного управления процессами формирования и развития Вологодской агломерации целесообразно реализовать следующие мероприятия:

1) подписать Соглашение о намерении создания Вологодской агломерации;

2) подписать Соглашение о создании и совместном развитии Вологодской агломерации между муниципалитетами, входящими в агломерацию;

3) сформировать Координационный совет по развитию Вологодской агломерации;

4) разработать совместные агломерационные, межмуниципальные проекты, которые в дальнейшем могут быть заявлены в федеральные или региональные проекты по развитию агломераций.

Наиболее приоритетными направлениями для данных проектов могут быть:

- проведение единой градостроительной политики, согласованное развитие транспортной инфраструктуры в муниципалитетах агломерации;
- торговля и формирование единого рынка сбыта продукции;
- развитие культуры, туризма и рекреации;
- совместное использование и развитие коммунальной инфраструктуры на территории агломерации, в том числе путем учреждения межмуниципальных организаций;
- создание транспортно-логистического узла на территории агломерации;

²¹ Официальный сайт Приоритетного проекта Министерства транспорта Российской Федерации «Безопасные и качественные дороги» [Электронный ресурс]. URL: <http://bkd.gosdornii.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).

– обмен опытом по решению вопросов и проблем местного значения и др.

Реализация этих направлений на практике создаст благоприятные предпосылки для формирования и повышения эффективности системы управления развитием Вологодской агломерации и будет способствовать дальнейшему развитию производственных, кооперационных, культурных, рекреационных и иных связей рассматриваемых территорий.

Результаты выполненного исследования могут быть использованы в работе региональных и местных органов власти при создании и корректировке документов стратегического планирования, а также могут служить основой при выборе форм, методов и инструментов управления развитием агломерации, ядром которой является крупный и средний город.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зубаревич Н. В. Концентрация населения и экономики в столицах постсоветских стран // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 4–15. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.07.2018).

2. Минаев Н. Н., Волчкова И. В. Методологические основы управления формированием и развитием агломераций // Проблемы современной экономики. 2014. № 1. С. 162–165. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4896> (дата обращения: 10.07.2018).

3. Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 2. С. 101–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11695731> (дата обращения: 10.07.2018).

4. Пивень Д. А. Региональная агломерация и предпосылки ее создания // Вестник Ярославского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 133–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21271664> (дата обращения: 10.07.2018).

5. Селиванова Т. И. Чебоксарская городская агломерация: делимитация и анализ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 6. С. 43–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17245796> (дата обращения: 10.07.2018).

6. Волчкова И. В. Управление формированием и развитием агломераций в России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1. С. 198–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21163697> (дата обращения: 10.07.2018).

7. Лаппо Г. М. Урбанизация в России // Экология урбанизированных территорий. 2006. № 1. С. 6–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11903466> (дата обращения: 10.07.2018).

8. Лаппо Г. М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004.

№ 1 (3). С. 3–12. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.07.2018).

9. Лола А. М., Лола У. А. От генплана к стратегическому программному развитию города и его агломерации // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 2 (33). С. 19–24. URL: http://uniip.ru/journal/arhiv/soderhanie/602_av22017 (дата обращения: 10.07.2018).

10. Пивоваров Ю. Л. Сжатие «экономической ойкумены» России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 63. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=4333&jid=4319&jj=49 (дата обращения: 10.07.2018).

11. Швецов А. Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 45–65. URL: http://www.re-j.ru/archive/2018/1/article_489 (дата обращения: 10.07.2018).

12. Швецов А. Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 19–30. URL: <http://regionalistica.org/archive/16-2018/2018-1/54-reg-2018-1-2-rus> (дата обращения: 10.07.2018).

13. Волчкова И. В. Программно-целевой подход в управлении социально-экономическим развитием городских агломераций // Научные труды вольного экономического общества России. 2013. Т. 170, № 3. С. 224–233. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20316125> (дата обращения: 10.07.2018).

14. Pütz T. Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland // Metropolregionen – Kooperation und Wettbewerb in Deutschland und Europa. Informationen zur Raumentwicklung. 2016. Heft 5. Pp. 543–553. URL: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/Veroeffentlichungen/IzR/2016/5/Inhalt/downloads/izr-5-2016-komplett-dl.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 10.07.2018).

15. Uchida H., Nelson A. Agglomeration index: Towards a new measure of urban concentration // World Institute for Development Economics Research. Working paper. 2010. No. 29. 18 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf> (дата обращения: 10.07.2018).

16. Лаппо Г. М. Малые города России: особенности и роль в жизни страны // География в школе. 2008. № 6. С. 20–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11753382> (дата обращения: 10.07.2018).

17. Кожевников С. А., Ворошилов Н. В. Предпосылки развития Вологодской агломерации // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2018. № 2 (36). С. 11–19. URL: http://eco-fin.ru/j_ArticlesArchive.php?aidN=36 (дата обращения: 10.07.2018).

18. Волчкова И. В. Имитационное моделирование процессов социально-экономического развития агломераций // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 8 (287). С. 36–46. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=55330> (дата обращения: 10.07.2018).

19. Ворошилов Н. В. Особенности и проблемы функционирования института местного самоуправления в муниципальных образованиях городской агломерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.4.44.1>

20. Нещадин А., Прилепин А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. 2010. № 12. С. 23–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16902018> (дата обращения: 10.07.2018).

Поступила 19.07.2018; принята к публикации 30.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторе:

Кожевников Сергей Александрович, заведующий лабораторией ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), кандидат экономических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9063-6587>, kozhevnikov_sa@bk.ru

Для цитирования:

Кожевников С. А. Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–741. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Zubarevich N.V. Population and economic development concentration in the capital cities of post-Soviet counties. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2017; 55(1):4-15. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

2. Minaev N.N., Volchkova I.V. Management of formation and development of agglomerations: Methodological principles. *Problemy sovremennoj ehkonomiki* = Problems of Modern Economics. 2014; 1:124-131. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4896> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

3. Artobolevskiy S.S., Baklanov P.Ya., Treyvish A.I. [Space and development of Russia: A polyscale analysis]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* = Herald of the Russian Academy of Sciences. 2009; 79(2):101-112. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11695731> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

4. Piven D.A. Regional Agglomeration and Premises for its Formation. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities. 2014; 27(1):133-138. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21271664> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

5. Selivanova T.I. Urban Agglomeration of Cheboksary: Approaches of Delimitation and Analysis. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series. 2011; 6:43-53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17245796> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

6. Volchkova I.V. Management of formation and development of agglomerations in Russia. *Ehkonomika i predprinimatelstvo* = Journal of Economy and Entrepreneurship. 2014; 1:198-206. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21163697> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

7. Lappo G.M. Urbanization in Russia. *Ehkologiya urbanizirovannyh territorij* = Ecology of Urban Areas. 2006; 1:6-12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11903466> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

8. Lappo G.M. Russian urbanization peculiarities and their reflection in the country's urbanistic structure. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2004; 3(1):3-12. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

9. Lola A.M., Lola U.A. From a master plan to strategic programmatic development of city and his agglomeration. *Akademicheskij vestnik Ural-NIIproekt RAASN* = Academic Bulletin of UralNIIproject, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences. 2017; 33(2):19-24. Available at: http://uniip.ru/journal/arhiv/soderhanie/602_av22017 (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

10. Pivovarov Yu.L. [Compression of the "economic ecumene" of Russia]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2002; 4:63. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=4333&jid=4319&jj=49 (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

11. Shvetsov A.N. Urban agglomerations in the urban space transformation. *Rossiiskij ehkonomicheskij zhurnal* = Russian Economic Journal. 2018; 1:45-65. Available at: http://www.re-j.ru/archive/2018/1/article_489 (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

12. Shvetsov A.N. Managing urban agglomerations: Organizational and legal variations. *Regionalistika* = Regionalistics. 2018; 5(1):19-30. Available at: <http://regionalistica.org/archive/16-2018/2018-1/54-reg-2018-1-2-rus> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

13. Volchkova I.V. Program and target approach in management of social and economic development of urban agglomeration. *Nauchnye trudy volnogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii* = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2013; 170(3):224-233. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20316125> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

14. Pütz T. Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland. *Metropolregionen – Kooperation und Wettbewerb in Deutschland und Europa. Informationen zur Raumentwicklung*. 2016. 5:543-553. Available at: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/Veroeffentlichungen/IzR/2016/5/Inhalt/downloads/izr-5-2016-komplett-dl.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (accessed 10.07.2018).

15. Uchida H., Nelson A. Agglomeration index: Towards a new measure of urban concentration. *World Institute for Development Economics Research. Working paper*. 2010; no. 29. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf> (accessed 10.07.2018).

16. Lappo G.M. [Small towns of Russia: the features and role in the life of the country]. *Geografiya v shkole* = Geography at school. 2008; 6:20-29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11753382> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

17. Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Prerequisites of development of Vologda agglomeration. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Seriya: Ehkonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* = News Of Higher Educational Institutions. Series: Economy, Finance And Production Management. 2018; 36(2):11-19. Available at: http://eco-fin.ru/j_ArticlesArchive.php?aidN=36 (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

18. Volchkova I.V. Regional features of development of self-employment. *Regionalnaya ehkonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2013; 287(8):36-46. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=55330> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

19. Voroshilov N.V. Features and functioning issues of the institution of local self-government in municipal units of an urban agglomeration. *Voprosy territorialnogo razvitiya* = Territorial Development Issues. 2018; 44(4). (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.4.44.1>

20. Neshchadin A., Prilepin A. City agglomerations as an instrument for dynamic social and economic growth of Russia's regions. *Obshchestvo i ehkonomika* = Society and Economy. 2010; 12:23-27. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16902018> (accessed 10.07.2018). (In Russ.)

Submitted 19.07.2018; accepted for publication 30.08.2018; published online 28.12.2018.

About the author:

Sergei A. Kozhevnikov, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky St., Vologda 160014, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9063-6587>, kozhevnikov_sa@bk.ru

For citation:

Kozhevnikov S.A. Agglomeration Processes in the European North of Russia: Experience of the Vologda Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):718-741. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи

А. А. Бесчасная^{1*}Н. Н. Покровская²

¹ Северо-Западный институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
(г. Санкт-Петербург, Россия),
* aabes@inbox.ru

² ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Введение. Современная специфика урбанизации характеризуется неравномерным развитием территорий, дифференциацией городов по темпам роста/сокращения численности населения. Важная роль в этом принадлежит молодежи, которая выбирает города переселения с целью наилучшей самореализации и комфортного проживания. Актуальность исследования определяется возникновением потенциала поляризационного развития городов и прилегающих к ним территорий, формирующего эффект социально-экономической дестабилизации в регионах в целом. Цель статьи – проанализировать перспективы развития городов, не входящих в категорию «мегаполис», в контексте образовательной мобильности молодежи.

Материалы и методы. Эмпирической основой исследования послужили анализ данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. и микропереписей населения 2014 и 2017 гг., опрос студентов-первокурсников, поступивших в вузы Санкт-Петербурга в 2017 г.

Результаты исследования. Исследование продемонстрировало центристские миграционные настроения молодежи, что формирует риски негативных

© Бесчасная А. А., Покровская Н. Н., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

прогнозов перспектив развития городов их исхода. Выявлены проблемные и привлекательные стороны городов проживания студентов, потенциал и направления развития городов, отношение молодежи к изменениям и собственному участию в них. Определены направления неэкономических мер развития городских поселений, позволяющих сформировать позитивный социально-психологический климат и их положительный имидж.

Обсуждение и заключение. Полученные данные позволяют сделать вывод о сохраняющейся тенденции разбалансированности развития российских городов. Привлекательные к переселению и моделированию жизненных планов молодых людей факторы жизни в мегаполисе детерминированы активностью самого населения и городских властей в области экономики, культуры, социальной сферы, центристским движением ресурсных потоков и продуцированием нововведений, имеющих экономический и социокультурный эффекты. Практическая значимость результатов исследования выражается в выявлении проблемных зон в функционировании городов и определении направлений городского развития по формированию привлекательных для молодых людей сторон жизни городов.

Ключевые слова: молодежь, студент, образование, миграция, город, урбанизация, мегаполис, моногород

Prospects for the Development of Russian Cities in the Context of the Education-Related Migration of Young People

A. A. Beschasnaya^{a*}, N. N. Pokrovskaya^b

^a North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia),
* aabes@inbox.ru

^b The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

Introduction. Modern urbanization is characterized by uneven development of territories as well as by differentiation of cities in terms of population growth or decline rates. An important role in this belongs to young people who move to other cities in order to ensure the best possible self-fulfillment and comfortable living. The relevance of the study is determined by the emergence of the potential of polarization development of cities and adjacent territories, which forms the effect of socio-economic destabilization in the regions as a whole. The purpose of the paper is to analyze the prospects for the development of cities that are not included in the category of “megalopolis” in the context of the academic mobility of young people.

Materials and Methods. The analysis of the data of the 2002 and 2010 All-Russia Population Censuses and of the 2014 and 2017 micro-censuses of the population, as well as a survey of first-year students enrolled in institutions of higher education in St. Petersburg in 2017 became the empirical basis of the study.

Results. The study has demonstrated the centripetal migration attitudes of young people, which increases the risks of negative prognoses for the development prospects of the cities they leave. The problematic and attractive aspects of the cities where many students are living have been revealed, as well as the potential and directions of urban development, and the attitude of young people to the changes and their own participation in them. The areas of non-economic measures for the development of urban settlements have been identified, which make it possible to form a positive socio-psychological climate and image.

Discussion and Conclusion. The data obtained make it possible to conclude that the trend of the unbalanced development of Russian cities still remains. Factors of life in a megalopolis, attractive to resettlement and modeling of young people's life plans, are determined by the activity of the population and the city authorities in such areas as economy, culture, social sphere, centripetal movement of resource flows, and the production of innovations that have economic and socio-cultural effects. The practical significance of the research results is lies in the identification of problem areas in the functioning of cities and the determination of areas of urban development for the formation of aspects of urban life attractive for young people.

Keywords: young people, student, education, migration, city, urbanization, megalopolis, single-industry city

Введение. Расхожее выражение «Рыба выбирает, где глубже, а человек – где лучше» в современных российских реалиях приобретает особое значение. Оно вполне соотносится с современными урбанизационными процессами, результатом которых стало сокращение не только численности населения в одних городах России и уменьшение количества этих городов, но и закономерный интенсивный рост числа жителей в других городах за счет миграции населения. Подобно закону сохранения массы вещества, сжатие и упадок одних населенных пунктов происходит параллельно с расширением и развитием других. Shrinking city (сжатие города) вызвано структурным кризисом городской экономики, следствием чего является сегрегация жителей городов, а также неравномерное распределение общественных благ как внутри городского пространства, так и в пределах социальной иерархии социально-территориального деления¹ [1]. Не последняя роль в формировании тенденций «сжатия» городов принадлежит молодежи, которая на этапе моделирования собственной жизни оценивает личные планы в сочетании с возможными перспективами мест проживания и переселения. С учетом повышения глобальной мобильности человеческого ресурса. Это приводит к резкому росту мобильности молодых выпускников школ и вузов и оказывает специфическое влияние на формирование экономики знаний в России. Так, по результатам исследования 2016 г., проведенного ИНСАП РАНХиГС, лишь 4 % опрошенных в малых городах выпускников планировали остаться там по окончании школы². Попутно с этим наблюдается деурбанизация средних городов, за счет которых с 2002 г. вследствие сокращения численности горожан происходит пополнение числа малых

¹ Шманкевич Т. «Сжимающийся» город – новая сегрегация [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. URL: www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit08.php (дата обращения: 15.03.2018).

² Эксперты зафиксировали массовый отъезд молодежи из малых городов [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РБК». 14.04.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economic/14/04/2016/570e87a09a7947f31a533e56?from=main> (дата обращения: 10.05.2018).

городов [2]. При этом динамика развития и увеличения численности населения постсоветских городов-миллионеров оценивается приростом от 5 до 25 % [3].

Демографическая и миграционная характеристики отражают настоящий и будущий потенциал благополучия городов и регионов, уязвимость либо ее отсутствие. Молодежь осуществляет выбор образовательных траекторий и профессионально-трудовых сценариев самореализации³ [4; 5], результаты которых формируют будущее не только молодых людей, но и тех населенных пунктов, которые для них являются родными либо перспективными в вопросах переселения. Цель исследования – изучение перспектив развития городов в контексте образовательной миграции молодежи, выявление факторов неудовлетворенности у студентов вузов городами исхода, определение привлекательных компонентов жизнедеятельности в городах расселения.

Обзор литературы. Молодежная проблематика в настоящее время является активно разрабатываемым направлением социологических исследований. Среди хрестоматийных авторов, заложивших основы российских социологических исследований проблем молодежи необходимо назвать В. Т. Лисовского, С. Н. Иконникову, И. С. Кона, В. Н. Боряз, В. И. Чупрова и др. Их работы представляют собой активный поиск группообразующих признаков молодежи как социальной группы с определением ее возрастных границ, социально-психологических характеристик и социальной «миссии» в контексте общественной жизни, демографического, экономического и социокультурного воспроизводства. Современные аспекты жизни и социального самочувствия отражены в работах Ю. Зубок и В. И. Чупрова, которые анализируют социальное положение, способы адаптации и саморегуляции молодежи в условиях риска и неопределенности, при этом риск и неопределенность как атрибут социальной реальности проникают в сознание и поведение молодых людей, усугубляя данные характеристики общества⁴.

Рассматривая молодежное миграционное движение как результат неудовлетворения базовых и социальных потребностей человека, как стремление избавиться от нестабильной и неопределенной ситуации в территориальном окружении, необходимо выделить исследования о переселении в рамках образовательных стратегий молодых из малых населенных пунктов в крупные (начиная с сельских и далее до мегаполисов), а также из российских регионов в зарубежные образовательные

³ Покровская Н. Н. Концептуально-теоретический анализ ценностных ориентаций и социальных установок поколения Y // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2017. № 4. С. 31–37.

⁴ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы исследования молодежи. М.: Академия, 2008. 272 с.

центры. Признавая высокий уровень оттока молодежи из сел, исследователи А. М. Сергиенко, О. А. Иванова наблюдают его замедление и объясняют данную тенденцию сокращением молодежи в демографической структуре населения (или, другими словами, исчерпанием потенциала. – *Авт.*) и низкими возможностями города по приему селян (данные 2002, 2008, 2013 гг.)⁵. Отмечая образовательные интересы как источник миграционных процессов молодых из моногородов, Н. В. Мкртчян выявляет его нарастание с увеличением расстояния от регионального центра, а перемещение в мегаполис воспринимается как переезд за границу [6]. При этом И. Н. Богдановой, Х. Р. Кадыровой зафиксировано переживание молодыми людьми невозможности реализации потребностей в родном городе (моногороде) и желание быть ему полезным, трудоустроенным на родной земле, иметь возможности достойного существования для себя и семьи [7]. Данное положение формирует «конкуренцию за лучшую молодежь», что становится существенным фактором развития регионов [8]. Сформировавшееся центростремительное движение людских потоков от востока к западу преодолевает столичные рубежи и перемещается за границу в поисках новых мест «где лучше». Масштаб современной миграции за рубеж, по мнению ряда обозревателей, столь велик, что достоин именоваться 5-й волной⁶. Следовательно, можно констатировать, что межгородская конкуренция внутри России трансформируется в межстрановую.

Процессы поиска миграционных адаптационных стратегий молодыми людьми отмечаются во всем мире, о чем свидетельствуют исследования, проводимые в Европе и США. Так, европейские исследователи отмечают, что городские регионы привлекают молодых специалистов и вытесняют молодых родителей, а периферийные сельские регионы теряют молодежь [9; 10]. Изучение вопросов межстрановой образовательной миграции из России позволяет выделить ряд характеристик. Одна из отличительных черт отношения иностранных государств к вопросам образовательной миграции выражается в поощрении мобильности уже высококвалифицированных специалистов или студентов, заинтересованных в продолжении обучения на уровне *postgraduates*. Так, например, как отмечает М. Москал, очевидная выгода «академического капитализма» в насыщении экономики Великобритании квалифицированными кадрами наталкивается на ограничения в миграционной политике, сокращающие карьерные воз-

⁵ Сергиенко А. М., Иванова О. А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8. С. 21–26.

⁶ Эксперты Кудрина насчитали полмиллиона уехавших за рубеж за пять лет [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РБК». 06.10.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/10/2016/57f638c59a7947d0f680ab85> (дата обращения: 10.05.2018).

можности иностранных студентов [11]. Ведущей мотивацией в желании получения профессионального образования выходцами из России и стран Восточной Европы, по мнению ряда авторов, является удовлетворение ожиданий от зарубежного высшего образования как залога улучшения материального положения [12]. Данный запрос молодых является воспроизведением опыта родительских семей, которые демонстрируют кагортные стереотипы о факторах благополучной жизни [13].

Города имеют свою историю, свой специфичный капитал (детерминированный местом расположения, климатом, материально-ресурсной обеспеченностью), свои традиции, которые в совокупности характеризуют их конкурентоспособность и обнаруживаются в образе и качестве жизни людей, их населяющих, в повседневной деятельности и идентичности⁷, что сближает или, напротив, отдаляет друг от друга города и их жителей. Более того, отмечается дифференциация локальной идентичности внутри городов по районам. Главным ресурсом и движущей силой развития городов являются его жители. По мнению ряда авторов, именно условия жизни людей побуждают их к преобразованиям в личной жизни, к изменениям или выбору среды жизни, кумулятивным итогом которых выступает дифференцированное развитие городов⁸. Поэтому «численность населения того или иного города (поселения) – это один из показателей, свидетельствующий о состоянии хозяйства. Изменение численности населения города – это своеобразный отклик на изменяющиеся объективные условия, в том числе и на принятые управленческие решения хозяйствующих субъектов» [14].

Однако движение и расселение населения, исходя из его стремления к выбору благоприятных условий жизни в настоящем и будущем, имеют информативное значение не только для оценки текущего развития городов, регионов, территорий, но и для выявления дестабилизирующих тенденций стратегического характера для общества в целом и государства. Эти процессы связаны с возникновением полюсов заселения территорий – с перенаселенностью, с одной стороны, постепенным опустошением и безлюдностью территорий – с другой, что одинаково сопровождается затруднениями в удовлетворении материальных и духовных потребностей населения со снижением безопасности, обострением социальных противоречий и в итоге ведет к потере контроля за текущей ситуацией

⁷ Маркин В. В. Теоретико-методологические проблемы социально-пространственной и социально-территориальной идентификации: региональный узел // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015. С. 11–33.

⁸ Майорова-Щеглова С. Н. Как возникает жизненный мир человека? // Жизненный мир научно-технической и социально-гуманитарной интеллигенции. Сер. «Интеллигенция и современность». М.: РГГУ, 2015. С. 77–81.

и управляемости развития. С целью предотвращения дестабилизации социального положения в обществе и выравнивания развития городов с созданием относительно идентичных условий и качества жизни жителей в России был разработан ряд документов законодательного и программного характера. Например, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 20); Положение о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития РФ, утвержденное постановлением Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870; программа «Комплексное развитие моногородов», утвержденная Правительством 16 ноября 2016 г.; федеральный проект «Комфортная городская среда 2018–2022». Несмотря на принятие этих нормативных актов, острота ситуации разноуровневого развития российских городов, отставание в использовании технологических новинок в организации их жизнедеятельности, инфраструктуры, транспорта, сервиса продолжают сохраняться и угрожать безопасности и экономическим возможностям страны. Об этом говорил Президент РФ в последнем (2018 г.) послании Федеральному Собранию.

Проблемы развития городов в современных научных исследованиях очень популярны. Проекции исследовательских векторов можно условно разделить на изучение отдельных сфер жизнедеятельности городских поселений [15–18], изучение жизнедеятельности городских поселений с учетом их статуса в системе социально-территориального расселения [19–21], исследования, посвященные изучению градостроительных практик, планированию и организации городского пространства, архитектурному оформлению среды жизни горожан [22] и на исследование социального пространства, образуемого в городах и формирующего особый микроклимат и социальное настроение в поселении [23; 24].

Урбанизацию как вневременное социальное явление можно описать по трем основным характеристикам, первичным по отношению к другим: технологическая модернизация производственных основ и экономики; изменения в демографической структуре населения; привлекательность городского образа жизни. Эти особенности выражаются в разной степени и для исследователей выступают основой для ранжирования населенных пунктов, определения направлений изменений городского и пространственного развития. Примерами таких наблюдений может быть ряд группировок. Ф. Э. Шереги среди российских населенных пунктов в начале XXI в. выделяет аграрно-провинциальные, провинциальные, крупные административно-промышленные и столичные города, для жителей которых в разных соотношениях характерно аграрно-провинциальное, промышленно-урбанистическое и индустриально-столичное массовое сознание [25]. Э. Бозе по использованию нового «портфеля ресурсов»

(человеческий капитал, емкие и динамичные рынки, инновации, высокотехнологические основные фонды и постиндустриальный тип организации производства) в организации экономики городских объединений выделяет 4 типа агломераций: индустриальную, трансформационную, динамичную и развитую постиндустриальную⁹. С. И. Абылкаликов формулирует типологию регионов по миграционной активности с 1970 по 2010 гг. и выделяет 8 групп, отражающих привлекательность российских регионов в различные исторические эпохи – в индустриальную предперестроечную и постсоветскую [26]. Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш отмечают асинхронность развития российских городов в соответствии с теорией дифференциальной урбанизации, согласно которой центростремительные сдвиги сменяются центробежными, концентрация населения сменяется ее деконцентрацией, что в совокупности дифференцирует иерархию городских населенных пунктов и трансформирует их лидерские и низовые позиции¹⁰.

Данные типологии представляют интерес в свете нашего исследования, так как являются отражением дифференциации городов и наглядной демонстрацией изменений общества, когда каждый номос выражает определенный этап развития городского устройства, а сама типология – эволюционную последовательность его усложнения, попытки усовершенствования.

Материалы и методы. Принимая за основу исследования тезис о формировании переселенческих тенденций в связи с неудовлетворенностью актуальными местами проживания и поиском более интересных и лучших, мы проанализировали динамику численности населения в российских городских поселениях, разделенных на группы: малые, средние, большие, крупные и крупнейшие города (согласно СП 42.13330.2011¹¹). В качестве информационной базы для сравнительного анализа были использованы статистические данные переписей 2002 и 2010 гг. и микропереписей 2014 и 2017 гг. (табл. 1)¹².

⁹ Бозе Э. Городская агломерация: старое название – новое содержание [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/analit04.php> (дата обращения: 25.04.2018).

¹⁰ Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархии городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 73–74.

¹¹ Свод правил СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция. СНиП 2.07.01-89 (Утв. приказом Министерства регионального развития РФ от 28 декабря 2010 г. № 820) // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/6180772/#ixzz3p7pvZCw> (дата обращения: 16.04.2018).

¹² Города России // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Города_России (дата обращения: 25.04.2018).

Таблица 1. Характеристика тенденций изменений численности городов и населения в них с 2002 по 2017 г.

Table 1. Characteristics of trends in the number of cities and their population changes from 2002 to 2017

Категория / 1 st category	Наименование и критерии численности групп городов по СП 42.13330.2011 / Name and criteria for grouping cities according to the set of rules SP 42.13330.2011	Доля городов, продемонстрировавших тенденции изменений численности населения с 2002 по 2017 г. (в % к актуальному количеству городов в 2017 г.) / The share of cities that have demonstrated trends in the population size change from 2002 to 2017 (% of the actual number of cities in 2017)			Общая характеристика тенденций изменений численности городов и населения в них с 2002 по 2017 г. / General characteristics of trends in the number of cities and their population changes from 2002 to 2017
		3	4	5	
I категория / 1 st category	Малые – до 50 тыс. чел. / Small cities, up to 50 thousand people	15,1	17,1	67,8	Колебание численности населения (чередование роста и сокращения) / Fluctuation in population size (alternation of growth and decline) Рост численности населения / Population growth Динамика численности городов / Dynamics of the number of cities Количественное сокращение населения / Sustainable population decline
	Средние – 50–100 тыс. чел. / Medium-sized cities, 50–100 thousand people	20,2	25,1	54,7	
					Устойчивая тенденция сокращения численности населения / Sustainable population decline

Окончание табл. 1 / End of table 1

II категория / 2 nd category	Большие – 100–250 тыс. чел. / Big cities, 100–250 thousand people	Количество городов, увеличилось до 92 / The number of cities increased from 82 to 92			Колеблющаяся тенденция роста численности населения / Fluctuating population growth trend
		3	4	5	
III категория / 3 rd category	Крупные (первая подгруппа) – 250–500 тыс. чел. / Large cities (first subgroup), 250–500 thousand people	35,7	27,2	37,1	Количество городов, увеличилось с 22 до 23 / The number of cities increased from 22 to 23 Колеблющаяся тенденция роста численности населения / Fluctuating population growth trend
	Крупные (вторая подгруппа) – 500–1 000 тыс. чел. / Large cities (second subgroup), 500–1 000 thousand people	42,5	37,5	20,0	
	Крупнейшие – 1 000–2 000 тыс. чел. / Largest cities, 1 000–2 000 thousand people	72,7	27,3	–	Устойчивый рост численности населения / Sustainable population growth
IV категория / 4 th category	Крупнейшие – несколько млн чел. (более 2 000 тыс. чел.) / Largest cities, a few million people (over 2,000 thousand people)	80,0	20,0	–	Устойчивый рост численности населения / Sustainable population growth
		100	–	–	Количество городов осталось неизменным / The number of cities remained unchanged

С целью уточнения фокуса исследовательского внимания, кроме указанных различий в специфике российских городов, необходимо отметить неоднозначность в понимании термина «мегаполис» в России и за рубежом. В российских реалиях мегаполис – это населенный пункт с численностью более 1 млн чел., а в зарубежном научном и политическом обороте термин *megacity* используют для характеристики населенного пункта до 10 млн чел. [27]. Так как в России городов-многомиллионников всего два (Москва – более 12 млн чел. и Санкт-Петербург – более 5 млн чел.) и между ними и другими городами-миллионерами (в которых проживают не более 2 млн чел.) существует значительный разрыв без промежуточных рангов, то в качестве немегаполисов мы будем рассматривать города, которые не входят в категории многомиллионников.

В сентябре 2017 г. нами было проведено анкетирование среди студентов-первокурсников, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга на дневных отделениях по техническим, строительным, ИТ, экономическим, управленческим, юридическим и социально-психологическим специальностям. Выбор респондентов-первокурсников вузов был определен следующими возрастными социально-психологическими и миграционными характеристиками. Во-первых, к данной социальной группе в подавляющем большинстве случаев принадлежат молодые люди, находящиеся на этапе начала моделирования собственной жизни и «на распутье» в вопросах выбора жизненных стратегий. Связанные с этим планы отражают их «жизненный мир» и опыт социализации, пережитый ранее. С точки зрения возрастной психологии, в юношеском возрасте определяются мотивы, направленные на реализацию будущего, осознание жизненных перспектив и профессиональных намерений. Во-вторых, время проведения опроса (сентябрь, первый месяц обучения на первом курсе вуза) позволяет иногородним студентам поделиться еще актуальными впечатлениями и представлениями о характерных чертах городов их исхода. Всего было опрошено 257 студентов, выборка характеризуется как случайная, вероятностная, гнездовая.

Результаты исследования. Социальный портрет выборочной совокупности проведенного исследования выглядит следующим образом. Студенты первого курса вузов – 100 %. Возрастной состав: 17 лет – 23,3 %, 18 – 54,9, 19 – 8,2, 20 – 7,8, 21 – 3,5, 22 года – 2,3 %. Половой состав: девушек – 63 %, юношей – 27 %. Опрошенные студенты – представители 91 города России. Среди них: 26,3 % – жители населенных пунктов до 100 тыс. чел., 24,4 – проживают в городах II категории (от 100 тыс. до 500 тыс. чел.), 15,8 – в III категории городов (от 500 тыс. до 2 млн чел.) и 33,5 % – жители города-многомиллионника Санкт-Петербурга (IV категория (от 2 млн чел.)). Так как представительность студентов –

жителей Санкт-Петербурга оказалась наиболее высокой, то мы сосредоточили внимание на внутригородских тенденциях.

Жители Санкт-Петербурга в 68,6 % случаев убеждены, что в их родном городе людям живется лучше, чем в других. Следующая крупная группа петербуржцев (24,3 %) считают, что условия жизни у всех примерно одинаковые. Предполагают, что живут хуже, чем в других городах, жители поселений с населением от 100 тыс. до 500 тыс. чел. – 36,4 %. Студенты из городов с населением до 100 тыс. чел. и от 500 тыс. до 2 млн чел. в большинстве случаев считают, что условия проживания примерно одинаковые.

Рассмотрим проблемы, которые, по мнению студентов, ухудшают условия проживания в городах. Наибольшие нарекания со стороны студентов-первокурсников вызвали проблемы, связанные с состоянием дорог. По 1 и 2 балла¹³ оценили состояние дорог молодые жители городов I категории – 46,3 %, II категории – 41,8 %. Увеличение размерности городов сопровождается ростом положительных оценок. Обратная зависимость наблюдается в оценке *экологической обстановки*. Именно в малых, средних, больших и в первой подгруппе IV категории городов констатируются респондентами максимально высокие оценки качества экологического состояния городской среды: в первой категории на 4 и 5 ее оценили 48,3 % ответивших, во второй – 45,4 %. Далее по мере роста городов наблюдается сокращение положительных оценок респондентов экологической обстановки.

Следующей значимой характеристикой жизни городов, которая вызвала большое количество негативных оценок молодых людей, являются условия *развития предпринимательства*. В городах до 100 тыс. чел. в совокупности было дано 39,9 % неудовлетворительных оценок. Далее по мере роста городов негативный фон сокращается до 8,1 % (результаты оценок студентов по данному вопросу необходимо рассматривать сквозь призму общего предпринимательского и делового климата и мнений лиц, имеющих опыт предпринимательской деятельности, нежели самих молодых людей, в большинстве своем недавно ставших совершеннолетними). Однако именно в городах I категории *организация безопасности* городского пространства получила наибольшее количество положительных оценок (4–5-балльные оценки) – 68,3 %. На другом полюсе рассматриваемой нами типологии городского развития в городах III и IV категорий результаты положительных оценок составили 33,2 и 39,4 % соответственно.

Другим наиболее значимым различием, формирующим привлекательные стороны городов, является развитие *культурной сферы городской жизни*. Без-

¹³ В оценивании использовалась 5-балльная система, где 1 – самый низкий, 5 – самый высокий балл.

условным лидером в данной категории является Санкт-Петербург (74,8 %), отрицательных ответов нет. Наибольшее количество неудовлетворительных ответов (28,3 %) было получено в городах до 100 тыс. чел.

Помимо вопросов о наличии проблем, студентам были предложены вопросы об определении конкурентных преимуществ городов. В качестве частого ответа молодежь выбрала уникальность и богатство природных ресурсов (21,4 % в городах первой категории, 29,5 – в городах второй категории), промышленный потенциал (23,1 % в городах III категории) и географическое расположение. Молодые жители Санкт-Петербурга в качестве наиболее главного конкурентного преимущества выделили историческое наследие и территориальное расположение (42,0 % против 18,6 % в городах четвертой категории). Кроме этого, петербургскими студентами в качестве собственных вариантов ответов выделены достоинства родного города гуманистического характера: «душевность горожан», «особый менталитет граждан», «возможность коммуникаций». Интересно, что представители мегаполисов были скупы в предложении дополнительных преимуществ родных городов. Среди единичных ответов красноречивой оппозицией гуманистическим аспектам ответов жителей мегаполиса ими был предложен вариант «тебя всем жалко» (город до 100 тыс. чел.).

В выборе приоритетных направлений развития городов студенты городов-мегаполисов наибольшее количество раз определяли необходимость создания комфортной городской среды и развития инфраструктуры города (в I категории – 26,4 %, во II – 27,8, в III – 36,4 %). Для представителей мегаполиса приоритетным направлением развития города вновь видится фактор гуманистического характера – формирование высокого уровня культуры и сознательности горожан (28,9 %), а создание комфортной городской среды и развитие инфраструктуры города располагается на втором месте по частоте упоминания (20,5 %).

Определение деятельного отношения студентов-первокурсников к городскому развитию было заложено в трех вопросах анкеты: «Какую роль, по Вашему мнению, играет в экономической и политической жизни Вашего города молодежь?», «Хотите ли Вы уехать из Вашего города?» и «Чем готовы помочь развитию Вашего города?». Жители мегаполисов, т. е. городов с численностью до 2 млн чел., в абсолютном большинстве случаев видят свое будущее за пределами родных населенных пунктов. В совокупности настроения исходящей мобильности выражаются у 85,5 % студентов из городов I категории, 96,4 – из II и 90,9 % – из III. В качестве мест переселения они рассматривают как зарубежную миграцию, так и российские города. Наиболее частый выбор реализации миграционного мотива молодыми людьми приходится на город, в котором они получают высшее профессиональное образова-

ние. Только лишь молодые жители Санкт-Петербурга в 54,7 % случаев не имели планов мигрировать, а среди желающих переселиться 33,7 % юношей и девушек хотели бы переехать за рубеж – это самый высокий процент по сравнению с ответами выходцев из других городов.

Несмотря на высокий показатель желающих перебраться в другую страну, именно среди новоиспеченных студентов петербургских вузов наименьший показатель полагающих, что молодежь не оказывает влияния на жизнь города (22,2 %). В других городах (с численностью менее 2 млн чел.) молодые, желающие покинуть Россию, менее оптимистично оценивают свое преобразовательное участие в городской жизни (в городах I и II категорий по 42,9 % ответивших, в III – 31,0 %). Одновременно с такими высокими показателями представлений об отсутствии влияния молодежи на моделирование жизни города наблюдаются и высокие показатели мнения юношей и девушек о возможности участия и преобразующей роли молодых. В городах I категории 58,2 % ответивших считают, что молодежь оказывает влияние на проведение государственной молодежной политики, участвует в жизни города через общественные организации, политические партии, занимается экономическим развитием города. В городах II категории так считают 43,6 % ответивших, в городах III категории – 54,5, в Санкт-Петербурге – 59,3 %.

Помимо организованных форм участия в жизни города, студенты петербургских вузов видят свою партисипативность в локальной деятельности, нередко самоинициативной. Большинство респондентов выразили желание участвовать в жизни города. Оно связано с оказанием помощи нуждающимся (26,8 % в I категории городов, 19,7 – во II, 21,1 – в III, 25,2 % – в Санкт-Петербурге), участием в городских мероприятиях на безвозмездной основе (34,2 % – в I категории городов, 30,3 – во II, 34,2 – в III, 27,9 % – в Санкт-Петербурге) и в городских субботниках (22,0 % – в I категории городов, 25,8 – во II, 15,8 – в III, 25,2 % – в Санкт-Петербурге).

Обсуждение и заключение. Результаты исследования демонстрируют активный миграционный мотив студенческой молодежи по переселению из мест предыдущего проживания в другие населенные пункты, оцениваемые как перспективные и динамично развивающиеся. Данная тенденция имеет очевидное двустороннее значение как для развития городов, так и для перспектив жизни самих участников миграционного движения. Доминирующий выбор иногородних принадлежит городу, в котором они получают высшее профессиональное образование, т. е. Санкт-Петербургу. Разумеется, мегаполисы в ситуации притока молодой интеллектуальной и рабочей силы находятся в выигрышном положении.

Привлекательные к переселению и моделированию жизненных планов молодых людей факторы мегаполисной жизни детерминированы активно-

стью самого населения и городских властей в области экономики, культуры, социальной сферы, центристским движением ресурсных потоков (в том числе человеческих) и продуцированием нововведений, имеющих экономический и социокультурный эффект. Примечательно, что именно для студентов – представителей Санкт-Петербурга, приоритетным в моделировании настоящего и будущего развития города, т. е. места «где лучше», является формирование сознания горожан, по сути, атрибутивное свойство гражданской позиции. Безусловно, наибольшая часть студентов-первокурсников вербально выражают свои намерения участия в посильном нивелировании проблем городской жизни. При этом их территориальная мобильность направлена в место относительно благополучное, обладающее наименьшим количеством острых проблем.

Комфортные условия жизни и развитая инфраструктура – наиболее востребованные современными молодыми людьми условия формирования собственного «жизненного мира». Это среда, которая, на первый взгляд, минимизируя неопределенность в личной жизни благодаря очевидным благам повседневности развитых городов, обеспечивает удовлетворение потребностей и сокращает вероятность возникновения рисков неудач и вытеснения на обочину движения жизни. Однако стремление человека, особенно людей молодых, приобщиться к благам, имеющим подчас динамичный и краткосрочный характер, оборачивается трансформацией реальности в гиперреальность (Ж. Бодрийяр), усугубляющую ситуацию рисков и неопределенности. Динамизм смены благ и необходимость их поддержания и обновления обуславливает уменьшение трудозатрат по их достижению и получению при сохранении уровня притязаний. Такое положение дел закрепляет принцип «здесь и сейчас» в организации повседневной жизни и перспективного планирования, обостряя неуверенность уже в новых местах обитания – мегаполисах. Поэтому выбор «где лучше» в контексте поиска комфортных условий жизни со всей современной инфраструктурной атрибутикой мегаполисов может обернуться для молодежи фрустрированными разочарованиями и перманентной аномией.

Анализ динамики численности городского населения в сочетании с ответами студентов-первокурсников показал, что темпы центристского движения человеческих ресурсов высоки. Российские города-немегаполисы, выполняя роль доноров, не получают в полной или частичной мере обратной отдачи, достаточной для компенсации, как минимум, «человеческих инвестиций» в развитие мегаполисов. Что может являться «противоядием» одностороннему миграционному мейнстриму молодежи из городов меньшего размера в крупные, а также увеличению мест и территорий «где лучше»? Что может увеличить количество городов, привлекательных в жизни в них молодых людей? Сложившиеся

тенденции изменения и современная реальность подсказывают решения, частично уже реализуемые в настоящее время посредством упомянутых выше государственных программ. В большей мере они затрагивают экономические аспекты функционирования и развития городских систем.

Кроме этих исчисляемых мер (количественного характера), необходимо актуализировать действия, формирующие специфический социально-психологический внутригородской микроклимат. Во-первых, необходимо создавать и развивать вузы (или их филиалы) в регионах, с сохранением контроля за условиями и результатами образовательной деятельности, с созданием условий как минимум внутрироссийской академической мобильности ведущих преподавателей и непосредственного контакта обучающихся с ними. Образовательная и научная деятельность вузов в настоящее время является частью истории и динамичного имиджа городов, которая позволяет интегрировать будущее городов с будущим его молодых жителей. Во-вторых, реализовывать государственные программы (упомянутые выше) с активным привлечением молодежи, формируя психологический эффект «моя территория», «мое дело». Сопричастность индивидов к созидательным событиям преобразуется в ответственность за его результат и продолжение. В-третьих, преобразовывать материальную среду в общественных пространствах (в производственных и непроизводственных сферах) согласно современным технологическим инновациям, создавая атмосферу «в духе времени» в городах и транслируя ее в региональные координаты. В-четвертых, обеспечивать конкурентную среду и социальную мобильность в профессиональной сфере среди городского населения. Направление в позитивное созидательное русло таких возрастных особенностей молодежи, как проявление собственных качеств наряду с признанными деятелями, справедливое удовлетворение притязания на признание, стремление к обновлению, позволяет избежать мятежных и асоциально-разрушительных поступков молодых людей. В-пятых, формирование культуры истории и пульсирующей современности городов с целью моделирования динамичного образа территории. Данные меры позволяют моделировать социальные практики молодых горожан, а также их социально-пространственные идентификации к конкретному городу, территории, стране.

Результаты исследования тенденций развития городов имеют научную и практическую важность как для урбанистов и регионоведов, так и для представителей органов власти, занимающихся моделированием перспектив городского и территориального развития, разработкой программ аккумуляирования образовательного и профессионального потенциала и молодежной партисипативности в регионах. Предложенные направления могут содействовать формированию программ регионального развития, включающих в себя меры с отсроченным экономическим

эффектом, но обеспечивающих привлекательность в выборе образовательных траекторий и профессионально-трудовых сценариев самореализации молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова В. А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 86–98. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.05.2018).
2. Лаамарти Ю. А., Кофанов А. В. Малые города в современной России // Социология города. 2012. № 4. С. 3–16. URL: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (дата обращения: 10.05.2018).
3. Карачурина Л. Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 23–36. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.05.2018).
4. Бесчасная А. А., Бесчасный А. А. Выбор профессии и качество образования как факторы успешной профессиональной карьеры выпускников вузов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С. 16–21. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.1.3>
5. Полутин С. В., Козин В. В. Профессионально-трудовое определение молодежи региона // Регионология. 2016. № 4. С. 192–200. URL: <https://regionsar.ru/node/1493> (дата обращения: 10.05.2018).
6. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 6. С. 19–32. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/74> (дата обращения: 10.05.2018).
7. Богданова И. Н., Кадырова Х. Р. Проблема миграции молодежи моногородов и пути ее решения // Высшее образование в России. 2015. № 5. С. 161–163. URL: <http://www.vovr.ru/arhiv2015.html> (дата обращения: 10.05.2018).
8. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. URL: <https://vo.hse.ru/2016--3/191146729.html> (дата обращения: 10.05.2018).
9. Kashnitsky I., Schöley J. Regional population structures at a glance // The Lancet. 2018. Vol. 392, issue 10143. Pp. 209–210. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31194-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31194-2)
10. Kashnitsky I., Wissen L. Decomposition of regional convergence in population aging across Europe // Genus. 2017. No. 73. P. 2. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-017-0018-2>
11. Moskal M. International students pathways between open and closed borders: Towards a multi-scalar approach to educational mobility and labour market outcomes //

International Migration. 2017. Vol. 55. Issue 3. Pp. 126–138. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12301>

12. Chykina V., Chung H. J., Bodovski K. Great expectations? Variation in educational plans of students in post-socialist eastern Europe // European Education. 2016. Vol. 48, issue 1. Pp. 43–62. DOI: <https://doi.org/10.1080/10564934.2016.1150110>
13. Donets E. V. The use of cohort analysis for the study of the mobility of college and university students in their schooling process // Russian Education & Society. 2010. Vol. 52, issue 3. Pp. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393520303>
14. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Экономическая социология одного города: пространство Волгограда (исторические штрихи к портрету города) // Известия ВолГПУ. 2013. Т. 14, № 16. С. 41–45. URL: <http://www.vstu.ru/nauka/izdaniya/izvestiya-volggtu/arkhiv-vypuskov/problemy-sotsialno-gumanitarnogo-znaniya/> (дата обращения: 10.05.2018).
15. Горина Е. А., Бурдяк А. Я. Взгляд на качество жизни населения сквозь призму городской среды // Социология города. 2015. № 2. С. 11–31. URL: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (дата обращения: 10.05.2018).
16. Киселева А. М. Развитие территориального общественного самоуправления в крупном городе // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 73–80. URL: http://www.isras.ru/socis_2008_10.html (дата обращения: 10.05.2018).
17. Нарбут Н. А., Матюшкина Л. А. Выбор и обоснование экологических критериев для оценки состояния городской среды // Вестник ТОГУ. 2009. № 3 (14). С. 71–76. URL: <http://pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/1297/> (дата обращения: 10.05.2018).
18. Сидоркина В. М., Фадеева И. М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений // Регионология. 2017. Т. 25, № 4. С. 628–641. URL: <http://regionsar.ru/node/1642> (дата обращения: 10.05.2018).
19. Бегеза С. Е. «Преследующая» динамика в процессе агломерирования // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5 (88). С. 99–105. URL: http://journals.istu.edu/vestnik_irgtu/journals/2014/05/articles/16 (дата обращения: 10.05.2018).
20. Смирнов И. П. Средние города как опорные центры развития территории // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 116–121. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.05.2018).
21. Тургель И. Д., Власова Н. Ю. «Вторые» города Урала: от города-завода – к многофункциональным центрам // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 43–54. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.05.2018).
22. Птичникова Г. А., Королева О. В. Гибридизация в городской архитектуре // Социология города. 2016. № 1. С. 5–17. URL: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (дата обращения: 10.05.2018).
23. Назарова М. П., Етеревская И. Н., Янин К. Д. Реновация городских общественных пространств с учетом их социокультурного потенциала // Социология города. 2017. № 3. С. 22–31. URL: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (дата обращения: 10.05.2018).
24. Шангареев Р. П., Конева Е. В., Десятов Л. В. Социальные паттерны в городской среде // Социология города. 2016. № 1. С. 52–67. URL: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (дата обращения: 10.05.2018).

25. Шереги Ф. Э. Дисфункциональность российского профессионального образования // Труд и социальные отношения. 2009. № 12. С. 23–31. URL: <http://id.atiso.ru/journal/archive/2009> (дата обращения: 10.05.2018).

26. Абылкаликов С. И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 65–73. URL: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (дата обращения: 10.05.2018).

27. Вершинина И. А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 2. С. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-75-85>

Поступила 02.07.2018; принята к публикации 16.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Бесчасная Альбина Ахметовна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр., д. 57/43), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9432-043X>, aabes@inbox.ru

Покровская Надежда Николаевна, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>, nnp@europe.com

Заявленный вклад авторов:

Бесчасная Альбина Ахметовна – определение замысла статьи и методологии исследования; сбор и обработка информации; подготовка начального варианта текста; доработка текста.

Покровская Надежда Николаевна – сбор и обработка информации; визуализация и представление данных в тексте; компьютерные работы; критический анализ и доработка текста.

Для цитирования:

Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 742–763. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Efremova V.A. Russian and international research on shrinking cities: Themes, methods and centers. *Regionalnye issledovaniya* = Regional Studies. 2015; 49(3):86-98.

Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

2. Laamarti Yu.A., Kofanov A.V. Small towns of modern Russia. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2012; 4:3-16. Available at: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

3. Karachurina L.B. The demographic transformation of post-Soviet Russian cities. *Regionalnyye issledovaniya* = Regional Studies. 2013; 3:23-36. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

4. Beschasnaya A.A., Beschasny A.A. Occupational choice and education quality as factors of successful professional career of university graduates. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2017; 1:16-21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.1.3>

5. Polutin S.V., Kozin V.V. Professional and labor determination of the youth in a region. *Regionologiya* = Regionology. 2016; 4:192-200. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1493> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

6. Mkrtchyan N.V. Migration of youth in regional centers of Russia at the end of 20th – early 21st century. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* = News of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series. 2013; 6:19-32. Available at: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/74> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

7. Bogdanova I.N., Kadyrova Kh.R. The problem of migration of youth of mono-towns. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* = Higher Education in Russia. 2015; 5:161-163. Available at: <http://www.vovr.ru/arhiv2015.html> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

8. Kashnitsky I.S., Mkrtchyan N.V., Leshukov O.V. Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Voprosy obrazovaniya* = Educational Studies. 2016; 3:169-203. Available at: <https://vo.hse.ru/2016--3/191146729.html> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

9. Kashnitsky I., Schöley J. Regional population structures at a glance. *The Lancet*. 2018; 392(10143):209-210. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31194-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31194-2)

10. Kashnitsky I., Wissen L. Decomposition of regional convergence in population aging across Europe. *Genus*. 2017; 73:2. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-017-0018-2>

11. Moskal M. International students pathways between open and closed borders: Towards a multi-scalar approach to educational mobility and labour market outcomes. *International Migration*. 2017; 55(3):126-138. DOI: <https://doi.org/10.1111/imig.12301>

12. Chykina V., Chung H.J., Bodovski K. Great expectations? Variation in educational plans of students in post-socialist eastern Europe. *European Education*. 2016; 48(1):43-62. DOI: <https://doi.org/10.1080/10564934.2016.1150110>

13. Donets E.V. The use of cohort analysis for the study of the mobility of college and university students in their schooling process. *Russian Education & Society*. 2010; 52(3):37-53. DOI: <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393520303>

14. Dulina N.V., Ovchar N.A. Economic sociology of a city: Space of Volgograd (historical touches to the portrait of the city). *Izvestiya VolGTU* = Proceedings of Volgograd State Technical University. 2013; 14(16):41-45. Available at: <http://www.vstu.ru/nauka/izdaniya/izvestiya-volggtu/arkhiv-vypuskov/problemy-sotsialno-gumanitarnogo-znaniya/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

15. Gorina E.A., Burdyak A.Ya. Quality of life in big city through the urban environment perceptions. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2015; 2:11-31. Available at: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

16. Kiseleva A.M. [Development of territorial public self-government in a large city]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* = Sociological Studies. 2008; 10:73-80. Available at: http://www.isras.ru/socis_2008_10.html (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

17. Narbut N.A., Matyushkina L.A. Selection and justification of ecological criteria for the assessment of the state of the urban environment. *Vestnik TOGU* = Bulletin of Pacific National University. 2009; 14(3):71-76. Available at: <http://pnu.edu.ru/vestnik/pub/articles/1297/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

18. Sidorkina V.M., Fadeeva I.M. Family values in a regional society: Factors of change. *Regionologiya* = Regionology. 2017; 25(4):628-641. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1642> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

19. Begeza S.E. "Pursuing" dynamics in agglomeration process. *Vestnik IrGTU* = Proceedings of Irkutsk State Technical University. 2014; 88(5):99-105. Available at: http://journals.istu.edu/vestnik_irgtu/journals/2014/05/articles/16 (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

20. Smirnov I.P. Medium-sized cities as the basic centers for the territory development. *Regionalnyye issledovaniya* = Regional Studies. 2015; 49(3):116-121. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

21. Turgel I.D., Vlasova N.Yu. The second Urals cities: from the city-pant to the multifunctional centers. *Regionalnyye issledovaniya* = Regional Studies. 2016; 52(2):43-54. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

22. Ptichnikova G.A., Koroleva O.V. Hybridization in urban architecture. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2016; 1:5-17. Available at: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

23. Nazarova M.P., Eterevskaya I.N., Yanin K.D. Renovation of urban public spaces taking into account their socio and cultural potential. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2017; 3:22-31. Available at: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

24. Shangreev R.R., Koneva E.V., Desyatov L.V. Social Patterns in city environment. *Sotsiologiya goroda* = Sociology of City. 2016; 1:52-67. Available at: <http://vgasu.ru/science/journals/city-sociology/archive/> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

25. Sheregi F.E. Disfunctioning of the Russian Professional Training. *Trud i sotsialnyye otnosheniya* = Labor and Social Relations. 2009; 12:23-31. Available at: <http://id.atiso.ru/journal/archive/2009> (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

26. Abylkalikov S.I. Migration activity and adaptation of population in regions of Russia. *Regionalnyye issledovaniya* = Regional Studies. 2015; 49(3):65-73. Available at: http://www.geogr.msu.ru/structure/reg_issledovaniya/ (accessed 10.05.2018). (In Russ.)

27. Vershinina I.A. The key concepts of urban sociology: A critical analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2015; 2:75-85. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-75-85>

Submitted 02.07.2018; accepted for publication 16.08.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Albina A. Beschasnaya, Professor, Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospekt, Vasilyevsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9432-043X>, aabes@inbox.ru

Nadezhda N. Pokrovskaya, Professor, Department of Public Relations and Advertising, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika emb., Building, 191023 St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>, nnp@europe.com

Contribution of the authors:

Albina A. Beschasnaya – production of the idea of the article and the choice of research methods; collection and processing of information; preparation of the initial version of the text; revision of the text of the article.

Nadezhda N. Pokrovskaya – collection and processing of information; visualization and presentation of data in the text; computer work, critical analysis and revision of the text of the article.

For citation:

Beschasnaya A.A., Pokrovskaya N.N. Prospects for the Development of Russian Cities in the Context of the Education-Related Migration of Young People. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):742-763. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Построение имитационной модели «Социальный потенциал детства в регионе»

А. Г. Филипова^{1*}А. В. Высоцкая²

¹ ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

(г. Владивосток, Россия),

* alexgen77@list.ru

² ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (г. Комсомольск-на-Амуре, Россия)

Введение. Актуальность исследования определяется неравнозначностью региональных условий развития российского детства. Российские регионы располагают разными ресурсами для сохранения детского здоровья и образования детей. Цель работы – выявление региональных факторов, влияющих на социальный потенциал детей, и последующее построение имитационной модели «Социальный потенциал детства в регионе».

Материалы и методы. Используются методы корреляционного и регрессионного анализа. Материалами исследования стали статистические данные, представленные в официальных источниках. Расчеты производились посредством аналитической платформы Deductor, построение имитационной модели – с использованием программного продукта AnyLogic.

Результаты исследования. В ходе исследования были выделены 12 целевых и 36 управляющих факторов. Анализ взаимосвязей целевых и управляющих факторов позволил определить целевые показатели, характеризующие образование, здоровье и выживаемость детей. Выделенные управляющие факторы разделены на три группы – константы, факторы, поддающиеся региональному урегулированию, и факторы, трудно поддающиеся региональному регулированию. Построенная имитационная модель представляет собой фрагмент оценки влияния

© Филипова А. Г., Высоцкая А. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

управляющих факторов на детство в российских регионах. Эксперименты с моделью показали, что помимо воздействия на социально-экономическую ситуацию в регионе в целом важно снижать сменность занятий в школах и одновременно повышать квалификацию школьных учителей, увеличивать охват детей летним оздоровительным отдыхом.

Обсуждение и заключение. Материалы исследования будут полезны при планировании сохранения и развития социального потенциала детства в регионе. Полученные данные имеют ценность как для социологов, так и для ученых, занимающихся моделированием социально-экономических процессов, исследованием региональных систем.

Ключевые слова: имитационное моделирование, социальный потенциал детства, целевой фактор, управляющий фактор, российский регион

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

Construction of the Simulation Model of Social Potential of Childhood in a Region

A. G. Filipova^{a*}, A. V. Vysockaya^b

^a Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia),

* alexgen77@list.ru

^b Komsomolsk-on-Amur State Technical University
(Komsomolsk-on-Amur, Russia)

Introduction. The relevance of the study is determined by the uneven regional conditions for the development of childhood in Russia. Russia's regions have different resources for preserving children's health and educating children. The aim of the work is to identify regional factors affecting the social potential of children, and the subsequent construction of the simulation model of Social potential of childhood in a region.

Materials and Methods. The study employed the methods of correlation and regression analysis. Statistical data presented in official sources were used as the materials of the study. The calculations were made using the Deductor analytical platform, the construction of the simulation model was implemented using the AnyLogic software.

Results. During the study, 12 target and 36 control factors were identified. An analysis of the relationships between the target and control factors made it possible to identify target indicators characterizing children's education, health and survival rates. The identified control factors were divided into three groups: the constants, factors that can be regulated by the regions, and factors that are difficult to regulate by the regions. The constructed simulation model is part of the assessment of the control factors' influence on childhood in Russia's regions. Experiments with the model showed that in addition to influencing the socio-economic situation in a region as a whole, it is important to reduce the number of shifts in schools and at the same time improve the skills of school teachers, increase the number of children involved in summer recreational activities.

Discussion and Conclusion. The research materials will be useful in planning for preservation and development of the social potential of childhood in a region. The data obtained are of value both to sociologists and scientists involved in modeling of socio-economic processes. In the study of regional systems.

Keywords: simulation modeling, social potential of childhood, target factor, controlling factor, Russia's region

Acknowledgments. The work was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 16-36-60041).

Введение. Современные дети в нашей стране растут и развиваются в сложных социально-экономических, духовно-нравственных и политико-правовых условиях регионального неравенства. В свою очередь, региональная среда становится важной средой для развития ребенка, формирования его социальных навыков, поддержания его здоровья, выбора образовательной траектории и пр. К сожалению, не всегда даже экономически успешные регионы ориентированы на развитие социальной инфраструктуры детства, и наоборот, некоторые депрессивные регионы компенсируют отсутствие финансовых средств человеческими ресурсами в форме клубных образований, общественных организаций, ресурсами местных сообществ.

Уровень региона – это важный для ребенка и семьи уровень выработки политико-правовых решений, поддержания деятельности учреждений образования, здравоохранения, культуры и спорта, обеспечения транспортных сообщений, телекоммуникаций. Кроме того, регион – это особое сочетание природно-климатических и географических условий, экологических факторов, т. е. все то, что можно обозначить как среду обитания ребенка и взрослого.

Целью исследования является математическое обоснование структуры и связей социального потенциала детства, определяемого как «совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающей на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов, необходимых для выхода во взрослую жизнь» [1]. Показатели, характеризующие образование и здоровье детей, являются целевыми факторами, а все, что связано с окружением детей – ближайшим и отдаленным – будет отнесено к группе управляющих факторов.

Обзор литературы. Факт неравенства российских регионов в научной риторике принимает форматы деления регионов на депрессивные и экономически успешные, регионы-доноры и регионы-реципиенты, цен-

тральные и периферийные регионы и т. п.¹ [2–5]. Однако отечественные исследователи не рассматривают детей как особую социально-демографическую общность, рассуждая о человеческом потенциале в целом, индексе его развития на региональном уровне². Авторским коллективом под руководством И. Е. Калабихиной был предпринят ряд исследований, связанных с мониторингом реализации Национальной стратегии действий в интересах детей [6; 7]. Тема здоровья детей в Российской Федерации проблематизируется в публикациях Ю. Е. Лапина, А. А. Баранова [8; 9], И. В. Журавлевой³ и др. Образовательное неравенство детей в российских регионах стало направлением исследования коллектива Международной лаборатории анализа образовательной политики (МЛАОП) из НИУ ВШЭ⁴.

В 1998 г. В. С. Собкин и П. С. Писарским на основе методов кластерного анализа 76 российских регионов были сгруппированы в 18 эмпирически выделенных типов. Результаты факторного анализа позволили установить взаимосвязь между социокультурными, демографическими, экономическими и образовательными параметрами: связь уровня развития углубленных форм обучения с развитием социокультурных потребностей населения и с развитием в регионе системы высшего образования; связь неблагоприятных условий учительского труда (его высокая интенсивность) с неблагоприятием общей демографической ситуации в регионе; связь социальной привлекательности региона с качеством школьного образования; взаимосвязь высокого отсева учащихся из старшего звена школы не только с плохой укомплектованностью системы школьного образования педагогическими кадрами, но и с неблагоприятной ситуа-

¹ Игнатов В. Г., Бутов В. И. Регионоведение (экономика и управление). М. : ИКП «МарТ»; Ростов н/Д : МарТ, 2004. 528 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19746711> (дата обращения: 12.09.2018); Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России : моногр. М. : КДУ; Университетская книга, 2017. 368 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32369685> (дата обращения: 20.10.2018).

² Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/Regions_2010.pdf (дата обращения: 02.10.2018); Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. М. : ЛЕНАНД, 2016. 264 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25833612> (дата обращения: 02.10.2018); Айвазян С. А. Интегральные показатели качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. М. : ЦЭМИ РАН, 2000. 118 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26766108> (дата обращения: 03.08.2018); Левада Ю. А. Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 2. С. 5–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9235849> (дата обращения: 09.10.2018).

³ Журавлева И. В. Здоровье подростков: социологический анализ. М. : Изд-во ин-та социологии РАН. 2002. 240 с. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/biblio02.php> (дата обращения: 02.07.2018).

⁴ Международная лаборатория анализа образовательной политики // Официальный сайт национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://ioe.hse.ru/lepa/> (дата обращения: 25.07.2018).

цией, сложившейся на рынке труда, с высоким уровнем безработицы в регионе и др.⁵

В ранее изданных работах среди прочих уровней образовательного неравенства детей (личностный, семейный, школьный) нами выделяется региональный уровень [10]. При этом региональные факторы образовательного неравенства исследуются не только российскими учеными на примере российских регионов.

За рубежом активно разрабатываются проблемы неравенства образовательных возможностей детей, выделяется географический фактор [11; 12]. В Латинской Америке неравномерное распределение доходов привело к формированию слоя населения, позволяющего себе обучение в дорогостоящих образовательных учреждениях, начиная со средней школы [13].

Регион является одним из основных факторов стратификации образовательных возможностей в Китае. Так, в западной части Китая только 5,1 % детей имеют внеурочные занятия, в то время как в восточной части они есть у 12,8 % детей, а в средней части – у 12,1 % [12]. Значительно разнятся расходы семьи на образование. Так, например, расходы на ребенка в Шанхае в семь раз превышают аналогичные расходы в провинции Ганьсу [12].

Р. Фини предлагает дифференцировать районы Италии для того, чтобы сравнивать результаты PISA с другими странами ОЭСР. Так, северо-восточные регионы Италии демонстрируют более высокие показатели по отношению к США как по самому низкому (ниже уровня 1), так и по высокому (уровень 4 или 5) уровню грамотности чтения. Противоположная ситуация наблюдается в регионах юга, где более трети студентов демонстрируют недостаточный уровень компетентности [11].

Реализация детьми различных прав, в том числе прав на образование и медицинскую помощь, переносится в плоскость участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы. В коллективной монографии “A Handbook of Children and Young People’s Participation. Perspectives from theory and practice” исследователи переходят от интерпретации основных понятий к практикам и проблемам участия детей [14].

Материалы и методы. В качестве целевых показателей, характеризующих социальный потенциал детства в регионе, взяты:

- Y1 – средний балл ЕГЭ по русскому языку, балл;
- Y2 – доля выпускников без аттестата (численность без аттестата к общей численности), %;

⁵ Собкин В. С., Писарский П. С. Типы региональных образовательных ситуаций в Российской Федерации // Труды по социологии образования. Т. IV, вып. V. М.: Центр социологии образования РАО, 1998. 96 с. URL: http://elib.gnpbu.ru/sections/0500/trudy_po_socziologii_obrazovaniya (дата обращения: 16.07.2018).

- Y3 – отношение детей, не обучающихся в образовательных организациях, к численности населения младше трудоспособного возраста, %;
- Y4 – охват детей дошкольным образованием, %;
- Y5 – отношение детей, обучающихся в школах искусств, музыкальных и пр., к численности населения младше трудоспособного возраста, %;
- Y6 – отношение детей в возрасте до 14 лет, систематически занимающихся физической культурой, к численности населения младше трудоспособного возраста, %;
- Y7 – отношение выявленных безнадзорных и беспризорных к численности населения младше трудоспособного возраста, %;
- Y8 – доля детей, больных туберкулезом, %;
- Y9 – доля детей, больных злокачественными новообразованиями, %;
- Y10 – число умерших в возрасте до пяти лет на 1 000 родившихся живыми, чел.;
- Y11 – число детей-инвалидов (0–17 лет), состоящих под наблюдением в амбулаторно-поликлинических учреждениях, оказывающих медицинскую помощь детям, чел.;
- Y12 – численность детей I–II группы здоровья к численности населения младше трудоспособного возраста, %;
- Y13 – смертность детей от внешних причин смерти в возрасте 0–17 лет на 100 000 чел. соответствующего возраста, %.

Выбор данных факторов связан, с одной стороны, со смысловой нагрузкой понятия «социальный потенциал детства», а с другой – с имеющимися статистическими данными, собираемыми Росстатом, и выявленными корреляциями целевых и управляющих факторов. Так, например, в качестве Y решено было оставить средний балл ЕГЭ по русскому языку, а не по математике, в силу его более сильных связей с другими показателями. Из детских заболеваний были выбраны туберкулез и онкология как заболевания социально значимые, имеющие тесную связь с образом жизни и средой обитания.

Данные, собранные на предыдущих этапах работы [2; 15–17], были взяты за основу для проведения корреляционного анализа. В итоге был сформирован набор из 36 управляющих факторов, включающий группы инфраструктурных факторов (образование, здравоохранение, культура и спорт, транспорт), социально-экономических, территориально-поселенческих, демографических и экологических факторов:

- x1 – средняя наполняемость классов, чел.;
- x2 – отношение частных общеобразовательных организаций ко всем общеобразовательным организациям, %;
- x3 – доля школ, имеющих столовую или буфет, %;
- x4 – доля школ, в которых созданы условия для обучения инвалидов, %;

- x5 – среднее число участников клубных формирований в расчете на 1 тыс. чел. населения, чел.;
- x6 – процент обучающихся во 2–3-ю смену в общей численности обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, %;
- x7 – доля педагогов высшей категории, %;
- x8 – число персональных компьютеров образовательных организаций с доступом к Интернету на 100 учащихся, шт.;
- x9 – отношение расходов на образование к расходам всего, %;
- x10 – количество автобусов для перевозки детей (выпуск не более 10 лет) к численности лиц младше трудоспособного населения, %;
- x11 – отношение числа детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, к числу обучающихся детей всего, %;
- x12 – пропускная способность спортивных сооружений, чел.;
- x13 – среднее число вакцинированных детей в возрасте 12 мес., чел.;
- x14 – обеспеченность педиатрами (отношение педиатров к численности лиц младше трудоспособного населения), %;
- x15 – отношение заработной платы медицинских работников к средней заработной плате региона, %;
- x16 – расходы на обязательное медицинское страхование, руб./чел.;
- x17 – прирост мигрантов нетрудоспособного возраста, чел.;
- x18 – количество жителей с высшим образованием на 1 тыс. чел., чел.;
- x19 – отношение числа вузов и филиалов к численности населения на 10 000 чел.;
- x20 – отношение числа профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, к численности населения на 10 000 чел.;
- x21 – отношение числа преступлений в отношении несовершеннолетних к численности лиц младше трудоспособного населения, %;
- x22 – соотношение браков и разводов (на 1 000 браков приходится разводов), шт.;
- x23 – число посетителей театров и музеев на 1 000 чел., чел.;
- x24 – жилая площадь на 1 чел., м²;
- x25 – уровень занятости населения, %;
- x26 – инновационная активность организаций, %;
- x27 – средняя месячная температура воздуха в июле (фактическая), °С;
- x28 – средняя месячная температура воздуха в январе, °С;
- x29 – плотность населения, чел./км²;
- x30 – расстояния от Москвы до центров регионов, км;
- x31 – валовый региональный продукт на душу населения, руб.;
- x32 – отношение среднедушевого дохода населения к прожиточному минимуму в регионе, %;

- x33 – плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км путей на 1 000 км² территории;
- x34 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т/чел.;
- x35 – сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м³/чел.;
- x36 – использование свежей воды, млн м³/чел.

Некоторые из вышеперечисленных показателей нуждаются в дополнительных пояснениях. Под клубными формированиями (x5) понимаются добровольные объединения людей, основанные на общности интересов, запросов и потребностей в занятиях любительским художественным и техническим творчеством, в совместной творческой деятельности, способствующей развитию дарований его участников, освоению и созданию ими культурных ценностей, а также основанное на единстве стремления людей к получению актуальной информации и прикладных знаний в различных областях общественной жизни, культуры, литературы и искусства, науки и техники, к овладению полезными навыками в области культуры быта, здорового образа жизни, организации досуга и отдыха⁶. Среднее число вакцинированных детей (x13) рассчитывалось как среднее от общего количества детей, которым сделаны прививки против коклюша, полиомиелита и кори по достижению ими возраста 12 месяцев. Инновационная активность предприятий (x26) определяется как удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе организаций региона. Использование свежей воды (x36) – это использование забранной из различных источников водных ресурсов (включая морскую воду) для удовлетворения хозяйственных нужд. Сюда не включается оборотное водопотребление, а также повторное использование сточной и коллекторно-дренажной воды⁷.

Для регрессионного моделирования были отобраны пять целевых факторов: Y2, Y3 – характеризуют образование, Y8, Y12 – здоровье, Y10 – выживаемость детей.

Для расчетов использовались статистические данные, представленные в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели», на сайтах Единой межведомственной информационно-статистической

⁶ О нормативах штатной численности работников государственных и муниципальных учреждений культурно-досугового типа и библиотек: Приказ Министерства культуры РФ от 1 сентября 2011 г. № 906 // ГАРАНТ : справочно-информационная система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55072540/> (дата обращения: 06.06.2018).

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016. Стат. сб. М. : Росстат, 2016. 1326 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_14p/Main.htm (дата обращения: 06.06.2018).

системы (ЕМИСС), органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и аналитического агентства ООО «Автомобильная статистика» и др.⁸ Данные взяты за 2015/16 учебный год. Выборочная совокупность охватывает 75 регионов. По разным причинам (чаще всего из-за отсутствия данных) в выборку не были включены Архангельская, Сахалинская, Тюменская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республики Алтай, Дагестан, Крым, г. Севастополь, а также Чеченская республика.

Результаты исследования. На первом этапе для выявления взаимосвязей целевых факторов с управляющими был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона, расчеты производились посредством аналитической платформы Deductor. Далее для каждого из пяти целевых показателей были построены следующие регрессионные модели:

$$Y_2 = 19,051 - 0,067 \cdot x_7 + 0,0986 \cdot x_6 - 25,159 \cdot x_{22} - 0,1684 \cdot x_{26}, R^2 = 0,59249; \quad (1)$$

$$Y_3 = 0,8779 - 0,0018 \cdot x_4 + 0,0061 \cdot x_{25} - 0,0112 \cdot x_3, R^2 = 0,2929; \quad (2)$$

$$Y_8 = 0,02117 + 0,0000058 \cdot x_{30} - 0,000075 \cdot x_{32} + 0,00032 \cdot x_7, R^2 = 0,42655; \quad (3)$$

$$Y_{10} = 14,305 - 0,225 \cdot x_{24} - 0,124 \cdot x_{26}, R^2 = 0,2596; \quad (4)$$

$$Y_{12} = 24,44 + 0,1058 \cdot x_7 + 0,14 \cdot x_{11} + 0,0339 \cdot x_{32}, R^2 = 0,248. \quad (5)$$

Значения R^2 демонстрируют весьма низкие значения уровня объясненной регрессии, самое высокое значение $R^2 = 0,59249$ фиксируется в случае с оценкой воздействия управляющих факторов на долю выпускников, не получивших аттестат о полном среднем образовании в 2015/16 учебном году.

Анализ структуры регрессионных уравнений обнаруживает разную частотность попадания в них управляющих факторов. Фактор x_7 встречается трижды, факторы x_{26} и x_{32} – дважды, остальные – по 1 разу.

Для имитационного моделирования были отобраны регрессионные уравнения Y_2 , Y_8 , Y_{10} , Y_{12} , поскольку, с одной стороны, они характеризуют такие составляющие качества детства в регионах, как детское здоровье и образование, а с другой – в них присутствуют связанные факторы, которые позволяют построить единую модель социального потенциала детства в регионе. При этом необходимо отметить, что действия федеральных и региональных властей направлены на повышение

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели; Аналитическое агентство «Автомобильная статистика». URL: <https://www.autostat.ru/pages/radar/> (дата обращения: 30.05.2018); Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 16.05.2018).

значений показателя Y_{12} и снижение значений Y_2 , Y_8 и Y_{10} . Знаки коэффициентов управляющих факторов демонстрируют разнонаправленность их воздействия на целевые факторы.

Для перехода к имитационному моделированию присутствующие в регрессионных уравнениях управляющие (Y) и целевые факторы (x) были описаны в терминах системной динамики, перекодированы в динамические переменные, параметры и константы [15]. Полученные данные представлены в таблице 1. Исходное значение регулируемых параметров и констант по умолчанию задается как среднее от данных по 75 регионам (на конец 2015/16 учебного года).

Т а б л и ц а 1. Элементы модели «Социальный потенциал детства в регионе» и исходные значения для проведения экспериментов

Table 1. Elements of the simulation model of Social potential of childhood in a region and reference values for the experiments

Фактор / Factor	Обозначение в модели, элемент модели, единица измерения / Symbol in the model, element of the model, unit of measure	Значение по умолчанию / Default	Диапазон значений / Range of values
1	2	3	4
Доля выпускников без аттестата (численность без аттестата к общей численности) / Share of graduates without a certificate (proportion of those without a certificate to the total number of graduates)	$Y_2\_graduates$, Динамическая переменная, % / $Y_2\_graduates$, Dynamic variable, %	Определяется по формуле 1 / Determined by the formula 1	0–100
Доля детей, больных туберкулезом / Proportion of children with tuberculosis	$Y_8\_patients\_tuberculosis$, Динамическая переменная, % / $Y_8\_patients\_tuberculosis$, Dynamic variable, %	Определяется по формуле 3 / Determined by the formula 3	0–100
Число умерших в возрасте до пяти лет на 1 000 родившихся живыми / Number of deaths of children under five per 1,000 live births	$Y_{10\_dead\_5\_years}$, Динамическая переменная, % / $Y_{10\_dead\_5\_years}$, Dynamic variable, %	Определяется по формуле 4 / Determined by the formula 4	0–∞

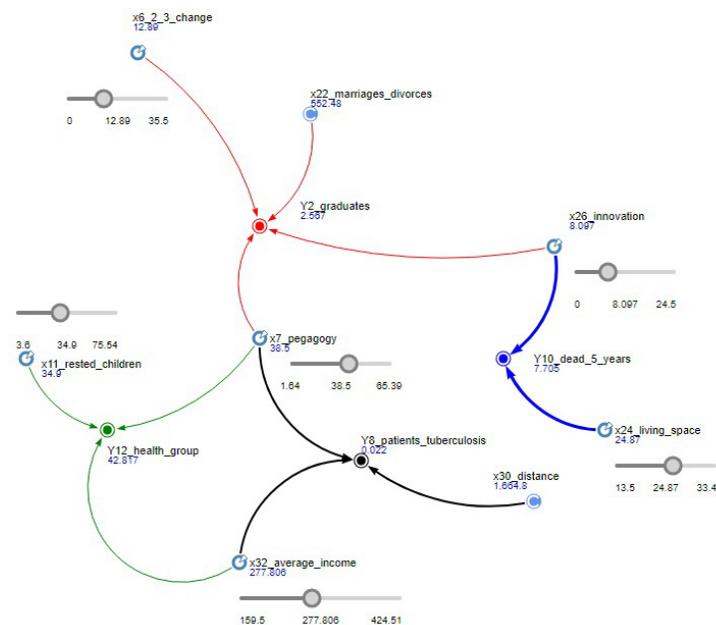
Продолжение табл. 1 / Continuation of table 1

1	2	3	4
Численность детей I–II групп здоровья к численности населения младше трудоспособного возраста / Proportion of children of health groups 1 and 2 to the population below the working age	Y12_health_group, Динамическая переменная, % / Y12_health_group, Dynamic variable, %	Определяется по формуле 5 / Determined by the formula 5	0–100
Процент обучающихся во 2–3-ю смену / Percentage of students having 2 nd and 3 rd shift classes	x6_2_3_change, Параметр, регулируемое значение, % / x6_2_3_change, Parameter, adjustable value, %	12,89	0–35,5
Доля педагогов высшей категории / Share of teachers of the highest category	x7_pegagogy, Параметр, регулируемое значение, % / x7_pegagogy, Parameter, adjustable value, %	38,50	1,64–65,39
Отношение числа детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, к числу обучающихся детей всего / Ratio of the number of children who had a rest in recreation camps to the number of enrolled children in total	x11_rested_children, Параметр, регулируемое значение, % / x11_rested_children, Parameter, adjustable value, %	34,90	3,6–75,54
Соотношение браков и разводов (на 1 000 браков приходится разводов) / Marriage and divorce ratio (divorce rate per 1,000 marriages)	x22_marriages_divorces, Константа, шт. / x 22_marriages_divorces, Constant	552,48	
Жилая площадь на 1 чел. / Living floor area per 1 person	x24_living_space, Параметр, регулируемое значение, м ² / x24_living_space, Parameter, adjustable value, m ²	24,87	13,5–33,4
Инновационная активность организаций / Innovative activity of organizations	x26_innovation, Параметр, регулируемое значение, % / x26_innovation, Parameter, adjustable value, %	8,09	0–24,5

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4
Расстояния от Москвы до центров регионов / Distances from Moscow to the regional centers	x30_distance, Константа, км / x30_distance, Constant, km	1664,8	
Отношение среднедушевого дохода населения к прожиточному минимуму в регионе / Ratio of average per capita income to the subsistence minimum in the region	x32_average_income, Параметр, регулируемое значение, % / x32_average_income, Parameter, adjustable value, %	277,806	159,5–424,51

Фрагмент построенной имитационной модели приведен на рисунке 1. Отметим, что данная схема является обобщенной и требует дальнейшей конкретизации. Для построения модели использован программный продукт AnyLogic (© The AnyLogic Company).

Р и с. 1. Фрагмент модели системной динамики «Влияние управляющих факторов на детство в регионах»

F i g. 1. Fragment of the system dynamics model “Influence of control factors on childhood in the regions”

Все представленные в имитационной модели управляющие факторы условно разделим на три группы: поддающиеся региональному регулированию (x_6, x_7, x_{11}), сложно поддающиеся (x_{24}, x_{26} и x_{32}) и константы (x_{22} и x_{30}). К управляющим факторам (параметрам) первых двух групп прикреплены элементы управления – «бегунки», позволяющие менять исходные значения и проводить эксперименты. Значение констант изначально задано как среднее по выборке. Выделение двух других групп факторов важно для организации экспериментов с построенной моделью. Для установления значений факторов, сложно поддающихся региональному регулированию, будет исследована их динамика за предшествующий пятилетний период.

В таблице 2 приведены результаты первого эксперимента, направленного на проверку устойчивости и точности построенной модели. Для этого значения переменных устанавливаются как среднегодовые результаты 2015/16 учебного года. Эксперимент 1 показал высокую точность моделирования, максимальное относительное отклонение полученных в ходе эксперимента 1 данных от фактических результатов 2015/16 учебного года составило 3,72 %.

Таблица 2. Результаты эксперимента 1 с имитационной моделью

Table 2. Results of experiment 1 involving the simulation model

Целевые факторы / Target factors	Среднее фактическое значение / Average actual value	Значение показателя, рассчитанное по модели / Value of the indicator calculated according to the model	Абсолютное отклонение / Absolute deviation	Относительное отклонение, % / Relative deviation, %
Y2	2,474	2,486	0,0121	100,49
Y8	0,0224	0,0223	-0,0001	99,47
Y10	7,699	7,705	0,0064	100,08
Y12	42,847	42,819	-0,0283	99,93

Для проведения второго эксперимента значения управляющих факторов (x) были изменены на значения среднегодового прироста за предшествующие 5 лет, за исключением фактора x_7 (см. табл. 3). Среднегодовое отклонение показателей за 5 лет рассчитывалось как среднее от ежегодных относительных отклонений факторов. Для третьего эксперимента значения управляющих факторов x_6, x_7 и x_{11} за 2015/16 учебный год были изменены на +/- 25 %. Сделано это было исходя из предположения о том, что эти факторы в большей степени поддаются регулированию на региональном уровне.

Итоговые значения управляющих факторов представлены в таблице 3, а результаты экспериментов 2 и 3 – в таблице 4.

Таблица 3. Анализ изменений управляющих факторов в 2010–2015 гг.
Table 3. Analysis of changes in control factors in 2010–2015

Факторы / Factors	Среднее значение в 2015/16 учебном году / Average value in the academic year 2015-16	Среднее значение фактора за 5 лет / Average value of the factor for 5 years	Среднегодовое отклонение показателя за 5 лет, % / Average annual deviation for 5 years, %	Значение факторов для проведения эксперимента 2 / Value of the factors for Experiment 2	Значение факторов для проведения эксперимента 3 / Value of the factors for Experiment 3
x_6	12,8893	13,05	-1,5	12,6960	9,667
x_7^*	38,5099	36,18	0,58	38,7332	48,137
x_{11}	34,9	36,61	-3,66	33,6272	43,6308
x_{24}	24,87	23,4167	1,55	25,2562	31,0883
x_{26}	8,097	9,92	-0,918	8,023	10,1217
x_{32}	277,806	311,2	0,1693	278,2763	347,2575

* Проанализированы данные за 3 года / Analyzed data for 3 years.

Таблица 4. Результаты второго и третьего экспериментов с имитационной моделью

Table 4. Results of experiments 3 and 4 involving the simulation model

Целевые факторы / Target factors	Среднее значение в 2015/16 учебном году / Average actual value in the academic year 2015-16	Результаты эксперимента 2 / Results of Experiment 2	Результаты эксперимента 3 / Results of Experiment 3	Относительное отклонение результатов эксперимента 2, % / Relative deviation of the results of Experiment 2, %	Относительное отклонение результатов эксперимента 3, % / Relative deviation of the results of Experiment 3, %
Y2	2,474	2,469	1,110	99,81	44,88
Y8	0,02243	0,02235	0,02019	99,63	89,98
Y10	7,699	7,628	6,055	99,08	78,65
Y12	42,847	42,679	47,413	99,61	110,66

В ходе эксперимента 2 обнаружено, что при сохранении динамики и тенденций изменений управляющих факторов фиксируется желаемое снижение значений регулируемых показателей «доля выпускников без аттестата», «доля детей, больных туберкулезом» и «численность умерших в возрасте до пяти лет на 1 000 родившихся живыми». Однако снижение числа детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях (x11), на 3,66 % от среднефактического значения в 2015/16 учебном году привело к снижению показателя «численность детей I–II групп здоровья» на 0,39 %, что является нежелательным изменением. Так, показатель «доля детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях» снизился с 39,28 в 2013 г. до 35,08 % в 2015 г., а число детей, отдохнувших в детских и подростковых летних оздоровительных учреждениях, сократилось с 5 823 197 до 5 671 940 чел.⁹ По оценкам BusinesStat, в 2016 г. средние траты россиян на детские лагеря составили 36 тыс. руб. в год на одного ребенка. С 2012 г. этот показатель увеличился на 40,5 %, а к 2021 г. аналитики прогнозируют среднюю цену путевки в 48 тыс. руб.¹⁰

В ходе третьего эксперимента были изменены исходные значения группы управляющих факторов, поддающихся постоянному регулированию, – факторы x6, x7 и x11. В результате получены рост показателя Y12 и существенные снижения значений показателей Y2 и Y10, а также снижение значений Y8.

Обсуждение и заключение. Построенная имитационная модель представляет собой фрагмент оценки влияния управляющих факторов на детство в российских регионах. Анализ взаимосвязей целевых и управляющих факторов позволил выйти на четыре целевых показателя, характеризующих образование (доля выпускников без аттестатов), здоровье (доля детей, больных туберкулезом, и доля детей I–II групп здоровья) и выживаемость (число умерших в возрасте до пяти лет на 1 000 родившихся живыми) детей. При этом три из четырех целевых фактора нуждаются в снижении.

Выделенные управляющие факторы были разделены на три группы – константы; факторы, поддающиеся региональному урегулированию и факторы, трудно поддающиеся региональному регулированию. Константы связаны, преимущественно, с физическими характеристиками региона – его расположением, природно-климатическими особенностями. Исследовательский интерес представляют вторая и третья группы факторов. В одном случае для изменения их значений нужно воздействовать

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели; Единая межведомственная информационно-статистическая система.

¹⁰ Кошкина А. Путевка в город // Деловой еженедельник «Профиль». URL: <https://www.profil.ru/obsch/item/118141-putevka-v-gorod> (дата обращения: 06.07.2018).

в целом на социально-экономическую ситуацию в регионе, поскольку экономический подъем вызовет рост среднедушевых доходов населения, повлияет на обеспеченность населения жильем и инновационную активность предприятий. Необходимо продолжить работу по поиску факторов, создающих региональный фон. Факторы, поддающиеся региональному регулированию, более прозрачны и нуждаются, в первую очередь, в финансовой поддержке – это касается и сменности занятий в школах, и летнего оздоровления детей, и повышения квалификации школьных учителей.

Имитационная модель социального потенциала детства в российских регионах может быть использована для построения региональных прогнозов в области здоровья и образования детей, исследования целевых показателей детства в конкретных регионах, выработки рекомендаций по развитию социального потенциала детства с учетом региональной специфики.

Следующая серия экспериментов с построенной моделью будет связана с исследованием конкретных регионов, прогнозированием возможных изменений социального потенциала детства в них.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филипова А. Г., Еськова А. В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // Регионология. 2016. № 3. С. 137–146. URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2016_3.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
2. Филипова А. Г., Еськова А. В. Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // Регионология. 2017. Т. 25, № 3. С. 438–455. URL: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2017_3.pdf (дата обращения: 11.08.2018).
3. Савина С. А., Кособокова Е. В., Дильман Д. А. Социально-экономический аспект кластеризации в регионах РФ // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1 (68). С. 350–354. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25872134> (дата обращения: 20.07.2018).
4. Вовк Н. А., Маслова Е. Ю. Особенности финансов субъектов РФ: региональная и историческая специфика регионов-доноров и регионов-реципиентов // Вопросы экономических наук. 2017. № 2 (84). С. 32–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984283> (дата обращения: 20.07.2018).
5. Фрумкин Д. С. Благополучные и депрессивные регионы в социальном пространстве России // Экономика и управление. 2008. № 6 (38). С. 215–218. URL: http://emj.spbume.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=63&Itemid=35 (дата обращения: 21.07.2018).
6. Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Мониторинг участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы // Вопросы статистики. 2013. № 10.

С. 29–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20309354> (дата обращения: 14.09.2018).

7. Калабихина И. Е. О перспективах реализации Национальной стратегии действий в интересах детей // Вестник московского университета. Сер. 6: Экономика. 2015. № 6. С. 58–80. URL: <https://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2015/6/> (дата обращения: 04.10.2018).

8. Баранов А. А., Лапин Ю. Е. Государственная политика в области охраны здоровья детей: правовое обеспечение, структура и содержание // Вопросы современной педиатрии. 2007. Т. 6, № 6. С. 5–9. URL: https://vsp.spr-journal.ru/jour/article/view/1300?locale=ru_RU (дата обращения: 20.09.2018).

9. Баранов А. А., Яковлева Т. В., Лапин Ю. Е. Охрана здоровья детей в системе государственной политики // Вестник российской академии медицинских наук. 2011. № 6. С. 8–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16459829> (дата обращения: 21.07.2018).

10. Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17. URL: <http://www.jsr.su/2018/2/n.html> (дата обращения: 19.10.2018).

1. Fini R. School Achievement in Italy. An Empirical View // International Studies in Educational Inequality. Theory and Policy. 2007. Pp. 157–175. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5916-2_20

12. Lamb S., Guo Z. Transforming School Education in China to a Mass System: Progress and Challenges // International Studies in Educational Inequality. Theory and Policy. 2007. Pp. 295–314. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5916-2_26

13. Cornia G. A. Inequality, growth, and poverty: An overview of changes over the last two decades // Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalisation and Globalisation. 2005. Pp. 3–25. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199271410.003.0001>

14. Percy-Smith B., Thomas N. A Handbook of children and young people's participation. Perspectives from theory and practice. Routledge. 2009. 400 p. URL: http://nmd.bg/wp-content/uploads/2013/02/Routledge-A_Handbook_for_Children_and_Young_Peoples_Participation.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

15. Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Методика построения имитационной модели (на примере среднего балла ЕГЭ в российских регионах) // Вестник Института социологии. 2017. № 23. С. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.481>

16. Филипова А. Г., Еськова А. В. Оценка влияния региональных показателей на здоровье детей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4. С. 124–132. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/124-132>

17. Высоцкая А. В. Система среднего общего образования в российских регионах: построение имитационной модели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/30-37>

Поступила 02.08.2018; принята к публикации 07.09.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Филипова Александра Геннадьевна, профессор Департамента социальных наук ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (690922, Россия, Приморский край, о. Русский, п. Аякс 10, кампус ДВФУ), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7475-1961>, Researcher ID: L-5384-2015, alexgen77@list.ru

Высоцкая Алёна Валерьевна, и. о. заведующего кафедрой информационных систем ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7048-028X>, Researcher ID: W-4879-2017, al-w-buaa@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Филипова Александра Геннадьевна – научное руководство; развитие методологии; критический анализ; окончательная доработка текста статьи.

Высоцкая Алёна Валерьевна – сбор и анализ данных; визуализация; компьютерное моделирование данных; представление данных в тексте; доработка текста.

Для цитирования:

Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Построение имитационной модели «Социальный потенциал детства в регионе» // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 764–783. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.764-783>

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Filipova A.G., Eskova A.V. Social potential of childhood in a region: Building the topical area ontology. *Regionologiya = Regionology*. 2016; 3:137-146. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2016_3.pdf (accessed 01.08.2018). (In Russ.)

2. Filipova A.G., Eskova A.V. Social potential of a region: Experience of using cluster analysis. *Regionologiya = Regionology*. 2017; 25(3):438-455. Available at: http://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2017_3.pdf (accessed 11.08.2018). (In Russ.)

3. Savina S.A., Kosobokova E.V., Dilman D.A. Socio-economic aspect of clustering in the regions of the Russian Federation. *Ehkonomika i predprinimatelstvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2016; 3-1(68):350-354. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25872134> (accessed 20.07.2018). (In Russ.)

4. Vovk N.A., Maslova E.Yu. [Features of finance of territorial subjects of the Russian Federation: Regional and historical specifics of donor regions and regions recipients]. *Voprosy ehkonomicheskikh nauk = Issues of Economic Sciences*. 2017; 2(84):32-33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984283> (accessed: 20.07.2018). (In Russ.)

5. Frumkin D.S. [Safe and depressive regions in social space of Russia]. *Ehkonomika i upravlenie* = Economics and Management. 2008; 6(38):215-218. Available at: http://emj.spbume.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=63&Itemid=35 (accessed: 21.07.2018). (In Russ.)

6. Kalabikhina I.E., Kuchmaev O.V. Monitoring children's participation in making decisions related to their interests. *Voprosy statistiki* = Issues of Statistics. 2013; 10:29-35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20309354> (accessed 14.09.2018). (In Russ.)

7. Kalabikhina I.E. The implementation of the national strategy for action on children. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ehkonomika* = Moscow University Economics Bulletin. 2016; 43(1):50-65. Available at: <https://www.econ.msu.ru/science/economics/archive/2015/6/> (accessed 04.10.2018). (In Russ.)

8. Baranov A.A., Lapin Yu.E. State children's healthcare policy: Enforceability, structure and subject matter. *Voprosy sovremennoj pediatrii* = Current Pediatrics. 2007; 6(6):5-9. Available at: https://vsp.spr-journal.ru/jour/article/view/1300?locale=ru_RU (accessed 20.09.2018). (In Russ.)

9. Baranov A.A., Yakovleva T.V., Lapin Yu.E. Children's health protection in the state political system. *Vestnik rossijskoj akademii medicinskih nauk* = Annals of the Russian Academy of Medical Sciences. 2011; 6:8-12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16459829> (accessed 21.07.2018). (In Russ.)

10. Filipova A.G., Vysockaya A.V. Educational inequality in school: From the interpretation of the concept to determinative factors. *Sotsialnye issledovaniya* = Journal of Social Research. 2018; 2:1-17. Available at: <http://www.jsr.su/2018/2/n.html> (accessed 19.10.2018). (In Russ.)

11. Fini R. School achievement in Italy an empirical view. In: International Studies in Educational Inequality. Theory and Policy. 2007. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5916-2_20

12. Lamb S., Guo Z. Transforming school education in China to a mass system: Progress and challenges. In: International Studies in Educational Inequality. Theory and Policy. 2007. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5916-2_26

13. Cornia G.A. Inequality, growth, and poverty: An overview of changes over the last two decades. In: Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalisation and Globalisation. 2005. DOI: <https://doi.org/10.1093/0199271410.003.0001>

14. Percy-Smith B., Thomas N. A Handbook of Children and Young People's Participation. Perspectives from theory and practice. Routledge; 2009. Available at: http://nmd.bg/wp-content/uploads/2013/02/Routledge-A_Handbook_for_Children_and_Young_Peoples_Participation.pdf (accessed 19.09.2018).

15. Filipova A.G., Vysockaya A.V. The method for imitation model structuring (Using the unified state exam average score in Russian regions as an example). *Vestnik Instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2017; 23:71-89. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.481>

16. Filipova A.G., Eskova A.V. Assessment of regional indicators influence on children's health. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* = Ojkumena. Regional Researches. 2017; 4:124-132. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2017-4/124-132>

17. Vysockaya A.V. The system of secondary general education in the Russian regions: The construction of a simulation model. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* = Ojkumena. Regional Researches. 2018. 1:30-37 DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-1/30-37>

Submitted 02.08.2018; accepted for publication 07.09.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Alexandra G. Filipova, Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russia), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7475-1961>, Researcher ID: L-5384-2015, alexgen77@list.ru

Alena V. Vysockaya, Acting Head of the Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur 681013, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7048-028X>, Researcher ID: W-4879-2017, al-w-buaa@rambler.ru

Contribution of the authors:

Alexandra G. Filipova – scientific supervision; development of methodology; critical analysis; finalization of the text of the article.

Alena V. Vysockaya – data collection and analysis; visualization; computer modeling of data; data presentation in the text; text revision.

For citation:

Filipova A.G., Vysockaya A.V. Construction of the Simulation Model of Social Potential of Childhood in a Region. *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):764-783. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.764-783>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.4-057.875

http://regionsar.ru

DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.784-797

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи (социологический анализ)

Ж. В. Жираткова^{1*}Т. Э. Петрова²А. В. Леонтьева³¹ ОЧУ ВО «Российская международная академия туризма»

(г. Москва, Россия),

*zanna_z@mail.ru

² ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт

(национальный исследовательский университет)» (г. Москва, Россия)

³ ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Введение. Проблема здоровья населения продолжает оставаться актуальной, потому что это не только личная, но и общественная ценность: больное население не может стать надежной опорой государства. Особенно это касается молодежи, являющейся ключевым показателем благополучия общества и страны в целом. Цель статьи – изучить мнения студенческой молодежи о здоровом образе жизни, профилактике вредных привычек, негативном воздействии различных факторов, пропаганде здорового образа жизни средствами туризма.

Материалы и методы. В ходе исследования был применен комплекс методов: аналитико-синтетическое изучение научно-методической литературы, логические методы анализа понятий, анкетирование, экспертная оценка и пр. При проведении

© Жираткова Ж. В., Петрова Т. Э., Леонтьева А. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

исследования использовалась квотная выборка. Для обработки эмпирических данных были задействованы процентное распределение и ранжирование.

Результаты исследования. Проведенный эксперимент определил, что большинство студентов демонстрируют хорошее состояние здоровья и оптимизм, проявляют терпимое отношение к лицам, употребляющим алкоголь и наркотики. Доказана зависимость здоровья и самочувствия молодежи от социально-психологического микроклимата, который создается в учебных группах и общежитиях, от дружбы и сплоченности самих студентов.

Обсуждение и заключение. Только путем формирования моды на здоровый образ жизни можно оградить студентов от негативных последствий при переходе от этапа молодости к взрослой жизни. Полученные материалы могут стать основой мониторинга этих процессов в образовательных организациях и задать новые векторы оздоровления обучающихся, совершенствования совместной работы педагогов и наставников.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, студенческая молодежь, состояние здоровья, вредные привычки, спиртные напитки, неправильное питание, физическая активность

Благодарности. Авторы благодарны рецензенту, чьи ценные комментарии позволили исправить фактические неточности и улучшить качество текста.

Promotion of a Healthy Lifestyle among Students (a Sociological Analysis)

Zh. V. Zhiratkova^{a*}, T. E. Petrova^b, A. V. Leontyeva^c^a Russian International Academy for Tourism (Moscow, Russia),

*zanna_z@mail.ru

^b Moscow Aviation Institute (National Research University)
(Moscow, Russia)^c Moscow City University (Moscow, Russia)

Introduction. The issue of public health is still relevant, as not only is it an individual value, but also a social one: an unhealthy population cannot be a reliable support for the state. This is especially true of young people, who are a key indicator of the well-being of the society and the country as a whole. The goal of the paper is to study the opinions of students about a healthy lifestyle and its promotion through tourism, prevention of addictions and negative impacts of various factors.

Materials and Methods. In the course of the research, a set of methods was applied: analytical and synthetic study of scientific and methodological literature, logical methods for analyzing concepts, questionnaire surveys, expert evaluation, etc. The study also used quota sampling. Percentage distribution and ranking were used to process the empirical data.

Results. The conducted experiment has revealed that most students enjoy good health and show optimism, they have a tolerant attitude towards people consuming alcohol or drugs. The study has proved that health and well-being of young people depend on the socio-psychological microclimate in students' groups and dormitories, as well as on the friendship and solidarity of students themselves.

Discussion and Conclusion. Only promoting a fashion for a healthy lifestyle one can protect students from negative consequences during the transition from the youth

to adulthood. The materials obtained can become the basis for monitoring these processes in educational organizations and set new vectors for students' better health, for improving the teamwork of teachers and mentors.

Keywords: healthy lifestyle, students, state of health, addictions, alcoholic drinks, unhealthy diet, physical activity

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewer, whose valuable comments allowed them to correct factual inaccuracies and improve the quality of the text.

Введение. Одной из острейших проблем XXI в. является проблема сохранения здоровья нации. В концепции Э. Фромма «здоровье личности в целом зависит, в первую очередь, не от самого индивида, а от структуры данного общества, которое оказывает как развивающее, так и деформирующее влияние на человека»¹.

Одной из задач системы образования на современном этапе является ее модернизация и создание условий для охраны и укрепления здоровья обучающихся, формирования у них культуры здорового и безопасного образа жизни. Личностные результаты освоения основной образовательной программы образовательной организации кроме всего прочего включают принятие учащимися ценностей здорового и безопасного образа жизни, потребности в физическом самосовершенствовании, занятиях спортивно-оздоровительной деятельностью, неприятие вредных привычек: курения, употребления алкоголя, наркотиков. Пропаганда здорового образа жизни с учетом индивидуальных интересов и предпочтений обучающихся может осуществляться не только на занятиях по отдельным учебным предметам, но и в рамках программ факультативов, кружков, элективных курсов, в том числе просветительской здоровьесберегающей направленности.

Популяризация здорового образа жизни в Российской международной академии туризма ведется посредством проведения студенческих научно-практических конференций «От здорового образа жизни к культуре здоровья», различных акций («День без табака», «Всемирный день борьбы со СПИДом» и т. д.), спортивных мероприятий («Садача норм ГТО», «Самый сильный, самый смелый, самый находчивый», «Всемирный День туризма», «Турслет» и т. п.)².

¹ Цит. по: Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции // Социальное самочувствие населения в современной России : тезисы докл. Всерос. науч.-практ. конф. (4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 131–134.

² Жираткова Ж. В. От вредных привычек к здоровому образу жизни // Формирование здорового образа жизни у молодежи и студентов: проблемы и пути их решения : материалы Междунар. конф. в формате круглого стола (14 марта 2018 г., Москва). М. : Университетская книга, 2018. С. 193–198.

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, молодые люди активно интересуются проблемами ЗОЖ: в октябре 2017 г. министерством совместно с социальной сетью «Одноклассники» была проведена федеральная неделя здоровья. В ее рамках ежедневно проводились онлайн-лекции, прямые эфиры с всероссийской акцией по тестированию на ВИЧ-инфекцию и Всемирного форума по общественному здоровью. В режиме онлайн пользователи задавали вопросы спикерам форума, в том числе Министру здравоохранения Российской Федерации В. И. Скворцовой. Суммарно трансляции лекций набрали в «Одноклассниках» около 3 млн просмотров. Кроме того, главную страницу авторизации социальной сети с лентой публикаций о здоровом образе жизни пользователи посетили более 250 млн раз. В социальной сети также прошел флешмоб «Спасибодоктор»: пользователи могли поделиться в ленте текстом или фотографиями с благодарностью своим врачам. Во флешмобе приняли участие более 20 тыс. чел.: большинство людей оставляли личные благодарности своим докторам. Молодые люди также могли рассказать о том, как они ведут здоровый образ жизни, и принять участие в конкурсе в мобильном приложении ОК Live. К акции с хэштегом #язазог присоединились больше тысячи человек.

12 октября 2017 г. в онлайн-шоу «ОК на связи!» приняла участие Министр здравоохранения Российской Федерации В. И. Скворцова. Она ответила на вопросы и рассказала о пользе прививок, средней продолжительности жизни россиян и своем отношении к новым болезням – в частности, зависимости от смартфона. Трансляция эфира с Министром здравоохранения собрала более 4 млн просмотров. Пользователи «Одноклассников» активно интересовались вопросами здорового образа жизни: по ходу недели здоровья официальная группа Минздрава России выросла на 10 000 подписчиков, а ее средний дневной охват увеличился на 43 %³.

Целью нашего исследования было изучение представлений студенческой молодежи об основных стимулах и факторах формирования культуры здорового образа жизни, включающего профилактику вредных привычек и пропаганду его средствами туризма.

Обзор литературы. Здоровье населения России в настоящее время находится в критическом состоянии. Ухудшение экологического фона, распространение таких негативных факторов, как алкоголизм, курение, наркомания, очень остро ставят вопрос о физическом здоровье молодого поколения. Необходимо отметить высокую смертность молодежи от внешних причин, а именно 70 % молодых мужчин и более 50 %

³ 3 миллиона просмотров собрали онлайн-лекции Минздрава России в «Одноклассниках» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/10/18/6280-3-milliona-prosmotrov-sobrali-onlayn-lektsii-minzdrava-rossii-v-odnoklassnikah> (дата обращения: 30.11.2017).

женщин погибают от травм, ДТП, суицидов, алкогольных и наркотических отравлений⁴. Общая заболеваемость подрастающего поколения (болезненность) в возрасте 15–17 лет в 2014–2015 гг. характеризовалась следующими показателями в разрезе федеральных округов: большая заболеваемость молодежи была свойственна для Приволжского и Центрального федеральных округов. Самыми устойчивыми к заболеваниям являлись Дальневосточный и Крымский федеральные округа. Молодые люди довольно уверенно ставят здоровье на первые места в иерархии жизненных ценностей и приоритетов, но при этом, как показывают социологические исследования, они не принимают должных мер по сохранению и приращению этого капитала [1]. Причина такого несоответствия заключается в том, что часто здоровье воспринимается как нечто безусловно данное, само собой разумеющееся, и потребность в нем возникает только в ситуации дефицита. При полном физическом, психическом и социальном благополучии потребность в здоровье не осознается людьми в целом, а появляется лишь в случае необходимости, по мере его утраты. По оценкам ООН, в 2017 г. Россия занимала 125-е место по средней продолжительности жизни⁵. У женщин в 2017 г. она составила 77,4 года, а у мужчин – 67,5⁶.

Здоровье – ценность не только личная, но и общественная: большое население не может стать надежной опорой государства. Особенно это касается молодежи, являющейся ключевым показателем благополучия общества и страны в целом. Здоровье подрастающего поколения во многом определяется особенностями периода их учебы, который, в свою очередь, часто сопровождается психическими нагрузками и повышенными требованиями [2]. Вместе с тем не могут не вызывать тревогу объективные оценки состояния здоровья молодежи. О социальной значимости данной проблемы свидетельствует и тот факт, что снижение показателей уровня здоровья молодежи отрицательно скажется на состоянии ее здоровья в последующие годы, что может привести к вступлению в активный трудоспособный возраст нездорового поколения. Поэтому создание условий и возможностей для реализации здорового образа жизни становится приоритетной задачей политики любого прогрессивного государства [3; 4].

⁴ Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fadm.gov.ru/documents/download/348/> (дата обращения: 02.07.2018).

⁵ Продолжительность жизни в России – 72,5 года. Это много или мало? [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/15/prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-72-5-goda-eto-mnogo-ili-malo> (дата обращения: 15.12.2017).

⁶ Мужчины и женщины: как менялась средняя продолжительность жизни в России? [Электронный ресурс]. URL: <http://takovzakon.ru/muzhchiny-vs-zhenshhin-kak-menjalas-srednjaja-prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii/> (дата обращения: 03.03.2018).

Политика здорового образа жизни (ЗОЖ) начинает формироваться и в России. Одной из главных задач, имеющих существенное значение в социальном развитии страны, в формировании ЗОЖ среди россиян, является вовлечение граждан России в систематические занятия физической культурой и спортом, особенно детей, подростков и молодежи.

Материалы и методы. С целью выявления отношения студентов к ЗОЖ Российская международная академия туризма в январе – феврале 2018 г. провела социологическое исследование на тему «Ценностное отношение к ЗОЖ»⁷. Опрос осуществлялся среди студентов Московского филиала ОЧУ ВО «Российская международная академия туризма». В анкетировании приняли участие 288 чел., из них 177 девушек и 111 юношей. Возраст респондентов составил от 16 до 30 лет, подавляющее большинство (53,1 %) опрошенных находятся в интервале от 16 до 18 лет, из них девушек – 52,3 %, юношей – 47,7 %.

Подобные опросы в последние годы были проведены и среди студентов Научно-исследовательского университета – Высшей школы экономики в г. Москве, Кубанского и Адыгейского государственных университетов, Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета, студентов г. Хабаровска, г. Самары, г. Перми, Уральского федерального университета и других вузов⁸ [1; 5–8].

Результаты исследования. В последние годы в российской среде наметилась положительная тенденция популяризации здорового образа жизни. По нашему мнению, именно путем формирования моды на здоровый образ жизни можно оградить студентов от негативных последствий при переходе от этапа молодости к взрослой жизни.

При проведении исследования респондентам Московского филиала были предложены анкеты из 37 вопросов, относящихся к различным аспектам здорового образа жизни. Один из них касался наличия у студентов вредных привычек. На вопрос «Является ли Ваш образ жизни здоровым?» 16,0 % ответили утвердительно, 52,0 – оценивают свой образ жизни как «частично здоровый», 26,4 – дали отрицательный ответ и 5,6 % опрошенных затруднились с ответом. Полученные нами данные коррелируют с ответами респондентов вузов России. 32 % студентов Кубанского государственного университета на вопрос «Ве-

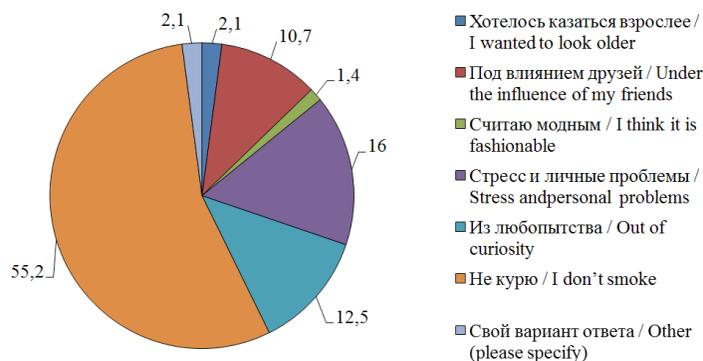
⁷ Исследование выполнено с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов в рамках реализации проекта «Разработка модели пропаганды здорового образа жизни у молодежи и студентов средствами туризма».

⁸ Боронина Л. Н. Физическая культура и спорт как фактор профилактики саморазрушительного поведения // XIX Уральские социологические чтения: Региональные особенности разработки и реализации социальной политики : сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 14–16 марта 2013 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 52–63; Зубкова А. Н. Повышение мотивационной ценности здорового образа жизни [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2016/10/16548> (дата обращения: 04.05.2018).

дете ли Вы здоровый образ жизни?» ответили положительно, 50 – отрицательно, 18 % – не смогли определиться с ответом⁹. 33,8 % респондентов из г. Хабаровска ведут здоровый образ жизни, 37,2 – «скорее всего» ведут здоровый образ жизни, 11 – отрицают, а 18 % – сомневаются, что ведут здоровый образ жизни [7, с. 159]. По мнению Я. В. Ушаковой, «...на самооценках своего здоровья, отношения к нему и самочувствию в целом не может не сказаться возрастной фактор»¹⁰. Полученные нами данные свидетельствуют не только о реально хорошем состоянии здоровья, но и об оптимизме, свойственном современной молодежи.

Вредные привычки, оказывающие пагубное влияние на организм человека, глубоко укоренились в молодежной среде. В ходе проведенного исследования было выявлено, что большая часть опрошенных (58,7 %) имеют вредные привычки, 41,3 % отрицают их наличие. Тревогу вызывает тот факт, что количество девушек, имеющих вредные привычки (57,5 %), превышает количество молодых людей (42,5 %) [9, с. 699].

Среди вредных привычек лидирующее место занимает курение. Россия входит в топ-10 самых курящих стран¹¹. Наиболее частыми причинами, из-за которых молодые люди начали курить, становились стресс или личные проблемы (16,0 %), любопытство (12,5), влияние друзей (10,7 %) (рис. 1).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос «Если Вы курите, то, что послужило этому причиной?»

F i g. 1. Distribution of responses to the question “If you smoke, why did you start?”

⁹ Зубкова А. Н. Повышение мотивационной ценности здорового образа жизни.

¹⁰ Ушакова Я. В. Практики самосохранительного поведения студенческой молодежи: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2010. С. 26–27.

¹¹ Топ-10. Самые «курящие» страны [Электронный ресурс]. URL: <http://pooha.net/society/countries/167-smoking-countries-top10> (дата обращения: 02.03.2018).

Данные, полученные в ходе аналогичных социологических исследований, подтверждают наши выводы о том, что в последние годы среди студенческой молодежи наметилась положительная тенденция уменьшения количества курящих. Так, 88,5 % респондентов Адыгейского и Кубанского государственных университетов не курят и никогда не курили, 5,2 % – курили ранее, но затем бросили [6, с. 159]. Более половины участников опроса (56,8 %), проведенного в г. Хабаровске, ответили, что не курят вообще, 15 % курили, но оставили эту пагубную привычку [7, с. 159–160]. Что касается студенческой молодежи Уральского федерального университета, то постоянно курят 18 % респондентов, периодически – 12–17 %¹².

Наибольшую угрозу здоровью населения и социально-экономическому положению страны вызывают наркомания и алкоголизм. В последние годы в России наметилась положительная тенденция снижения потребления алкоголя на душу населения в пересчете на чистый спирт, которая в 2017 г. составила 10 л¹³. Эксперты констатируют, что россияне научились получать удовольствие без алкоголя – например, от занятий спортом. Положительная динамика наблюдается у мужчин в возрасте 20–40 лет (в эту выборку попадают и наши респонденты), так как они больше женщин нацелены на социальный успех. Подобные данные получены и в результатах других исследований (проведенных на Кубани, в Адыгее, Хабаровске, Екатеринбурге, Москве, Самаре, Перми). Наш опрос показал, что 40,1 % респондентов не употребляют спиртные напитки вообще, 26,4 – пьют «для поднятия настроения», 20,5 – «за компанию», 7,6 – с помощью алкоголя «снимают стресс и решают личные проблемы» (рис. 2).

Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы употребляете спиртные напитки, то для чего?»

F i g. 2. Distribution of responses to the question “If you drink alcohol, why do you do it?”

¹² Боронина Л. Н. Физическая культура и спорт как фактор профилактики саморазрушительного поведения. С. 53.

¹³ Потребление алкоголя в России сократилось на 40 % за десять лет [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2018/02/07 (дата обращения: 15.02.2018).

Сравним результаты других исследований. Подавляющее большинство студентов Кубанского и Адыгейского государственных университетов не употребляют алкогольных напитков, причем 47,1 % – никогда этого не делали [6, с. 159]. Такую же положительную динамику показал опрос, проводимый в Хабаровске [7, с. 160]. Половина респондентов Уральского университета употребляют спиртные напитки. Значительная часть молодых людей ссылаются на периодическое употребление, и только у 2–6 % можно проследить пагубную динамику. При этом уменьшилась доля лиц, периодически употребляющих спиртные напитки¹⁴. Л. С. Зосимова и М. Г. Колосницына констатируют, что «подавляющее большинство студентов Высшей школы экономики, Самарского и Пермского университетов (87 %) хотя бы время от времени употребляют спиртные напитки; 12,1 % юношей и 10,9 % девушек злоупотребляют алкоголем <...> Основная причина, по которой студенты употребляют алкоголь, – желание отпраздновать какое-либо событие, весело провести время (63 % опрошенных)» [5, с. 119, 123].

Приобщение к курению и употреблению спиртных напитков проходит ряд стадий («под влиянием друзей», «из любопытства», «это модно» и «снятие стресса») и через период ситуативного употребления приводит к формированию зависимости. Многие опрошенные не просто «балуются», но уже не могут обойтись без сигарет и алкоголя. Выбор достаточно многими респондентами «поднятия настроения» и «стресса» в качестве возможного мотива употребления спиртных напитков говорит о высокой степени маргинализации общества в России.

Что касается отношения респондентов к курящим людям из своего окружения и употребляющим алкоголь и наркотики, то лишь 15,6 % опрошенных относятся к этому резко отрицательно. Большинство респондентов (59,4 %) считают, что человек «волен делать то, что хочет», каждому четвертому (21,9 %) «безразлично, что делают другие», а 3,1 % – «поддержат компанию». Складывается неблагоприятная ситуация. Многие из студентов показывают вполне терпимое отношение к лицам, употребляющим алкоголь и наркотики, а это не может положительным образом повлиять на снижение числа зависимых от вредных привычек людей. Скорее наоборот, это способно привести к тому, что некоторые молодые люди из числа сомневающихся и имеющих в своем окружении подобных знакомых могут быть втянуты в их ряды.

Независимые специалисты, эксперты ВОЗ и ученые разных стран установили, что здоровье человека на 50–55 % зависит от условий и образа

¹⁴ Боронина Л. Н. Физическая культура и спорт как фактор профилактики саморазрушительного поведения. С. 53–54.

жизни, на 20–25 % – от экологических факторов, до 20 % – от генетических факторов и только на 8–10 % – от состояния медицинской помощи¹⁵ [10; 11].

В ходе проведенного исследования мы выяснили, что негативное воздействие на состояние здоровья современной молодежи оказывают следующие факторы:

- малоподвижный образ жизни в условиях развития компьютерной техники, Интернета, телефонов (57,6 %);
- несоблюдение режима питания, переизбыток, чрезмерное употребление фастфудов (47,9 %);
- состояние экологии, загрязнение окружающей среды (36,4 %);
- нежелание вести здоровый образ жизни, следовать его гигиеническим нормам и правилам (35,7 %);
- современный темп жизни, переутомление (30,9 %);
- несоблюдение режима труда, отдыха (23,9 %);
- недостаток средств на поддержание здоровья (21,8 %);
- большая учебная нагрузка (20,8 %);
- низкий уровень медицинского обслуживания (в частности профилактики заболеваний) (19,1 %);
- равнодушие родителей к здоровью детей (19,1 %);
- наследственность (14,6 %);
- недостаточная пропаганда здорового образа жизни (8,3 %);
- употребление энергетиков (5,3 %).

Полученные нами данные совпали с компетентным мнением экспертов в области здравоохранения. Респонденты дают себе отчет в том, что состояние их здоровья прямо зависит от образа жизни и питания. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья семьи, «около половины взрослого населения страны имеют избыточный вес, что в подавляющем большинстве случаев является показателем неправильного питания и недостаточной физической активности» [цит. по: 5, с. 117].

Обсуждение и заключение. Таким образом, вредные привычки – это зависимость не столько физическая, сколько психологическая, и поэтому очень многое зависит от социально-психологического микроклимата, который создается в учебных группах и общежитиях, от дружбы и сплоченности самих студентов, от их ответственности друг за друга и за ситуацию в целом.

Поставленная цель – выявление отношения студентов к ЗОЖ – достигнута с помощью проведенного исследования. Есть предпосылки для сохранения оптимизма, свойственного данной возрастной группе.

¹⁵ Состояние здоровья населения [Электронный ресурс]. URL: http://med-books.info/valeologiya_739/sostoyanie-zdorovya-naseleniya.html (дата обращения: 20.02.2018).

Хочется надеяться, что усилится положительная тенденция уменьшения количества курящих, употребляющих алкоголь и наркотики среди студенческой молодежи.

В целях создания позитивного социально-психологического микроклимата в вузе планируется проведение мониторинга формирования здорового образа жизни в студенческой среде с опорой на полученные в ходе исследования данные.

Материалы статьи будут полезны специалистам вузов, занимающимся вопросами сохранения здоровья студенческой молодежи, а также всем интересующимся проблемами социологии здоровья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Оценка состояния здоровья современных студентов / С. В. Михайлова [и др.] // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2016. Т. 18, № 2. С. 494–497. URL: https://clinical-journal.co.uk/gallery/print_2016-18-2_p.494-497.pdf (дата обращения: 02.07.2018).
2. Маралов В. Г. Приобретение или избавление: проблема выбора студентами стратегий самосовершенствования // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21, № 3. С. 477–488. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703.477-488>
3. Гордеева И. В. Современное состояние и проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2017. № 11 (153). С. 54–58. URL: <http://lesgaft-notes.spb.ru/ru/node/11245> (дата обращения: 02.07.2018).
4. Biktagirova G., Kasimova R. Formation of university students' healthy lifestyle // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, no. 6. Pp. 1159–1166. DOI: <https://doi.org/10.12973/ijese.2016.385a>
5. Засимова Л. С., Колосницына М. Г. Формирование здорового образа жизни у российской молодежи: возможности и ограничения государственной политики (по материалам выборочных исследований) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2011. № 4. С. 116–129. URL: <https://vgmu.hse.ru/2011--4/44332908.html> (дата обращения: 02.07.2018).
6. Хазова С. А. Состояние проблемы формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи [Электронный ресурс] // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2016. Т. 29. С. 156–161. URL: <http://e-concept.ru/2016/56569.htm> (дата обращения: 04.05.2018).
7. Халикова С. С. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи [Электронный ресурс] // *Ученые заметки ТОГУ*. 2016. Том 7, № 2. С. 157–162. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_75.pdf (дата обращения: 04.05.2018).
8. Чесебиева С. Т., Удычак М. М. Мотивация формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи [Электронный ресурс] // *Вестник*

Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-formirovaniya-zdorovogo-obrazazhizni-u-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 04.05.2018).

9. Оценка склонностей к психосоциальным зависимостям среди студентов 17–18 лет г. Новосибирска / А. В. Лебедев [и др.] // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21, № 4. С. 695–708. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.089.021.201704.695-708>

10. Формирование у обучающихся ценностных ориентаций на здоровый образ жизни / И. О. Бугаева [и др.] // *Саратовский научно-медицинский журнал*. 2017. Т. 13, № 2. С. 284–288. URL: <http://www.ssmj.ru/archive> (дата обращения: 04.05.2018).

11. Holtzman D. Public health social work: An uncertain future // *American Journal of Public Health*. 2017. Vol. 107, no. S3. Pp. S221–S222. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.304167>

Поступила 07.05.2018; принята к публикации 15.06.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Жираткова Жанна Вячеславовна, профессор кафедры иностранных языков и гуманитарных дисциплин Московского филиала ОЧУ ВО «Российская международная академия туризма» (105613, Россия, г. Москва, Измайловское шоссе, д. 71, корп. 4 Г-Д, стр. 5), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5052-8706>, zanna_z@mail.ru

Петрова Татьяна Эдуардовна, профессор кафедры государственного управления и социальных технологий ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)» (125993, Россия, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4), доктор социологических наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3039-179X>, peta-63@mail.ru

Леонтьева Алесья Вячеславовна, доцент кафедры английской филологии и переводоведения ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (129226, Россия, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-1192>, Scopus ID: 56998667200, lealesya1979@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Жираткова Жанна Вячеславовна – научное руководство; формулирование основной концепции исследования; подготовка начального варианта текста; анкетирование респондентов; сбор данных в группах; обеспечение ресурсами.

Петрова Татьяна Эдуардовна – теоретический анализ литературы по проблеме исследования; критический анализ и доработка текста.

Леонтьева Алесья Вячеславовна – анализ иностранной литературы; составление обзора.

Для цитирования:

Жираткова Ж. В., Петрова Т. Э., Леонтьева А. В. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи (социологический анализ) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 784–797. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.784-797

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mikhailova S.V., Zhizhenina L.M., Volkova S.I., Busarova N.V., Malafeeva E.F. Evaluation of the health of modern students. *Zdorovye i obrazovanie v XXI veke = Health and Education Millennium*. 2016; 18(2):494-497. Available at: https://clinical-journal.co.uk/gallery/print_2016-18-2_p.494-497.pdf (accessed 02.07.2018). (In Russ.)
2. Maralov V.G. Acquisition or disposal: the problem of the choice of a self-improvement strategy by students. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2017; 21(3):477-488. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.088.021.201703.477-488>
3. Gordeeva I.V. Contemporary state and problem of forming students' youth healthy lifestyle. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta = Scientific Notes of Lesgaft University*. 2017; 153(11):54-58. Available at: <http://lesgaft-notes.spb.ru/node/11245> (accessed 02.07.2018). (In Russ.)
4. Biktagirova G., Kasimova R. Formation of university students' healthy lifestyle. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016; 11(6):1159-1166. DOI: <https://doi.org/10.12973/ijese.2016.385a>
5. Zasimova L.S., Kolosnitsyna M.G. Creation of the healthy lifestyle for russian young people: Possibilities and limits of the state policy (from the materials of the optional analysis). *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2011; 4:116-129. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2011-4/44332908.html> (accessed 02.07.2018). (In Russ.)
6. Khazova S.A. The state of the problem of forming a healthy lifestyle among students. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal "Konsept" = Periodic scientific and methodological e-journal "Koncept"*. 2016; 29:156-161 Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56569.htm> (accessed 04.05.2018). (In Russ.)
7. Khalikova S.S. Formation of healthy lifestyle of student youth of higher educational institutions. *Uchenye zametki TOGU = Scientific Notes of Pacific National University*. 2016; 7(2):157-162. Available at: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_75.pdf (accessed 04.05.2018). (In Russ.)
8. Chesebieva S.T., Udychak M.M. Motivation of the formation of healthy lifestyle in students. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State University of Technology*. 2014; 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-formirovaniya-zdorovogo-obrazazhizni-u-studencheskoy-molodezhi> (accessed 04.05.2018). (In Russ.)
9. Lebedev A.V., Aizman N.I., Subotyalov M.A., Gerasev A.D., Aizman R.I. Psychosocial addiction assessment among 17–18-year old students of Novosibirsk.

Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education. 2017; 21(4):695-708. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.089.021.201704.695-708>

10. Bugaeva I.O., Kloktunova N.A., Kuligin A.V., Solovieva V.A. Forming value orientations on healthy lifestyle among students. *Saratovskij nauchno-meditsinskij zhurnal = Saratov Journal of Medical Scientific Research*. 2017; 13(2):284-288. Available at: <http://www.ssmj.ru/archive> (accessed 04.05.2018). (In Russ.)

11. Holtzman D. Public health social work: An uncertain future. *American Journal of Public Health* 2017; 107(S3):S221-S222. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2017.304167>

Submitted 07.05.2018; accepted for publication 15.06.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Zhanna V. Zhiratkova, Professor, Department of Foreign Languages and the Humanities, Moscow Branch of Russian International Academy for Tourism (5 Bldg. 4G-D, 71 Izmailovskoe Shosse, Moscow 105613, Russia), Ph. D. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5052-8706>, zanna_z@mail.ru

Tatiana E. Petrova, Professor, Department of Public Administration and Social Technologies, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4 Volokolamskoe Shosse, Moscow 125993, Russia), Ph. D. (Sociology), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3039-179X>, peta-63@mail.ru

Alesya V. Leontyeva, Associate Professor, Department of English Philology and Translation Studies, Moscow City University (4 Vtoroy Selskokhozyaystvenny Proezd, Moscow 129226, Russia), Ph. D. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3378-1192>, Scopus ID: 56998667200, lealesya1979@yandex.ru

Contribution of the authors:

Zhanna V. Zhiratkova – academic supervision; production of the idea of the article and the choice of research methods; preparation of the initial version of the text; conducting a survey; collecting data in groups; provision of resources.

Tatiana E. Petrova – theoretical analysis of the literature on the research problem; critical analysis and revision of the text.

Alesya V. Leontyeva – analysis of foreign literature; writing a review.

For citation:

Zhiratkova Zh.V., Petrova T.E., Leontyeva A.V. Promotion of a Healthy Lifestyle among Students (a Sociological Analysis). *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26(4):784-797. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.784-797>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия)

А. А. Сычев¹Е. А. Коваль²Н. В. Жадунова^{1*}

¹ ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия),
* zhadunovan@mail.ru

² Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Саранск, Россия)

Введение. Анализ освещения проблем миграции в электронных СМИ показывает, что язык вражды в отношении мигрантов становится общепотребительным, несмотря на существующие нормативные ограничения его использования. Это определило выбор данной проблематики для исследования, цель которого – изучить причины, формы и контексты использования языка вражды по отношению к мигрантам (на примере Республики Мордовия).

Материалы и методы. Материалами исследования послужили тексты, посвященные проблемам миграции и опубликованные в электронных версиях региональных СМИ. В качестве основного метода использовался дискурс-анализ.

Результаты исследования. Определена главная причина использования языка вражды в отношении мигрантов – негативные клише и стереотипы, способствующие восприятию мигрантов как источника экономических, медицинских, экологических, личных, общественных, политических и других угроз. Предложены содержательные и формальные критерии классификации языка вражды, используемого в отношении мигрантов. Сформулированы рекомендации по ограничению применения языка вражды в отношении мигрантов в публичном дискурсе. Рекомендации такого рода связаны с изменением риторики на текстуальном и контекстуальном уровне, однако наиболее важным представляется изменение метаконтекстуального уровня освещения и восприятия проблем миграции.

© Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В., 2018

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Материалы исследования будут полезны при разработке миграционной политики и мер по гармонизации социальных отношений в регионе. Полученные данные могут быть использованы в деятельности государственных и муниципальных служащих, журналистов, представителей педагогического сообщества.

Ключевые слова: язык вражды, мигрант, коммуникация, классификация, угроза, нормативное ограничение, контекст, метаконтекстуальность, региональные СМИ

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-03-00094 и № 17-03-00370.

The Issue of Classification of Hate Speech Against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia)

A. A. Sychev^a, E. A. Koval^b, N. V. Zhadunova^{a*}

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russia),
* zhadunovan@mail.ru

^b Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice
(Saransk, Russia)

Introduction. The performed analysis of coverage of migration issues in electronic media shows that hate speech against migrants is becoming common practice despite the existing regulatory restrictions on its use. This determined the choice of this issue for the research, aimed at studying the causes, forms and contexts of using hate speech against migrants (the case study of the Republic of Mordovia).

Materials and Methods. Texts on migration issues published in electronic versions of regional media were used as the materials of the study; discourse analysis was used as the main method.

Results. The main reason for using hate speech against migrants has been identified; it is reproduction of negative clichés and stereotypes that contribute to the perception of migrants as a source of economic, health, environmental, personal, social, political threats, etc. The authors have proposed the content and formal criteria for classification of hate speech against migrants. Recommendations on limiting the use of hate speech against migrants in public discourse have been offered. Recommendations of this kind are usually associated with a change in rhetoric at the textual and contextual levels; however the authors consider a change in coverage and perception of migration issues at the metacontextual level to be the most important factor.

Discussion and Conclusion. The research materials will be useful in developing migration policies and measures to harmonize social relations in the region. The data obtained can be used by state and municipal authorities, journalists, and representatives of the educational community.

Keywords: hate speech, migrant, communication, classification, threat, regulatory restriction, context, metacontextuality, regional media

Acknowledgments. The study was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of research projects No. 17-03-00094 and No. 17-03-00370.

Введение. Коммуникации в современном публичном пространстве отличаются повышенным уровнем конфликтности, особенно в тех случаях, когда вопросы о базовых нормах и ценностях обсуждаются субъектами с разными убеждениями и мировоззренческими позициями. Коммуниканты нередко проявляют в отношении друг друга речевую агрессию, применяя язык вражды, под которым понимается совокупность слов, выражений, изображений, дискредитирующих нормативный статус личности или группы. Одним из факторов использования языка вражды является стремление противопоставить «своих» и «чужих», наделяя первых положительными характеристиками, а вторых – сугубо отрицательными, что, как правило, обусловлено принадлежностью субъектов коммуникативного процесса к различным этническим, профессиональным, политическим, гендерным, возрастным группам. Примером конфликтной коммуникации такого рода является целенаправленное использование языка вражды в адрес мигрантов.

В последние десятилетия количество негативных стереотипов и клише в отношении мигрантов, тиражируемых различными СМИ, увеличивается. При этом обсуждение проблем миграции осуществляется как с использованием негативных эмоциональных суждений оценочного характера, так и при помощи манипулирования объективными фактами и статистическими данными, что в итоге приводит к формированию в обществе устойчивых предубеждений по отношению к мигрантам.

Особенности коммуникаций в сети Интернет усугубляют эту проблему, поскольку анонимность и дистанцированность авторов и комментаторов сообщений от объектов обсуждения провоцируют такое речевое поведение, которое в случае непосредственного контакта рано или поздно перевело бы конфликт с вербального на физический уровень воздействия.

Все это не способствует снижению уровня агрессии в публичном пространстве. Для поиска ориентиров, способных ослабить конфликтность и перевести коммуникацию в конструктивное русло, необходимо обнаружение причин частого использования языка вражды в публичном дискурсе и условий, способствующих его восприятию как нормы общения.

Целью данной статьи является исследование причин, форм и контекстов употребления языка вражды в отношении мигрантов в структуре регионального дискурса (на примере Республики Мордовия).

Для достижения поставленной цели предполагается определить негативные стереотипы и клише, продуцируемые и поддерживаемые электронными СМИ в отношении мигрантов; типологизировать факты употребления различных видов языка вражды; изучить контексты употребления такого языка; сформулировать рекомендации по нормативному регулированию освещения проблем миграции в публичном дискурсе.

Ключевые понятия исследования:

– *мигрант* – лицо, совершающее перемещение на новое место временного или постоянного проживания;

– *язык вражды* – слова, выражения, изображения, видео- и аудио-записи, демонстрируемые публично с целью выражения ненависти и недопущения в качестве нормы таких признаков конкретного лица или группы лиц, как пол, возраст, раса, национальность, политические, религиозные, мировоззренческие позиции и убеждения;

– *нормативные ограничения* – система норм и принципов, основанных на понуждении личности к нормативному поведению.

Результаты исследования позволяют расширить существующие классификации языка вражды, а также определить способы ограничения его использования в публичном дискурсе при освещении проблем миграции.

Обзор литературы. Понятие «язык вражды» стало использоваться в современном публичном дискурсе для определения способа дискриминации и выражения нетерпимого отношения к определенным лицам и группам. Так, Комитет министров Совета Европы под языком вражды понимает «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»¹.

Перечень признаков, на основании которых осуществляется дискриминация, постоянно расширяется: появляются работы, посвященные исследованию нетерпимого отношения к людям по признаку их внешнего вида, наличию социально значимых заболеваний и т. п.

Язык вражды в анализируемом контексте долгое время не был предметом обсуждения в научных исследованиях и публичных дискуссиях. Чаще всего в фокусе внимания оказывались проблемы речевой агрессии, вербализации насилия, речевой демагогии, манипулятивных технологий, идеологического конструирования образа врага и другие (В. Ю. Апресян², Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова [1; 2], А. В. Денисова [3], Ю. А. Ильичева [4] и др.). Потребности в особом выделении языка вражды как способа дискриминации личности, социальной группы долгое время не возникало из-за отсутствия соответствующего политико-правового контекста.

¹ Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997). URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home> (дата обращения: 12.03.2018).

² Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2003». Российский НИИ искусственного интеллекта. М. : ФГУП «Наука», 2003. С. 32–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21045312> (дата обращения: 24.01.2018).

С распространением идеологии толерантности, политики мультикультурализма, идеи «обратной дискриминации» язык вражды все чаще оказывается в центре внимания социальных и гуманитарных исследований. Большинство современных исследований проводятся в русле психологического, лингвистического, правового и социологического подходов.

В психологическом подходе акцент делается на особенностях восприятия языка вражды, анализе таких явлений, как стереотипизация мышления, социальные ожидания, манипуляция, убеждение и внушение (М. В. Кроз, Н. А. Ратинова и др.)³.

Лингвистический подход направлен на изучение текстуальных (лексических, морфологических, стилистических) средств выражения враждебности в языке (А. И. Грищенко, Н. А. Николина⁴, А. В. Евстафьева⁵, О. С. Коробкова [5], М. А. Кронгауз⁶ [6], О. В. Мороз⁷, А. И. Спожакина [7] и др.). В этом подходе язык вражды понимается прежде всего как «лингвистически выраженная интолерантность» [5, с. 201].

В правовом подходе внимание акцентируется на нормативно-правовых аспектах идентификации языка вражды, применения санкций за его использование, степени объективности судебно-лингвистической экспертизы (А. В. Денисова⁸, Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских⁹, Е. А. Сычев, Л. Л. Мартынова [8], А. Браун [9]).

Наконец, в рамках социологического подхода исследуется не только частотность и контекст употребления языка вражды в публичном пространстве, но и социальные причины и условия, способствующие его распространению, особенности конфликтных дискурсов (А. М. Верховский¹⁰, Г. В. Кожевникова, И. М. Дзялошинский [10], М. А. Пилгун [11],

³ Кроз М. В., Ратинова Н. А. От языка вражды к возбуждению ненависти: проблемы судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов СМИ // Язык вражды против общества. М., 2007. С. 226–246.

⁴ Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Труды Уральского МИОНА. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

⁵ Евстафьева А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 26 с

⁶ Кронгауз М. А. Новые слова и новые значения: механизмы возникновения // Жизнь языка: памяти М. В. Панова. М., 2007. С. 301–307.

⁷ Мороз О. В. Медиа как машины производства насилия: дефицитный sensemaking // Digital-агрессия: что делать и кто виноват? : сб. ст. и материалов к науч.-практ. конф. М., 2015. С. 156–167.

⁸ Денисова А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 221–227

⁹ Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / под ред. Г. Ю. Араповой. Воронеж, 2011. 128 с.

¹⁰ Язык вражды против общества. М., 2007. 268 с. URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/hs07-text.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).

М. О. Карпенко, Л. Л. Шпаковская, Е. Ю. Кольцова, Ф. И. Торчинский, Д. В. Дубровский¹¹, М. А. Фадеичева [12] и др.), в том числе с учетом региональной специфики (О. А. Богатова¹², С. В. Полутин, А. М. Чушкин¹³, С. Г. Ушкин [13] и др.). Как правило, объектом социологических исследований языка вражды являются СМИ, а предметом – тексты, в которых фиксируется прямая или косвенная дискриминация социальных групп на основании национальной принадлежности, религиозных убеждений, сексуальных предпочтений.

Сложность языка вражды как социального феномена обуславливает необходимость сочетания подходов и методов, разработанных в разных областях научного знания. В частности, изучение особенностей языка вражды по отношению к мигрантам не может ограничиваться количественными методами, оно должно включать в себя анализ негативных стереотипов, существующих в культуре, учитывать речевые, психологические и соционормативные аспекты обсуждения проблем миграции в публичном пространстве.

Из всего спектра современных подходов именно социологический позволяет синтезировать различные аспекты исследований языка вражды и предложить целостную интерпретацию различных его проявлений. В качестве примеров такой интерпретации можно привести ряд работ, посвященных анализу мигрантофобии в России (Н. В. Шилов [14]), Чехии (М. Хрдина [15]), Австралии (К. Гелбер, Л. Макнамара [16]) и др. Эти работы, опубликованные в последние годы, наглядно свидетельствуют о том, что проблема использования языка вражды по отношению к мигрантам остается актуальной для различных регионов мира. В этой связи появляется необходимость разработки единой системы классификации языка вражды, способной охватить основные его типы на различных смысловых уровнях исследования.

И. М. Дзялошинский предлагает сугубо формальные критерии классификации, полагая, что для выявления и анализа языка вражды следует «рассматривать не только тексты, но и средства визуализации – заголовки, фотографии и иные элементы оформления»¹⁴.

¹¹ Язык вражды в русскоязычном Интернете. Материалы по идентификации текстов ненависти / М. О. Карпенко [и др.]. СПб., 2003. 72 с.

¹² Богатова О. А. Социальные факторы формирования и изменения языкового режима в полиэтничном регионе // Настройка языка. Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: коллектив. моногр. М., 2016. С. 307–321. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26900139> (дата обращения: 28.06.2018).

¹³ Чушкин А. М., Полутин С. В. Состояние и динамика межэтнических отношений в Республике Мордовия // Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Суаревские чтения: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Саранск, 2016. С. 355–358.

¹⁴ Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. М., 2006. URL: <http://www.dzyalosh.ru/04-master/metod/yaзык-vrajdy-v-smi.doc> (дата обращения: 06.04.2018).

В известной классификации, предложенной сотрудниками информационно-аналитического центра «Сова», по основанию степени агрессивности коммуникации выделяются жесткий, средний и мягкий языки вражды¹⁵.

И. В. Следзевский, В. Р. Филиппов, Е. О. Хабенская, изучая язык вражды, применяемый по признаку национальной принадлежности стигматизируемых субъектов, выделяют негативные этнические стереотипы, перенос отрицательных характеристик с отдельных представителей на весь этнос, утверждение о наличии тайного заговора одной этнической группы против другой, угрозы в отношении определенной нации, призывы ограничить права представителей определенной нации и т. д.¹⁶.

Белорусскими исследователями А. Крушинской и А. Игнатовичем предложена следующая классификация: оскорбление чести и достоинства, стигматизирующая репрезентация, дискриминационная лексика, негативная стереотипизация, оправдание насилия и призыв к насилию¹⁷.

Отметим, что в двух последних примерах смешиваются различные основания для классификации (лексические, стилистические, психологические, правовые), из-за чего выявленные типы языка вражды частично пересекаются друг с другом (например, призыв к ограничению прав можно рассматривать как угрозу, а дискриминационную лексику – как один из способов оскорбления чести и достоинства). Кроме того, они содержательно не охватывают всех примеров языка вражды (в частности, тех случаев, когда отрицательное отношение формируется под видом объективного описания фактов). Это свидетельствует о необходимости разработки новых классификаций, не только дополняющих и расширяющих существующие, но и интегрирующих их в единую систему.

Материалы и методы. Материалами исследования являются тексты, посвященные проблемам миграции и опубликованные в 2017 г. в электронных версиях региональных СМИ («Столица С», «Вечерний Саранск», «Известия Мордовии»), комментарии пользователей к ним, а также сообщения, публикуемые на региональном форуме saransk.ru – «Саранский городской форум».

Выбор материалов обусловлен спецификой предмета исследования. По данным ВЦИОМ, в последние годы существует тенденция перемещения печатных СМИ на периферию медиaprостранства¹⁸. Телевидение

¹⁵ Язык вражды против общества.

¹⁶ Следзевский И. В., Филиппов В. Р., Хабенская Е. О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ». М., 2004. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1101820840.html (дата обращения: 18.12.2017).

¹⁷ Крушинская А., Игнатович А. Гендерные аспекты мовы варожасці ў беларускіх медыя. Вильнюс, 2016. URL: http://mediakritika.by/files/gendarnyya_aspekty_movy_varozhasci_u_belaruskikh_smi.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

¹⁸ Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116624> (дата обращения: 06.04.2018).

пока остается ведущим способом получения информации, однако оно не предоставляет таких возможностей для индивидуального самовыражения, как Интернет. Во многом эта ситуация вызвана отсутствием жестких ограничений при обмене мнениями пользователей на информационно-коммуникационных площадках Интернета. В итоге именно он оказывается основным пространством для функционирования языка вражды.

Из всего массива статей по ключевому слову «мигрант» были отобраны 25 публикаций газеты «Столица С», 27 – «Известия Мордовии», 80 – «Вечерний Саранск» и 8 тем на региональном форуме. Выполнение частотного анализа элементов языка вражды в отношении мигрантов в итоговой выборке оказалось невозможным по причине отсутствия словаря такого языка, а также из-за того, что большинство его элементов несут соответствующую смысловую нагрузку только в определенном контексте. Поэтому был проведен качественный анализ содержания материала, после чего отобрано 37 статей и высказываний.

Если журналистов, публикующих материалы в региональных СМИ по проблемам миграции, можно идентифицировать, то авторы комментариев и сообщений на форумах (в которых язык вражды неоднократно принимает крайние формы) часто остаются неизвестными. Именно эта сетевая анонимность и является условием перевода враждебности из латентного состояния в явное. В ситуации анонимности субъекта враждебности о нем можно судить лишь на основании того, о чем он высказывается. Соответственно, в исследовании использован метод дискурс-анализа¹⁹, под которым понимается изучение языковых паттернов, обуславливающих публичные высказывания участников коммуникации в различных сферах общественной жизни. Нас интересовали, главным образом, «враждебные» паттерны, адресованные мигрантам. Акцент сделан на структуре дискурса о миграции в региональных СМИ (на примере Республики Мордовия).

Использование дискурс-анализа позволяет исследовать обсуждение проблем миграции в условиях конкуренции политкорректного и враждебного по отношению к мигрантам дискурса. При этом если второй формирует и воспроизводит негативные стереотипы о мигрантах, то первый ориентирован на разрушение таких стереотипов, но не на формирование положительного образа мигранта.

Поскольку дискурс является формой социального поведения, «которая участвует в формировании социального мира»²⁰, дискурс-анализ – не только исследовательский метод, но и, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, механизм конструирования социальной реальности²¹. Ис-

¹⁹ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 17.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

пользование дискурс-анализа позволяет не только выявлять и описывать проблемы и их ценностно-нормативные нюансы, но и обнаруживать если не конкретные пути реконструкции дискурса, то точки бифуркации, в которых возможно изменение сложившейся системы коммуникации.

Результаты исследования. Анализ использования языка вражды по отношению к мигрантам позволил выявить основные содержательные и формальные критерии для его классификации.

Всякое негативное высказывание в адрес мигранта, как правило, основывается на убеждении в том, что миграция представляет угрозу для целостности, гармоничности, безопасности общества. С этой точки зрения наиболее адекватным критерием для *содержательной* классификации языка вражды необходимо считать угрозы, источником которых в сознании обывателей считаются мигранты.

Выделенные в ходе исследования негативные стереотипы в отношении мигрантов, циркулирующие в публичной коммуникации, логично распределяются по нескольким группам, в целом соответствующим классификации основных сфер безопасности человека, предложенных ООН. В «Докладе о человеческом развитии» 1994 г. выделяются экономическая, продовольственная, медицинская, экологическая, личная, общественная, политическая сферы безопасности²². Предлагаемая нами содержательная классификация языка вражды отображает угрозы, соответствующие этим семи сферам.

Прежде всего, мигранты рассматриваются как угроза *экономической безопасности*. Как в научном дискурсе, так и в комментариях интернет-пользователей высказываются опасения, что мигранты «отнимают» рабочие места у местного населения и устанавливают контроль над рынком: «Мигранты обостряют конкуренцию за рабочие места на рынке труда и часто имеют большие шансы на получение работы, чем жители республики»²³ (здесь и далее орфография и пунктуация реципиентов сохранены. – *Примеч. авт.*); «Они тут сплошь и рядом торгуют или вообще ничего не делают, вся местная торговля у них в руках через подставных лиц»²⁴.

Мигранты также нередко воспринимаются как угроза *продовольственной безопасности* (страх остаться без средств к существованию, отсутствие возможности прокормить себя и семью из-за увеличения количества мигрантов): «Претендуя на трудоустройство и социальные

выплаты, вы что-то отбираете у местного населения, и оно относится к вам совсем по-другому...»²⁵.

Мигранты, по мнению местного населения, представляют угрозу для *здоровья* (боязнь заразиться от мигрантов, которые могут быть переносчиками различных инфекций): «В Саранске за прошлый год скончались 34 больных. Это больше, чем в предыдущие годы. Впрочем, количество выявленных инфицированных тоже выросло на 26 %. Медики связывают это, прежде всего, с увеличением числа мигрантов и беженцев из Украины»²⁶.

Реже мигранты воспринимаются как угроза *экологической безопасности* («сложный» страх: мигранты отрицательно воздействуют на окружающую среду из-за перенаселения определенных территорий, из-за повышенной нагрузки на эти территории, связанные с выбросом отходов; из-за нарушения правил гигиены; из-за отсутствия заинтересованности в процессе осуществления трудовой и иной деятельности минимизировать свой экологический след и др.): «...Есть у меня знакомый, родился в Украине, но несколько лет назад переехал в Германию. ...Говорит, что возмущается поведением мигрантов. Как те мусорят из окон авто. Однажды ехал по автобану, увидел это и позвонил в полицию. Откуда ни возьмись патрульное авто. Остановили того нарушителя, наказали. Только по звонку настолько там сильно доверие к гражданину. И гражданина к полиции. Нам бы это тоже не помешало»²⁷.

Мигрантов ассоциируют с угрозой *личной безопасности* (боязнь стать жертвой преступлений, совершаемых мигрантами): «Еще недавний пример – когда трудовыми мигрантами, уроженцами республики Узбекистан, была изнасилована наша землячка. Последствия не стали долго ждать, и представители фанатской среды через интернет кинули клич о “народном сборе”»²⁸.

Мигранты, как полагают многие жители республики, угрожают не только личной, но и *общественной безопасности* (боязнь образования диаспор, районов с компактным населением мигрантов, где будет некомфортно и опасно жить местному населению; боязнь того, что мигранты, не желая интегрироваться в национальную культуру принимающего со-

²⁵ «Плохо отношусь к “Голосу” и подобным конкурсам. Они раскручивают не артистов, а членов жюри, которые получают хороший гонорар...» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/culture/79453> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁶ «В 2018 кроме иностранцев приедут еще жители соседних регионов, которые неблагоприятны по ВИЧ» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/lifestyle/health/38654> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁷ «Если меня сдадут, я спасибо скажу!» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/lifestyle/auto/91829> (дата обращения: 11.10.2017).

²⁸ «В республике все больше активизируются эмиссары религиозных течений» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsar.ru/7725_%C2%ABV_respublike_vsyo_bolshe_aktiviziruyutsya_emissary_razlichnyh_religioznyh_techenij%C2%BB (дата обращения: 18.10.2017).

²² Human development report 1994. N. Y., Oxford : Oxford University Press, 1994. P. 24–25.

²³ Проблемы миграции населения в Республике Мордовия / А. С. Колантаева [и др.] [Электронный ресурс]. URL: sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/10/Kolontaeva%20zchennikova.pdf (дата обращения: 25.06.2018).

²⁴ В Мордовии «танком» проехали по нелегалам [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/society/55720> (дата обращения: 11.10.2017).

общества, будут пропагандировать свою культуру и понуждать местное население принимать и поддерживать ее, способствовать ее воспроизводству): «...Понимаете, нашим гражданам зачастую не нравится то, что приезжие пытаются установить на нашей территории свои порядки. Если мы принимаем их, то должны заставить их познать нашу культуру, наш быт, выучить наш язык. Хотя бы на разговорном уровне. Тогда не будет у нас никаких разногласий. Необходимо объяснить приезжим, что у нас своя культура, свои традиции. Примите их, как есть, и живите спокойно»²⁹.

Наконец, мигранты рассматриваются как угроза *политической безопасности* (боязнь того, что мигранты в силу их слабого знакомства с правовой системой принимающего государства, слабой социальной защищенности могут быть вовлечены в политические противостояния, влекущие за собой серьезные внутри- и внешнеполитические проблемы, в том числе эскалацию экстремистской и террористической деятельности): «Из года в год у нас в республике все больше активизируются эмиссары различных религиозных течений, которые распространяют радикальные идеи и материалы экстремистского содержания. То есть радикальные течения и контакты жителей Мордовии с представителями экстремистских организаций зафиксированы и у нас в республике»³⁰.

Возможны и другие критерии для создания содержательной классификации языка вражды, однако, в отличие от имеющихся классификаций, предлагаемый критерий (угрозы безопасности) позволяет охватить все значимые случаи использования языка вражды в отношении мигрантов и подвести их под единый концептуальный базис.

В определении формальных критериев для классификации языка вражды основные сложности обусловлены, в первую очередь, многообразием средств выражения негативного отношения к личностям, группам, зависящим не только от смысловой нагрузки, но и от контекста, в котором они используются. Так, существует относительно небольшое количество конкретных языковых единиц, которые однозначно понимаются как оскорбительные и враждебные. Большинство языковых единиц являются нейтральными, но способны выражать различные оттенки враждебности в контексте дискурса о миграции. Более того, нередко в общем контексте они приобретают противоположные привычным значения.

Иными словами, язык вражды может выражаться с помощью отдельных эмоционально окрашенных понятий или же выводиться из контекста, в котором те или иные лексические единицы (а иногда и сами тексты)

²⁹ «В Мордовии нет этнических преступных группировок!» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsar.ru/7957_%C2%ABV_Nordovii_net_etnicheskikh_prestupnyh_gruppirovok_%C2%BB (дата обращения: 06.11.2017).

³⁰ «В республике все больше активизируются эмиссары религиозных течений».

приобретают соответствующие смысловые акценты. Существующие классификации не учитывают многоуровневости конструирования языка вражды. В этой связи требуется новая классификация, включающая не только собственно текстуальные, но и контекстуальные и метаконтекстуальные характеристики.

Под текстуальным языком вражды понимается характеристика объекта, выраженная при помощи слов, жестов, изображений, которые имеют устойчивые негативные смыслы. Демонстрация отношения к мигранту может изменяться от легкого пренебрежения («гастеры», «люди второго сорта») до прямого, открытого оскорбления. В последнем случае употребление языка вражды влечет за собой соответствующие правовые последствия (привлечение к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП (Оскорбление), 5.62 КоАП (Дискриминация)³¹, к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства)³² и др.

При использовании контекстуального языка вражды отдельные элементы текста приобретают уничижительное или оскорбительное значение лишь в общем контексте высказывания («черные», «дешевая рабочая сила»). Достаточно распространенной разновидностью контекстуального языка вражды является использование иронии и сарказма («Они сначала приезжают, жалятся, типа мы бедные сирые, прописываются, живут, не любят работать на производстве, чаще торгуют, потихоньку плодятся, а потом объявляют о своей нацавтономии, типа мы тут всегда были и вообще мы тут местные»)³³. Кроме того, нередко нейтральное, без агрессивных коннотаций, слово или выражение берется в кавычки, что изменяет его значение («Житель Мордовии “удовлетворил” трех армян»³⁴). Отметим, что на определение контекстуального языка вражды часто влияет субъективная позиция исследователя, его способность и желание «вычитать» из контекста реальную позицию участников коммуникации.

Наконец, метаконтекстуальный язык вражды можно обнаружить лишь на основании комплексного анализа всего медийного дискурса в отношении мигрантов. Так, даже если в отдельных текстах не прослеживаются ни текстуальный, ни контекстуальный языки вражды, это еще не гарантирует того, что участники дискурса не воспроизводят отрицательные стереотипы о мигрантах.

³¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // КонсультантПлюс : информ.-прав. обеспечение (дата обращения: 12.04.2018).

³² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс : информ.-прав. обеспечение (дата обращения: 12.04.2018).

³³ Фиктивно прописать мигрантов в Саранске стоит одну тысячу рублей в месяц [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/incident/41362> (дата обращения: 20.05.2017).

³⁴ Житель Мордовии «удовлетворил» трех армян [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/news/incident/91190> (дата обращения: 11.10.2017).

В общем информационном потоке, посвященном общественным проблемам, расстановка смысловых и эмоциональных акцентов осуществляется таким образом, что даже объективные факты воспринимаются как подтверждение того, что мигранты являются одной из основных угроз безопасности.

Так, например, указание в новостных сообщениях на то, что преступление совершено мигрантом, поддерживает стереотип «Все мигранты – преступники». Если аналогичное преступление совершается местным жителем, как правило, не делается акцент на его гражданстве, национальности или вероисповедании. В то же время в СМИ активно используются высказывания «мигранты-мусульмане», обороты с указанием национальности или страны происхождения мигранта («мигрант-таджик», «мигрант-узбек», «мигрант-белорус» и т. п.).

По данным Мордовиястата, к началу 2017 г. в Республику Мордовия из зарубежных стран (прежде всего стран СНГ) прибыли 8 934 чел., что составляет 1,1 % от общего числа жителей, зарегистрированных в республике³⁵. При этом в нашей стране существует многолетняя традиция гармоничного и мирного сосуществования представителей разных этносов, культур, религиозных сообществ. Тем не менее проблема использования языка вражды в отношении мигрантов на региональном уровне артикулируется в публичном дискурсе, поэтому требуется актуализация нормативных ограничений речевого поведения.

Обсуждение и заключение. Для того чтобы минимизировать случаи использования языка вражды в отношении мигрантов, недостаточно запретов на применение текстуального языка вражды, которые зафиксированы в нормах права (запреты на оскорбление, дискриминацию, возбуждение религиозной ненависти и вражды) и профессиональной этики³⁶. Использование контекстуального и метаконтекстуального языка вражды также должно быть ограничено; такое ограничение прежде всего обращено к каждому человеку, участвующему в публичном обсуждении проблем миграции или иных тем, в которых воспроизводятся негативные клише и стереотипы в отношении мигрантов. Их воспроизводство обостряет проблему восприятия мигрантов как источника реальных или мнимых угроз общественной безопасности.

³⁵ Мордовиястат: официальный сайт. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.05.2018).

³⁶ Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruj.ru/about_organization/kodeks-professionalnoy-etiki-rossiyskogo-zhurnalista/ (дата обращения: 24.10.2017); Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу [Электронный ресурс]. URL: <http://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015> (дата обращения: 24.10.2017).

Сформулируем общие рекомендации, адресованные участникам публичного дискурса о проблемах миграции.

Во-первых, необходимо внедрение действенных механизмов применения существующих формальных санкций за использование языка вражды. Должна быть предусмотрена институционализация ответственности за нарушение норм профессиональной этики журналистами, государственными и муниципальными служащими и другими профессиональными группами. Необходима ревизия профессиональных этических кодексов на наличие норм, предусматривающих самоцензуру, контроль за использованием всех видов и уровней языка вражды со стороны профессионального сообщества, самоконтроль участника публичной коммуникации, а также действенных санкций за их нарушение.

Во-вторых, необходимо усовершенствовать правовые нормы и методические рекомендации, направленные на выработку четких критериев для лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы контента, в котором используется язык вражды. Для этого требуется внедрение в практику правоприменения семиотических, этических, социологических экспертиз, которые предполагают использование рекомендуемой авторами классификации языка вражды.

В-третьих, необходимо создавать условия для социальной интеграции мигрантов, их культурной ассимиляции, включающие в себя изменение подходов к освещению проблем миграции, а также просвещение и воспитание населения, изменяющие метаконтекстуальный уровень обсуждения проблем миграции.

В-четвертых, в ситуации конкуренции дискурсов важно учитывать ограниченные возможности политкорректного дискурса, который не может обеспечить формирование положительного образа мигранта. В этой связи перспективно конструирование дискурса на основе такой базовой ценности, как социальное доверие. Переход от политкорректного дискурса к дискурсу доверия означает глобальное переструктурирование, перелом дискурса о миграции в целом. Он не может быть осуществлен формально: недостаточно просто изменить язык, которым описываются проблемы, связанные с миграцией, необходимо, чтобы в общественном сознании образ «хорошего» мигранта конкурировал с образом «плохого» мигранта.

Результаты исследования и предложенные рекомендации имеют теоретическую и практическую значимость для представителей региональной власти, СМИ, а также ученых, занимающихся исследованиями языка вражды. Представляется перспективным применение предложенной классификации языка вражды к другим объектам изучения и в иных региональных контекстах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, № 2. С. 109–116. URL: <http://ru.history.vestnik.udsu.ru/archive/show/5-2016-2-13> (дата обращения: 24.01.2018).
2. Воронцова Т. А., Копылова Т. Р. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 29–33. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:lingvistika-v-obrazovani&catid=639&Itemid=320 (дата обращения: 13.02.2018).
3. Денисова А. В. Язык вражды: некоторые особенности судебных лингвистических экспертиз // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 36 (77). С. 54–58. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36\(77\)/denisova_36_77_54_58.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36(77)/denisova_36_77_54_58.pdf) (дата обращения: 10.08.2017).
4. Ильичева Ю. А. Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2013. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (дата обращения: 12.05.2018).
5. Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205. URL: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/112> (дата обращения: 20.03.2018).
6. Кронгауз М. А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 7–20. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (дата обращения: 8.02.2018).
7. Спужакина А. И. «Язык вражды» в региональных СМИ (российско-украинский конфликт в оценке журналистов Оренбуржья) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 267–275. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22959902> (дата обращения: 20.12.2017).
8. Сычев Е. А., Мартынова Л. Л. Признаки возбуждения вражды и ненависти и их значение для определения смысловой и психологической направленности текста // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 225–228. URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/467/465/sl-2008-1.pdf (дата обращения: 20.12.2017).
9. Brown A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate // Law and Philosophy. 2017. Vol. 36, issue 4. Pp. 419–468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1>
10. Дзялошинский И. М. Медийные стратегии вражды: языковые и образные средства // Journalistische ethik und medienIm postsowjetischen raum. Leipzig : Veröffentlichungen des Moldova-instituts Leipzig, 2017. С. 141–149. URL: <https://publications.hse.ru/books/213658085> (дата обращения: 20.12.2017).
11. Pilgun M. A., Dzyaloshinsky I. Comunicación digital y la realidad social en la comunicación entre los usuarios de las redes sociales rusoparlantes: representación del contenido histórico // Revista Latina de Comunicación Social. 2017. No. 72. Pp. 1010–1026. DOI: <https://doi.org/10.4185/RLCS-2017-1205>
12. Фадеичева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. Вып. 1 (18). С. 20–24. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259&Itemid=75 (дата обращения: 13.01.2018).

13. Ушкин С. Г. Тональность дискурсов (этнокультурной) политики в средствах массовой информации Приволжского федерального округа // Регионология. 2014. № 2. С. 159–169. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1275> (дата обращения: 13.01.2018).
14. Шилов Н. В. Мигрантофобия как фактор риска возникновения межнациональных конфликтов // Регионология. 2016. № 4. С. 160–167. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1490> (дата обращения: 13.01.2018).
15. Hrdina M. Identity, activism and hatred: Hate speech against migrants on Facebook in the Czech Republic in 2015 // Naše Společnost. 2016. No. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.13060/1214438X.2016.1.14.265>
16. Gelber K., McNamara L. The Effects of Civil Hate Speech Laws: Lessons from Australia // Law & Society Review. 2015. Vol. 49, issue 3. Pp. 631–664. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/lasr.12152>

Поступила 13.07.2018; принята к публикации 29.08.2018; опубликована онлайн 28.12.2018.

Об авторах:

Сычев Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Коваль Екатерина Александровна, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеевко, д. 6), доктор философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Жадунова Наталья Владимировна, декан факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат философских наук, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Сычев Андрей Анатольевич – формулирование основной концепции исследования; разработка оснований для классификации языка вражды; сбор данных и доказательств.

Коваль Екатерина Александровна – разработка методологии; подготовка начального варианта текста; критический анализ текста.

Жадунова Наталья Владимировна – анализ литературы по заявленной проблеме; интерпретация данных исследования; доработка текста.

Для цитирования:

Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4. С. 798–815. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815>

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Vorontsova T.A. Trolling and flaming: speech aggression in the internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2016; 26(2):109-116. Available at: <http://ru.history.vestnik.udsu.ru/archive/show/5-2016-2-13> (accessed 24.01.2018). (In Russ.)
2. Vorontsova T.A., Kopylova T.R. Silence as a marker of aggressive speech behavior (Case study of day-to-day communication). *Filologicheskij klass* = Philological Class. 2017; 49 (3):29-33. Available at: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1680:lingvistika-v-obrazovani&catid=639&Itemid=320 (accessed 13.02.2018). (In Russ.)
3. Denisova A.V. [Hate speech: some features of forensic linguistic expertise]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2008; 77(36):54-58. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36\(77\)/denisova_36_77_54_58.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/36(77)/denisova_36_77_54_58.pdf) (accessed 10.08.2017). (In Russ.)
4. Ilicheva Yu.A. Mobilization technologies: Essence, background of origin, major tools and means. *Mediaskop* = Mediascope. 2013; 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1335> (accessed 12.05.2018). (In Russ.)
5. Korobkova O.S. Hate speech indicators in ethnic membership nominations: sociolinguistic aspect. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. 2009; 111:200-205. Available at: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/112> (accessed 20.03.2018). (In Russ.)
6. Krongauz M.A. Short course of newspeak. *Voprosy literatury* = Literature Issues. 2015; 1:7-20. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (accessed 8.02.2018). (In Russ.)
7. Spozhakina A.I. "Hate speech" in the regional media (the conflict between Russia and Ukraine in the assessment of Orenburg journalists). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva* = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev. 2014; 17(4):267-275. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22959902> (accessed 20.12.2017). (In Russ.)
8. Sychev E.A., Martynova L.L. Features of entity and detestation and their importance for definition of sensitive and psychological direction of the text. *Obshchestvo i pravo* = Society and Law. 2008; 19(1):225-228. Available at: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/467/465/sl-2008-1.pdf (accessed 20.12.2017). (In Russ.)
9. Brown A. What is hate speech? Part 1: The myth of hate. *Law and Philosophy*. 2017; 36(4):419-468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1>
10. Dzyaloshinsky I.M. [Media strategies of hostility: Language and graphic means]. In: *Journalistische ethik und medienim postsowjetischen raum*. 2017. Available at: <https://publications.hse.ru/books/213658085> (accessed 20.12.2017).
11. Pilgun M.A., Dzyaloshinsky I.M. Comunicación digital y la realidad social en la comunicación entre los usuarios de las redes sociales rusoparlantes: representación del contenido histórico. *Revista Latina de Comunicación Social*. 2017; 72:1010-1026. DOI: <https://doi.org/10.4185/RLCS-2017-1205>

12. Fadeicheva M.A. Existential foundations of hate speech. *Diskurs-Pi* = Discourse-P. 2015; 18(1):20-24. Available at: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259&Itemid=75 (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
13. Ushkin S.G. Tone of the discourse of national (ethno-cultural) policy in mass media of the Volga federal district. *Regionologiya* = Regionology. 2014; 2:159-169. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1275> (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
14. Shilov N.V. Migrant phobia as a risk factor for the occurrence of interethnic conflicts. *Regionologiya* = Regionology. 2016; 4:160-167. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1490> (accessed 13.01.2018). (In Russ.)
15. Hrdina M. Identity, activism and hatred: Hate speech against migrants on facebook in the Czech Republic in 2015. *Naše Společnost*. 2016; 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.13060/1214438X.2016.1.14.265>
16. Gelber K., McNamara L. The effects of civil hate speech laws: Lessons from Australia. *Law & Society Review*. 2015. 49(3):631-664. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/lasr.12152>

Submitted 13.07.2018; accepted for publication 29.08.2018; published online 28.12.2018.

About the authors:

Andrey A. Sychev, Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru

Ekaterina A. Koval, Professor, Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings, Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice, (6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, nwifesc@yandex.ru

Natalia V. Zhadunova, Dean of the Faculty of Further Education, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russia), Ph. D. (Philosophy), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, zhadunovan@mail.ru

Contribution of the authors:

Andrey A. Sychev – formulation of the basic concept of the research; development of the grounds for classification of hate speech; collection of data and evidence.

Ekaterina A. Koval – development of methodology; preparation of the initial version of the text; critical analysis of the text.

Natalia V. Zhadunova – analysis of the literature on the stated problem; interpretation of the research data; revision of the text.

For citation:

Sychev A.A., Koval E.A., Zhadunova N.V. The Issue of Classification of Hate Speech Against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia). *Regionologiya* = Regionology. 2018; 26(4):798-815. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.798-815>

All authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» принимает не опубликованные ранее оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.
2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*
3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключения. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год). Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Электронные версии статей размещаются на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.
Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.
Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Regionology journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

To submit an article in the journal *Regionology* you should know.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusions. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed. *Contribution of the authors should be written in Russian and English.*

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Regionology* journal uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa (a review stays valid for 1 year). On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of Academic Electronic Library. The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index in the catalogue of the agency of *Rospechat* is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *А. С. Полутина*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 07.12.2018. Дата выхода в свет 28.12.2018. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 1 000 экз. 1 завод – 250 экз. Заказ № 2014. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing *A. S. Polutin*.
Translation *A. V. Puzakov*.
Informational support of the journal site *A. A. Paramonov*.

Subscription index in catalogue of agency “Rospechat”– 73335.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor); the Certificate of registration of a mass media unit: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016.

Signed to print 07.12.2018. Date of publishing 28.12.2018. Sheet size 60x84 1/16. Conventional printed sheets 11,16. Number of copies: 1,000. Printing plant 1: 250 copies. Order no. 2014. Free price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Tel/Fax: +7 (834 2) 48 14 24, +7 (834 2) 32 86 14
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russia.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia (Publishing House of National Research Mordovia State University)

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.